

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Факультет истории

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы научной конференции
студентов и аспирантов

20–21 апреля 2012 года, Санкт-Петербург

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61
К65

К65   **Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы научной конференции студентов и аспирантов (20–21 апреля 2012 года, Санкт-Петербург).** — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 172 с.

ISBN 978-5-94380-131-0

Издание представляет собой сборник материалов шестой конференции «Конструируя “советское”?», состоявшейся 20–21 апреля 2012 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В конференции приняли участие студенты, аспиранты и соискатели из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Вологды, Донецка, Киева, Харькова, а также из Беркли, Парижа и Цюриха. В рамках междисциплинарного подхода участники конференции представили попытки осмысления феномена «советского» на основе различных типов источников. В сборник вошли работы по следующим темам: советские идентичности, репрезентации «советского», история советской науки и техники, политизация досуга и празднования в СССР, политические конфликты.

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бабкина Елена</i> Ученый в советской прессе 1960-х — начала 1980-х: герой и эрзац-герой	5
<i>Березина Вера</i> Экскурсионная работа в 1920-х гг. как средство воспитания «нового человека»: теоретический аспект	12
<i>Богатикова Анна</i> Сокровища мадам Петуховой: репрезентация социальных изменений в советской архитектуре 1920-х гг. Досуговые центры	19
<i>Возьянов Андрей</i> «Производство пассажира» в советском транспорте 1960–1970-х гг.: техника тела и воспитание внимания	26
<i>Гирик Сергей</i> Увидеть союз иначе. Альтернативный проект объединения советских республик (1919 г.)	33
<i>Годунов Константин</i> Праздник 7 ноября как механизм социальной стратификации советского общества (на материалах Карелии 1918–1941 гг.)	39
<i>Гумерова Мария</i> Национализация свободного времени (СССР 1920–1930-е гг.)	46
<i>Денис Джульетта</i> Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) Латвии: поддержка в восстановлении советского режима (1944–1946 гг.)	52
<i>Захарова Евгения</i> «Даешь Москву!»: образ социалистической столицы в путеводителях двадцатых годов	58
<i>Калеменева Екатерина</i> «Земля будущего»: проекты строительства крытых городов на Крайнем Севере в 1950–1960-е гг.	65
<i>Касаткина Александра</i> Категория «советское» в современных садоводческих товариществах	72
<i>Клименко Оксана</i> Советские политические праздники в 1918–1929 гг.: празднование Октябрьской революции в УССР	78
<i>Козлов Дмитрий</i> Интерпретация социального протеста в официальном дискурсе периода «оттепели»	84
<i>Кочеткова Елена</i> Трансфер технологий в советскую лесную отрасль в рамках советско-финляндского научно-технического сотрудничества в 1953–1964 гг.	92

<i>Кривоноженко Александр</i> Стратегия бойкота Петроградского университета в первые месяцы после Октябрьской революции.....	99
<i>Кулигина Елена</i> Советский Север в фокусе интереса зарубежных ученых: Теренс Армстронг, советско-британские научные связи и циркуляция знаний в 1960-е гг.	106
<i>Липянина Марина</i> Иллюминация Ленинграда в 20–30-е гг. XX века как средство политической агитации.....	111
<i>Любавский Роман</i> «В клуб рабочий от станка металлист шагает»: деятельность клубов для рабочих в Харькове в 1920-е гг.	116
<i>Мухаматулин Тимур</i> «Правительственные самолеты в Испании и правительственная армия — это наша армия и наши самолеты»: Гражданская война в Испании в массовом сознании советского общества	122
<i>Перлиев-Цюрхер Нина</i> Советские инженеры 1930-х гг. — зарождение, прославление, преследование	129
<i>Резник Александр</i> Лев Троцкий и дискуссия о «новом быте» в контексте внутрипартийной борьбы 1923–1924 гг.	135
<i>Соколов Юрий</i> Большевистский агитатор на фронтах Гражданской войны: между личной заинтересованностью и партдисциплиной (на материалах Северо-Двинской губернии)	144
<i>Суббота Елена</i> Репрессии против членов Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1930-е гг.)	151
<i>Чунихин Кирилл</i> Две выставки 1959 г.: диалог культур или война идеологий? (на материале Американской национальной выставки в Сокольниках и выставки СССР в Нью-Йорке).....	159
<i>Шехтер Брэндон</i> «Личное знамя»: гимнастерка как биография солдата и режима, 1941–1945 гг.	166

Бабкина Елена

Донецкий национальный университет
исторический факультет, аспирантка
Alljone@rambler.ru

УЧЕНЫЙ В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ 1960-Х — НАЧАЛА 1980-Х: ГЕРОЙ И ЭРЗАЦ-ГЕРОЙ

В конструировании антропологического портрета интеллигенции — социальной группы, создающей легитимный дискурс относительно других социальных групп, — важен анализ того дискурса, который общество применяет по отношению к ней. Помимо иных текстов его содержат материалы прессы, формирующие нормативные и сатирические, противопоставляющие норму и не-норму, образы ученых, отражающие создание мифа «шестидесятников» об ученом и его исчерпание.

Мировоззрение «шестидесятников» героизирует ученого, видя в нем человека новой эпохи, в котором нуждалось общество¹. Пресса формирует ответ на вопрос, каков он, этот герой. Им был прежде всего физик — главный авторитет эпохи, создатель ее текстов. Нормативный образ научного работника в прессе дополнялся новинками технической мысли либо лабораторными приборами²: пресса демонстрирует знаковое для эпохи слияние понятий науки и техники. Изображения техники также защищали учёного от восприятия его как «лишнего звена» общества трудящихся, акцентируя внимание на механических операциях, соответствовавших концепту труда в сознании обывателя.

Эпоха научно-технического прогресса (НТП) во главу угла ставит коллективный труд, и даже выдающиеся ученые признавали невозможность различения по характеру труда исследователя и инженера³. Партийная печать была солидарна с ними, публикуя большое количе-

---

¹ *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 100.

² Социалистический Донбасс. 1966. № 185. С. 1; Социалистический Донбасс. 1967. № 8. С. 2.

³ *Колмогоров А.* Знания, навыки, способности и конкурсные экзамены (анкета) // Литературная газета. 1967. № 2. С. 12.; *Янишин А.* Времена Фаустов миновали (анкета) // Литературная газета. 1967. № 7. С. 12.

ство материалов, посвященных «массово-производственной»⁴ части научной интеллигенции, демонстрирующих поисковую работу рядовых научных сотрудников и сообщая о награждении их Ленинскими и Государственными премиями наряду с учеными с именем.

В то же время СМИ формируют престижный образ теоретика, продвигающего науку на новый «этаж»⁵, автора фундаментальных исследований, создателя новых научных школ и направлений. Им, как правило, посвящаются биографические статьи, им вручаются персональные, либо охватывающие небольшое количество человек премии, подчеркивая тем самым принципиально иной характер научного труда. Они говорят от имени своего научного направления, в их личных достижениях виделся прогресс как конкретных отраслей, так и науки в целом.

Образ крупного ученого-теоретика в СМИ в большинстве случаев дополнялся образом ученого — организатора научного процесса, роль которого оценивалась как исключительно важная⁶. Власть ученых-организаторов облекалась в риторику заботы о коллективе, ей были присущи черты власти отца — воспитателя молодых специалистов⁷. В биографических статьях обязательно отмечались заслуги ученого в педагогической сфере в дискурсе социального отцовства. Симптоматично то, что семейная сфера жизни ученого в публикациях полностью отсутствовала, и, таким образом, образ мужчины-отца в контексте образа ученого мог быть продемонстрирован только в сфере профессиональных отношений. Выдающийся ученый-организатор изображался СМИ первым среди равных — так, среди лауреатов Ленинской или Государственной премии руководитель проекта, как правило, маркируется только первым местом в списке, повседневное общение между ним и рядовыми сотрудниками изображалось без статусной дистанции⁸.

Образ героя эпохи закрепился за ученым не только благодаря его знаниям: он обязательно обладал моральными качествами человека будущего, среди которых основное — честность как принципиальная по-

---

⁴ Кустарёв А.С. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М.: Товарищества научных изданий КМК, 2006. С. 80.

⁵ Несмеянов А.Н. Возможности науки безграничны (анкета) // Литературная газета. 1967. № 1. С. 11.

⁶ Там же; Белов Н.В. Ученый и общество (анкета) // Литературная газета. 1967. № 3. С. 2.

⁷ Социалистический Донбасс. 1968. № 20. С. 3; Социалистический Донбасс. 1968. № 37. С. 4; Социалистический Донбасс. 1965. № 106. С. 2.

⁸ Владин В. О том, как писать об ученых вообще и о молодых физиках в частности // Литературная газета. 1967. № 7. С. 12.

зияция ученого. Честность не только в отношении результатов труда, но и по отношению к коллегам и обществу в целом, а также отсутствие тщеславия, эгоизма, корыстолюбия. Ученый в 1960-х гг. воплощал идею бескорыстного и приносящего наслаждение творческого труда, энтузиазма, жертвенности, напряжения эмоциональных и волевых качеств, преданности делу, эмоциональной связи с ним⁹. Именно потому «научная работа как ничто иное возвышает и воспитывает нравственность человека»¹⁰. Символически гармония интеллекта и духовности в понимании «шестидесятников» воплощалась в образе сибирского ученого¹¹ — человека своего дела, энтузиаста и нонконформиста, романтика, покинувшего столицу ради «туманов и запаха тайги». Герой эпохи должен был быть маркирован снегом и холодом¹², активностью в преодолении пространственных и символических границ, закалявших тело и дух, антигерой же именовался «тепличным ученым»¹³.

Сибирская тема в облике ученого 1960-х повлияла на образ его нормативной телесности, закрепляя идею спортсмена-интеллектуала как героя эпохи¹⁴ в противовес тем, кто «протирает одежду застольным тщанием»¹⁵. Ученый — герой эпохи молод¹⁶, его габитус лежит в контексте стиля жизни «шестидесятников», созданного под влиянием творчества Э. Хемингуэя. Он выражал презрение к внешнему лоску и пафосу, отсюда такие знаки, как борода, курение, неформальная одежда, прямота и намеренное упрощение речи, танцы, определенная степень сексуальной раскрепощенности, воплощавшие телесную и духовную муже-

---

⁹ Несмеянов А.Н. Возможности науки безграничны... С. 11; Александров П.С. Ученый и общество (анкета) // Литературная газета. 1967. № 4 С. 12; Социалистический Донбасс. 1970. № 174. С. 1; Социалистический Донбасс. 1977. № 37. С. 4; Моралевич А. Прошел високосный // Крокодил. 1968. № 36. С. 36; Владин В. О том, как писать об ученых... С. 12.

¹⁰ Кнунянц И.Л. Ученый и общество // Литературная газета. 1967. № 5. С. 13.

¹¹ Крылов А., Моралевич А. Золотая долина // Крокодил. 1965. № 1. С. 6–7; Митин В. Энциклопедисты // Крокодил. 1967. № 12; Сидельников О. Путешествие в Gaudeamusград // Крокодил. 1967. № 21. С. 3.

¹² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. С. 143–144.

¹³ Социалистический Донбасс. 1965. № 106. С. 2.

¹⁴ Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 243.; Парфёнов Л.Г. Намедни. 1961–1970. Наша эра. М.: Колибри, 2009. С. 14.

¹⁵ Моралевич А. Прошел високосный. С. 12.

¹⁶ Крылов А., Моралевич А. Золотая долина. С. 6–7, Сидельников О. Путешествие в Gaudeamusград. С. 3; Владин В. О том, как писать об ученых... С. 12.

ственность¹⁷. Однако трансформация мировоззрения советского общества от поиска 1960-х к консерватизму конца 1960-х — сер. 1980-х породила образ зрелого ученого — рафинированного интеллектуала¹⁸, соотносенный с карьерным ростом. Данный телесный образ соотносился с речью, сочетавшей употребление профессиональных терминов с подчеркнутой литературностью и изящностью текста¹⁹, а речь, в свою очередь, — с импозантностью облика²⁰. Габитус ученого приобрел очки, «интеллигентные залысины», «профессорскую бородку»²¹. Герой старел вместе с эпохой, сохраняя дискурс лирика, победившего физика. Даже в конце 1970-х положительный герой не мог предпочесть π-мезоны общению и художественной литературе²², а демонстрация в речи широкой эрудиции и гуманитарных знаний как в 1960-е так и в 1970-е — сер. 1980-х оставалась знаком интеллигентности²³.

Ученым — героем эпохи 1960-х был прежде всего мужчина²⁴. Однако реальность и в большей степени идеология общества, искоренившего дискриминацию, требовала помещения рядом образа женщины-ученого и закрепления за ней как нормативной этой профессиональной роли. Так, со второй половины 1960-х мы можем отметить появление широкого спектра материалов, демонстрирующих феминизацию науки: биографические статьи, списки лауреатов Государственных и Ленинских премий, фотоматериалы, сатирические тексты. Они показывают присутствие женщины в научных коллективах, причем в разных статусах — самостоятельного ученого и руководителя научного коллектива²⁵, рядового сотрудника²⁶, пре-

---

¹⁷ *Владин В.* О том, как писать об ученых... С. 12.

¹⁸ *Волин В.* Пассивные мезоны // Крокодил. 1979. № 31. С. 6.

¹⁹ Социалистический Донбасс. 1977. № 63. С. 4; Социалистический Донбасс. 1977. № 150. С. 4; *Победоносцев В.* Лакомки // Крокодил. 1979. № 1. С. 10–11; *Дик С.* В микромире // Крокодил. 1979. № 4. С. 8–9.

²⁰ *Спаский С., Шкарбан В.* Искатели сокровищ // Крокодил. 1979. № 10. С. 8–9.

²¹ *Латышев В.* Мы с вами где-то встречались // Крокодил. 1973. № 19. С. 8–9.

²² *Волин В.* О том, как писать об ученых... С. 12.

²³ *Владин В.* О том, как писать об ученых... С. 12, *Александров П.С.* Ученый и общество. С. 12; *Янин А.* Времена Фаустов миновали. С. 12; *Победоносцев В.* Лакомки. С. 10–11.

²⁴ *Владин В.* О том, как писать об ученых... С. 12.

²⁵ Социалистический Донбасс. 1968. № 47. С. 2.; Социалистический Донбасс. 1975. № 113. С. 2; Социалистический Донбасс. 1973. № 114. С. 3; Социалистический Донбасс. 1977. № 108. С. 3.

²⁶ *Федоров Ю.* Сказочные женщины // Крокодил. 1973. № 6. С. 9; *Санин В.* Зеркало судьбы // Литературная газета. 1969. № 19. С. 16.

емника²⁷ крупного ученого, члена династии ученых²⁸. Но пресса не предоставляла женщине в науке равное с мужчиной положение. Так, биографические статьи подчеркивали традиционно женские качества ученых: заботливость, обаяние, чуткость, участие в семейной жизни сотрудников, сочетание женщиной социально-профессиональной роли с ролью матери²⁹, что абсолютно чуждо образу мужчины-ученого. Мужской дискурс обуславливал также преимущественное изображение женщин, занимавших второстепенные должности в научно-исследовательских учреждениях и не имевших значительного влияния на научную работу³⁰.

В 1970-е — сер. 1980-х партийная пресса продолжала восхвалять советских работников науки и их достижения, однако сатира выражала разочарование в ученом, знаменуя закат «шестидесятничества» с его героями. Если сатирические публикации в дискурсе 1960-х только противопоставляют героическим ученым антигероя³¹, то с конца 1960-х — начала 1970-х преобладает тенденция к изображению преимущественно негероев — псевдоученых — и бессильных против них, в целом положительных, но крайне невыразительных и абсолютно лишенных героизма персонажей³². Сатира утверждала, что «при науке»³³ есть «пролазы»³⁴ и «пронеры»³⁵ — хитрые, бесполезные и бездарные люди, которые «кропают беспардонные диссертации»³⁶ или не работают вообще. Формальный статус они получали через практики личных близких и родственных связей³⁷, присвоение результатов чужого труда путем злоупотребления служебным положением или откровенный плагиат³⁸, ли-

²⁷ Социалистический Донбасс. 1972. № 1. С. 3.

²⁸ Сидельников О. Путешествие в Gaudeamusград. С. 3.

²⁹ Социалистический Донбасс. 1979. № 49. С. 2.

³⁰ Наумов Л. Козье молоко // Крокодил. 1982. № 8. С. 4–5; Санин В. Зеркало судьбы. С. 16.

³¹ Крылов А., Моралевич А. Золотая долина. С. 6–7; Владин В. О том, как писать об ученых... С. 12.

³² Хазанов С. Дорога в жизнь // Крокодил. 1977. № 20. С. 8; Операция «Зависть» // Крокодил. 1975. № 19. С. 6.

³³ Комиссаренко С. Рассказ в четырех действиях // Литературная газета. 1969. № 18. С. 16.

³⁴ Крылов А., Моралевич А. Золотая долина. С. 6–7.

³⁵ Масс В. Утверждение справедливости // Крокодил. 1968. № 10. С. 7.

³⁶ Крылов А., Моралевич А. Золотая долина. С. 6–7.

³⁷ Киреев Р. Свой человек // Крокодил. 1968. № 25. С. 13. Рис. Л. Самойлова // Крокодил. 1979. № 18. С. 12.

³⁸ Полищук Я. Соискатели жемчуга // Крокодил. 1965. № 20. С. 6; Рис. А. Крылова // Крокодил. 1971. № 21. С. 10. Рис. М. Битного // Крокодил. 1979. № 18. С. 12.

цемерие и служебные интриги³⁹, а также усвоение определенных кодов поведения, маскирующих отсутствие достижений в науке⁴⁰. Рядовые ученые вместо работы тратили время на игры, развлечения, сон⁴¹, женщины — на заботу о внешности⁴², руководители — на заседания в главках и конференции⁴³, формируя тем самым образ бесполезного научного учреждения — «НИИСместа»⁴⁴, «НИИБУМБУМ»⁴⁵. Рядовой ученый преобразался в простого советского служащего — с низким материальным достатком⁴⁶, зависимо от руководителя⁴⁷, ставшего типичным советским бюрократам, чей статус определяет власть и материальное положение⁴⁸.

Симптоматично, что разочарование общества в рядовом научном работнике выражалось с помощью женского дискурса в приговоре «не моден»⁴⁹: он не может заработать «как настоящий мужчина»⁵⁰, а его энтузиазм в деле всей жизни вызывает скорее сочувствие, чем восхищение⁵¹. «Синхрофазотрон» героя заменяется кульманом и портфелем эрзац-героя, белый халат — стандартной повседневной одеждой.

³⁹ *Масс В.* Утверждение справедливости. С. 7; *Победоносцев В.* Исчезновение Вениамина Женевского // Крокодил. 1980. № 2. С. 5–7.

⁴⁰ Советы младшему сотруднику // Литературная газета. 1967. № 3. С. 12; Там же. 1967. № 10. С. 11. *Олейник С.* Кандидат и доктор // Крокодил. 1965. № 35. С. 1–2; *Рис. Л. Самойлова* // Крокодил. 1969. № 28. С. 11; Крокодилская зоология // Крокодил. 1974. № 3. С. 8.

⁴¹ *Шаргородские А., Л.* Требуется Григорьев // Литературная газета. 1969. № 34. С. 12; *Влашин А.* Слово на ветер // Крокодил. 1978. № 10. С. 9; *Рис. Г. Иорша* // Крокодил. 1982. № 25. С. 10.

⁴² *Раскатов М.* А вы сами? // Крокодил. 1980. № 29. С. 2; *Рис. Л. Самойлова* // Крокодил. 1981. № 3. С. 1; *Филиппова Л.* Подозрительная личность // Крокодил. 1984. № 1. С. 6–7.

⁴³ Новенький с апломбом // Крокодил. 1973. № 20. С. 4; Операция «Зависть» // Крокодил. 1975. № 19. С. 6.

⁴⁴ *Ташма Е.* Собственное мнение // Крокодил. 1970. № 26. С. 3.

⁴⁵ *Елин Н., Кошаев В.* Операция «Бум-бум» // Крокодил. 1984. № 23. С. 6–7.

⁴⁶ *Греер Л.* Эксперимент // Крокодил. 1976. № 13. С. 9.

⁴⁷ *Хазанов С.* Дорога в жизнь. С. 8.

⁴⁸ *Греер Л.* Прыжок // Крокодил. 1974. № 1. С. 5; Операция «Зависть» // Крокодил. 1975. № 19. С. 6; *Хазанов С.* Дорога в жизнь. С. 8; *Хазанов С.* Решение. С. 12; *Пруслин Г.* Что говорят люди. С. 11.

⁴⁹ *Филиппова Л.* Не моден // Крокодил. 1984. № 23. С. 1.

⁵⁰ *Яковлев А.* Дочки-матери // Крокодил. 1976. № 21. С. 5; *Двинский И., Коваль В.* Окно в природу // Крокодил. № 1. С. 12.

⁵¹ *Янковская Е.* Свет других галактик // Крокодил. 1977. № 7. С. 10–11.

Интеллектуальное и моральное «измельчание» рядового ученого, потеря им мужественности выражается в образе худого очкарика, бессильного перед бюрократом⁵².

Таким образом сатира выражает инфляцию в период «застоя» мировоззрения шестидесятников, в частности веры в ученого как человека будущего и творца будущего, а также статусную тревогу, характерную для общества, в котором деятели науки превратились из элитарной группы в массовую, породившую образ эрзац-ученого. Ученый как человек своего дела, преданный творческому процессу, исчез, но ученый как престижный статус — цель «пролазов» — остался: π -мезоны стали ассоциироваться не с романтикой поиска, а с международными симпозиумами и премиями⁵³, подразумевавшими карьеру и присвоение знаков интеллигентности.

---

⁵² Рис. Е. Шукаева // Крокодил. 1980. № 2. С. 7.

⁵³ Хавчин А. Выбор // Крокодил. 1984. № 1. С. 5.

Березина Вера

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, слушатель 2 курса
vberezina@eu.spb.ru

ЭКСКУРСИОННАЯ РАБОТА В 1920-Х ГГ. КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«И я знаю, что очень многие вольно или невольно приспособляются к новой эпохе <...> И на наших глазах иные медленно и постепенно, а другие быстро, как Савл в Павла, перерождаются в новых людей».

*А.В. Луначарский. «Задачи внешкольного образования
в Советской России»*

В 1920-е гг. в советских идеологических структурах вполне сложилось представление о том, какими средствами можно воспитать «нового советского человека». К ним, помимо партшкол, кружков, клубов, кино, театра, газет, относилась и экскурсионная работа. Известный педагог, член научно-педагогической секции Государственного ученого совета П.П. Блонский, указав на то, что экскурсия должна учить «смотреть на все определенными глазами, глазами нового революционного человека»¹, четко сформулировал отношение к экскурсионному делу, присущее тому времени.

В партийных и правительственных директивных материалах, циркулярных документах центральных органов Наркомпроса и статьях руководителей «культурного фронта» постулировалась лишь необходимость расширения экскурсионной работы, очерчивались основные ее направления². Разработка конкретных методик претворения в жизнь идеи использования экскурсий для воспитания «нового человека» ло-

---

¹ *Блонский П.П.* О программе 3-го и 4-го года I ступени // На путях к новой школе. 1924. № 6. С. 19.

² См., например: Постановление СНК РСФСР о внешкольных мероприятиях по борьбе с хулиганством от 25.06.1927 // Внешкольная работа с детьми и подростками. М.; Л., 1927. С. 11–13; *Крупская Н.К.* Экскурсионный метод при изучении вопросов, намеченных в схемах, принятых съездом соцсовос // На путях к новой школе. 1923. №3 (6). С. 7–12; Экскурсионная работа в школе и ее учет. Циркулярное письмо №86 Главсоцвоса от 10.11. 1922 г. // Еженедельник народного комиссариата просвещения РСФСР. 1922. № 2. С. 5–7. и др.

жилаась, в основном, на плечи местных методистов экскурсионного дела. В чем они видели цели и задачи такого воспитания? Каким должен был быть взгляд «нового революционного человека» на прошлое и настоящее страны? Насколько вообще представлялся им «новым» этот человек? На эти вопросы можно попытаться ответить, проанализировав методические руководства по подготовке и проведению экскурсий, изданные в Петрограде-Ленинграде в 1920-е гг., и статьи, публикуемые в периодике того времени, посвященные проблемам экскурсионной работы.

Один из главных вопросов воспитания «нового человека» — вопрос о формировании его нравственных и политических ориентиров. Среди приоритетных задач в этой области авторам методических пособий и статей часто виделось воспитание духа коллективизма. Эта задача не была чужда дореволюционной экскурсионной работе, однако в раннесоветский период стремление «привить навыки коллективизма» зачастую приобретало идеологическую подоплеку. Так, углубление «коллективности жизни ребят», по мнению Н.К. Крупской, должно было вести к отсутствию потребности в религии у подростков³. Таким образом, воспитание коллективизма могло оказаться средством антирелигиозной пропаганды. Антирелигиозная пропаганда могла стать и основной задачей экскурсии⁴.

Вовлечение в борьбу с религией, с суевериями и, в целом, с «пережитками прошлого» было немаловажной составляющей экскурсионной работы. Экскурсии должны помогать, по мнению авторов методических руководств, «разогнать тот туман суеверий, которым окутано еще наше общество», и «способствовать развитию материалистического мирозерцания»⁵. Со страниц одного из пособий звучал даже призыв к будущим руководителям экскурсии бороться «с обывательским протестом, <...> который приносится детьми из дому»⁶.

Помимо идей воспитания в духе большевистской идеологии, при анализе текстов экскурсионных пособий отчетливо видны также и попытки внедрить в экскурсионную практику идеи воспитания общечело-

---

³ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. Т. 3. М., 1959. С. 202.

⁴ Рогаль А. Экскурсии и антирелигиозная пропаганда // Спутник экскурсанта. 1925. № 1. С. 8–10.

⁵ Васильковский П. Для чего нужны естественно-исторические экскурсии // Спутник экскурсанта. 1926. № 8. С. 106.; Внешкольные экскурсии // под ред. Б.Е. Райкова. М., 1924. С. 23.

⁶ Современность в школе I ступени / под ред. А.Г. Ярошевского. С. 125.

веческих качеств, гармоничного развития личности. В частности, особый акцент делался на эмоциональном развитии экскурсантов⁷.

Кроме вопроса о воспитательных принципах, для теоретиков и практиков экскурсионного дела был, конечно, важен вопрос об образовании или «культурном просвещении» «нового человека». Знания о прошлом формировались во время экскурсий по центральной части города (по Невскому проспекту, Садовой улице и т. д.), рабочим окраинам (например, на Выборгскую сторону, в район Путиловского завода) и в пригороды (в Пушкин, Павловск и т. д.)⁸. Особое внимание уделялось авторами местам, связанным с революционным прошлым. В методических руководствах рекомендовали посетить памятники декабристского и народо-вольческого движения, первой русской революции, событий февраля и октября 1917 г.: Петропавловскую крепость, Таврический дворец, Смольный, Музей Революции и т. п.⁹ Начинали разрабатываться, но пока не получили распространения, экскурсии по местам «жизни и деятельности» В.И. Ленина¹⁰. Необходимо отметить, что, несмотря на угрозу обвинения в «голом культурничестве»¹¹, значительное место отводилось также историческим сюжетам, не связанным напрямую с историей революционного движения. Здесь приоритет часто отдавался эпохе Петра I. Нередко объектами экскурсии становились Троицкая площадь, Васильевский остров, Летний сад и Медный всадник¹².

Большое распространение получили и литературные экскурсии по местам, связанным с жизнью одного писателя, его эпохой или действующими лицами художественных произведений. Экскурсантам предлага-

---

⁷ Герд В.А. Экскурсионное дело. М.; Л., 1928. С. 39; Скрипиль М. Ведение литературных кружков в рабочих клубах. Очерк II. Литературные экскурсии. Л., 1924.

⁸ См., например: Экскурсионная практика ЛОНО. Пособие для руководителей экскурсий // под ред. Н.А. Кузнецова и К.В. Ползиковой-Рубец. Вып. 1. Л., 1925; Экскурсии в культуру // под ред. И.М. Гревса. Л., 1925 и др.

⁹ См., например: Внешкольные экскурсии. М., 1924; Шалашиев П.Г. Летние экскурсии и прогулки молодежи. Л., 1926; Левидова С.М. Экскурсия на тему «От февраля к октябрю: Таврический дворец и Смольный». Л., 1926; Ползкова-Рубец К.В. Петропавловская крепость. М.; Л., 1927 и др.

¹⁰ См., например: Манн Э.Р. Вслед за Лениным. Материалы для экскурсий по Ленинграду. М.; Л., 1928.

¹¹ Обвинения авторов работ по экскурсионному делу в аполитичности и голом культурничестве особенно получают распространение в конце 1920-х — начале 1930-х гг. См., например: Гурвич Л. Туризм и экскурсия. М.; Л., 1931.

¹² См., например: Внешкольные экскурсии...; Анциферов Н.П. Теория и практика экскурсий по обществоведению. Л., 1926 и др.

ется исследовать места, ассоциирующиеся с литераторами, ставшими уже классиками: Ломоносовым, Державиным, Радищевым, Пушкиным, Гоголем, Некрасовым, Достоевским и др. Но не забыты авторами методических пособий и писатели-современники: Горький, Короленко, Блок. Иногда в экскурсионных руководствах открыто делается акцент на «революционности» того или иного писателя и идеологической ценности темы¹³.

То, что предлагаемые для осмотра объекты были часто слабо связаны с политической жизнью, не означало, что рассказ о них был лишен идеологии. Часто выбранная перспектива изучения того или иного памятника и способ, каким образом расставлялись акценты, могли произвести очень сильный идеологический эффект.

Этой идеологической призме изучения экскурсионных объектов уделяли в своих работах внимание руководители «культурного фронта» страны. Так, Н.К. Крупская подчеркивала, что на экскурсиях важно «научить видеть в области общественных отношений»¹⁴. Но, вероятно, не все руководители экскурсий ясно осознавали эти требования и, главное, претворяли их в жизнь. «Сейчас сплошь и рядом можно натолкнуться на такое явление, — с возмущением отмечала бессменный руководитель Главполитпросвета. — Едут осматривать совхоз. Что смотрят? Насколько оборудован сельскохозяйственными машинами данный совхоз, как ведет хозяйство, какими силами работает? Вовсе нет! Осматривают расписные потолки и изящную старинную мебель и при этом говорят не о том, что эта роскошь существовала бок о бок с крестьянской нищетой и темнотой, а об облагораживающем влиянии искусства»¹⁵. Ей вторил Блонский: «вот, скажем, происходит экскурсия в монастырь, происходит экскурсия в какое-нибудь из старых дворянских гнезд <...> Старое дворянское гнездо — и возможны здесь длительные разговоры о тонкостях этой старой помещичьей культуры и ни слова о том крепостном праве, на основании которой она развивалась»¹⁶.

Некоторые авторы методических разработок делали все возможное, чтобы избежать распространения подобных «ошибок». «Элементы политического просвещения» «внедрялись» в текст руководств по организации и проведению экскурсий разными путями.

---

¹³ Мушников В.Ф. Из литературного прошлого. М.; Л., 1927; Скрипиль М. Ведение литературных кружков в рабочих клубах.

¹⁴ Крупская Н.К. Экскурсионный метод... С. 9.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Блонский П.П. О программе 3-го и 4-го года I ступени. С. 19.

Авторы руководств старательно подчеркивали классовые противоречия, царящие в прежней России, бедственное положение рабочих до революции, эксплуатацию крестьян, роскошь и праздность двора. Особенно заметны эти акценты в руководствах второй половины 1920-х гг.: «200 лет с лишним нынешний Ленинград был столицей и русские самодержцы окружили город пышными, *ослепляющими своим богатством*, дворцами и парками. Только *огромная затрата человеческого труда и бездумное расхищение народных денег* (курсив мой. — В.Б.) могли превратить болота в парки замечательной красоты»¹⁷, — так предлагалось в одной из брошюр знакомить «нового человека» с азами теории классовой борьбы.

Нередко внимание руководителей экскурсий обращалось на необходимость противопоставления «старого» и «нового» быта, причем неизменно все старое должно быть окрашено в темные цвета, а новое — исключительно в светлые. Так, в рекомендациях по проведению экскурсии в казармах постоянно подчеркивается улучшение жизни советского солдата по сравнению с солдатом царской армии¹⁸. Справедливости ради стоит отметить, что желание выделить контраст «старого» и «нового» — не особенность раннесоветского времени, оно характерно для любой революционной эпохи. Размышляя, однако, над контрастностью до- и послереволюционной жизни, экскурсант постепенно мог убедиться в правильности пути, предложенного большевиками. И это убеждение было важно для «нового советского человека».

Особое внимание, конечно, уделялось авторами методических пособий связи того или иного места или персонажа с революционным движением. В том же методическом пособии «Новый Петергоф» о железнодорожном вокзале упоминается лишь постольку, поскольку «на его платформе 13 августа 1906 г. был убит Зинаидой Коноплянниковой командир гвардейского Семеновского полка генерал Мин»¹⁹.

Более важным, чем знание исторического прошлого, для «нового человека» было понимание различных граней современной ему жизни. Он должен был легко ориентироваться в вопросах экономики и политики, а также приобретать новые умения и навыки, нужные ему как в профессиональной деятельности, так и в общественной жизни. Экскурсии «в со-

---

¹⁷ Новый Петергоф. Дворец и парк. Самообразовательная экскурсия. Л., 1927. С. 3.

¹⁸ Экскурсионная практика. Город, быт производство в школах 1 ступени // под ред. К.В. Ползиковой-Рубец. Л., 1926.

¹⁹ Новый Петергоф... С. 6.

временность» особо поддерживались деятелями «культурного фронта». «В городе, — писала Н.К. Крупская, — надо устраивать экскурсии к кустарям, в ремесленные заведения, на фабрики и заводы <...> обследовать первичные ячейки: фабзавкомы, ячейки профсоюза»²⁰. Экскурсии начинают выступать средством производственной пропаганды и пропаганды советской административной системы для рабочих и составной частью трудового воспитания для школьников. С подачи руководящих органов тема экскурсий по объектам современной жизни, в частности фабрикам и заводам, приобретает особое значение. Так, например, Мартовская экскурсионная конференция 1923 г. выдвинула на первый план «вопрос о производственных экскурсиях, как наиболее ярком и конкретном способе производственной пропаганды, нуждающемся в усиленной проработке»²¹.

Ориентируясь на рекомендации руководителей «культурного строительства» и принимая во внимание школьные программы ГУСа по обществоведению, методисты экскурсионного дела разрабатывали многочисленные пособия по организации экскурсий «в современность». Учащимся предлагались экскурсии на промышленные предприятия (на фабрики, заводы, в типографии), посещения водопроводной станции, порта, трамвайного парка, общественных столовых, рынков, школ, казарм, кооперативов²². Взрослые должны были, по мнению авторов руководств, посещать заводы, совхозы, колхозы, крупные стройки (Волховстрой, Днепрострой)²³. Вероятно, однако, что количество предлагаемых пособий руководители агитпропструктур считали недостаточным, т. к. они отмечали неглубокую разработанность экскурсий «в современность»²⁴.

---

²⁰ Крупская Н.К. Экскурсионный метод... С. 10.

²¹ Вторая московская экскурсионная конференция в 1923 году // Коммунистическое просвещение. 1923. № 3. С. 177.

²² Экскурсии в современность // под ред. Н.А. Кузнецова. Л., 1925; Экскурсионная практика. Город, быт производство в школах 1 ступени // под ред. К.В. Ползиковой-Рубец. Л., 1926; Экскурсионная практика. Тема «Транспорт» в школах 1 ступени // под ред. К.В. Ползиковой-Рубец. Л., 1926 Экскурсионная практика. Темы «Рынок», «кооперация», «хлебзавод» в школе 1 ступени // под ред. К.В. Ползиковой-Рубец. Л., 1926 и др.

²³ См., например: Внешкольные экскурсии...; Краснуха Э.В. Экскурсии в паршколе. М.; Л., 1927.

²⁴ Крупская Н.К. Экскурсионный метод... С. 10; Невский В.А. Массовая политико-просветительная работа революционных лет. Критический обзор важнейших форм агитации и пропаганды. М.; Л., 1925 и др.

Подводя итоги, можно сказать, что авторы методических разработок не ставили перед руководителями экскурсий откровенно политизированных целей, в их предложениях просматривался лишь легкий идеологический налет, хотя и не последнее место в выборе тем играла политическая конъюнктура. Именно в это время начались более отчетливые попытки выбора «правильной» идеологической призмы демонстрации экскурсионного объекта и активное внедрение в экскурсии элементов «политического воспитания».

Образ «нового человека», который должен был быть воспитан, в частности, экскурсиями, рисуется нам таким. Он — личность, которой не чужды духовные искания. Ему присущ дух коллективизма. Он далек от суеверий и предрассудков «старого быта». Этот «новый человек» имеет весьма отчетливое представление об историческом прошлом, но близок к тому, чтобы смотреть на историю с идеологических позиций, определенных большевиками. Он хорошо ориентируется в вопросах современности, постоянно повышает свой профессионализм и «активно участвует в социалистическом строительстве и общественной жизни». Портрет этот, изображаемый с очень большой долей условности, представляется «дорисовкой» тех очертаний, которые набросали большевистские лидеры.

Богатикова Анна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
факультет политических наук и социологии, 1 курс
abogatikova@eu.sbp.ru

СОКРОВИЩА МАДАМ ПЕТУХОВОЙ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ 1920-Х ГГ. ДОСУГОВЫЕ ЦЕНТРЫ

В своем докладе я хотела бы рассмотреть, как в архитектуре отражаются изменения, происходящие в структуре общества. Прежде чем говорить о создании новых форм личности с помощью архитектуры, следует упомянуть о том, на какие теоретические основания опирается сама возможность говорить об этом. Анализ архитектуры в ранней социологической теории подразумевает тесную связь организации пространства и общества. Нагляднее всего эту точку зрения выражает Вальтер Беньямин в знаменитой работе «Искусство в эпоху его технической воспроизводимости»¹. Он пишет о том, что архитектура является вечной формой искусства. Она будет существовать всегда. Потребность человека в крыше над головой не зависит от политической или культурной ситуации в обществе. Понимание же архитектуры происходит в двух формах: через восприятие и через использование; оптически и тактильно. Последнее предполагает ежедневное использование, рутинизацию, создание фоновой практики использования архитектурного объекта. В этом состоит риторическая сила архитектуры.

Через практики архитектура может оказывать влияние и на ментальные схемы. Манипуляция здесь происходит не на коллективном, а на индивидуальном уровне. Она несет в себе послание в повелительном наклонении. Почти как в детском стихе: «Вот это стул — На нем сидят. Вот это стол — За ним едят»: вот это дверь — в нее входят, вот это окно — в него смотрят. Но если в доме нет дверей? Если нет окон? Или окна занимают всю стену? Что в таком случае происходит с человеком, который пользуется этим зданием? Нельзя ли, меняя форму стен, менять и форму организации общества?

---

¹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиаум, 1996.

Идея о том, что с помощью архитектуры можно изменить общество, оказалась чрезвычайно плодотворной. Главным выразителем этой идеи в Европе стал Ле Корбюзье. Творцы авангарда 1920-х гг. сначала думали о том, для кого предназначен проектируемый дом, и лишь во вторую очередь — о том, каким он должен быть. Портрет жителя включал не столько социально-демографические характеристики, сколько образ жизни. Жилой дом воспринимался как «фабрика» по производству человека. Например, комиссия, разрабатывающая проект жилого дома для рабочих в Москве (речь идет о знаменитых ячейках типа Ф.М.Я. Гинзбурга), в свое время постановила: «При проектировании жилых корпусов для взрослых исходить из того, что строится жилище не для семьи, а для отдельных лиц, идеологически близких между собой»².

Новая власть выдвигала принципиально новые требования к искусству в рамках марксистской теории. Она требовала отражать условия жизни классов, классовую борьбу, быть ближе к народной аудитории. В рамках архитектуры довольно сложно соответствовать этим требованиям, поэтому основными функциями архитектуры в такой ситуации становилось оформление социальных процессов, создание новых форм пространства, отвечающих новой структуре общества.

Большевики получили власть над пространством, которую Бурдьё называл одним из важных видов символической власти. «У понятия повседневности, тем самым, выдвигается на первый план политическое измерение: призывы к изменению жизни, — считает Лефевр, — ничто без создания подходящих пространств. Урок советского конструктивизма — в демонстрации взаимосвязи между новыми социальными отношениями и новым типом пространства»³.

Самое главное декларируемое отличие новой власти от старой — это ее массовость. Она легитимизирует себя с помощью народных толп, заручаясь их поддержкой и опираясь на них. На это направлены лозунги вроде «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или политические плакаты тех лет. В России категория *массовость* возникает впервые именно с приходом к власти большевиков. Новая власть мыслит новыми категориями. И эти новые категории требуют для себя принципиально нового пространства. Не случайно вместе с категорией *массовость* возникает категория *монументальность*. Именно те годы наделили это слово новым значением.

---

² Хазанова В. Из истории советской архитектуры. 1926–1932. М., 1970. С. 53.

³ Lefebvre H. Critique of everyday life. London; New York, 1991.

Словарь Даля определяет монументальность как нечто «славное, знаменитое, пребывающее в виде памятника»⁴. Но уже словарь Ушакова, изданный в 1935 г., определяет монументальное сооружение как «грандиозно-величественное; производящее впечатление мощностью»⁵. Ленинский план, принятый в 1918 г., назывался именно планом монументальной пропаганды.

В первые годы советской власти эту роль выполняла естественная городская среда: улицы, площади, старые архитектурные памятники, по-новому украшенные. В условиях неизвестности, гражданской войны, отсутствия средств невозможно было сразу же оформить эти пространства архитектурно. Зазор между началом социальных изменений в 1917 г. и началом активного строительства после 1922 г. позволяет как раз говорить о некой репрезентации, об оформлении уже происходящих процессов архитектурно.

Декларируется складывание привычки к коллективному досугу рабочих, проведению коллективных мероприятий и со всей остротой встает вопрос архитектурного оформления идеи коллективизма, создания принципиально нового типа здания, которого не было и не могло существовать в дореволюционной России. Такие здания получили название, также разрушающее старую номенклатуру языка, — *дворцы труда* или *дворцы рабочих*. Само здание должно было совмещать в себе просветительскую, культурную и пропагандистскую функции.

Образцово-показательным дворцом культуры считался Дворец культуры им. А.М. Горького (Дом культуры Московско-Нарвского района) в Ленинграде (Санкт-Петербург, площадь Стачек, дом 4). Он построен в 1925–1927 гг. архитекторами А.И. Гегелло и А.И. Дмитриевым при участии архитектора Д.Л. Кричевского и инженера В.Ф. Райляна. Это первый в СССР Дом культуры, для которого было возведено специальное здание.

Что касается внешнего вида здания, то нужно отметить две вещи: во-первых, большое количество стекла, не характерное для сооружений более ранней эпохи, а во-вторых — само стилевое решение здания. У «простой» же публики — рабочих, крестьян, малообразованных городских жителей низших сословий — пролетариев, к которым и было обращено данное архитектурное сообщение, — оно, вероятнее всего,

---

⁴ Монумент. Словарь живого великорусского языка В. Даля (<http://slovari.yandex.ru/dict/dal/article/dal/03110/66100.htm>).

⁵ Монументальный. Толковый словарь русского языка Ушакова (<http://slovari.yandex.ru/dict/usakov/article/usakov/13/us225809.htm>).

вызывало недоумение и некоторое разочарование. Это разочарование могло ощущаться особенно остро, учитывая факт коммунального заселения бывших особняков и дворцов.

Архитекторы же рассчитывали на то, что сооружение должно производить впечатление дворца. Однако, в отличие от традиционных дворцов, и даже в отличие от традиционных народных домов, конструктивистские здания не должны были удивлять и подавлять конкретную личность — они должны были внушать, что личность возможна только в коллективе. Основная идея дворца культуры — масштабность, массовость, коллективность. Дворец культуры утверждает эти ценности, тем самым формируя новое массовое общество.

Что касается организации пространства, то главное новаторство состояло в отсутствии деления зала на дешевые и дорогие места. За счет создания равномерно поднимающегося амфитеатра утверждается некая эгалитарность сооружения. Также новым было функциональное дополнение в виде аудиторий, предназначенных для повседневной жизни и работы коллектива. То есть театральный зал являлся центром притяжения, но не единственным очагом жизни. Главной же ценностью организации пространства была его демократичность, открытость, возможность создания некой «улицы в здании» — публичного пространства, предназначенного для того, что раньше происходило преимущественно на улице.

Дворец культуры был частью идеи о создании однородного коллектива, к которой мы еще вернемся, когда будем говорить о жилых домах. Предполагалось, что люди, работающие на одном предприятии или живущие поблизости, создают некоторую социальную общность лишь на этом основании. Районный дворец культуры должен был закреплять такую общность.

К дворцу культуры по своей сущности тесно примыкает клуб как общественное пространство. Многие архитекторы пытались строить клуб как дворец культуры или театр в миниатюре⁶. Новаторскую концепцию клуба предложил Константин Мельников. Им было построено шесть клубных зданий — пять в Москве и одно в Подмосковье.

Его главная идея заключалась в свободной трансформации пространства, использовании подвижных стен, которые могли бы создавать как небольшие помещения для повседневной работы, так и значительные, театральные залы.

---

⁶ Иконников А.В. Архитектура XX века: утопии и реальность. В 2 т. Т. I. М., 2001.

Функционально клуб должен был отличаться от дворца культуры. Дворец культуры предполагал объединение в первую очередь по территориальному признаку, объединение действительно больших масс людей. Клуб же, как правило, строился какой-либо профсоюзной организацией при большом заводе и предполагал «повседневное», менее торжественное использование. Задача клуба состояла в том, чтобы сделать завод вторым домом для рабочих, чтобы хотя бы так преодолеть отчуждение труда, описанное Марксом, сформировать коллектив если не на почве увлечения общим делом, то на объединении в творческие или пропагандистские кружки.

Самый известный клуб постройки Мельникова — это клуб коммунальников, сейчас клуб им. Русакова в Москве (Москва, улица Стромынка, дом 6).

Клуб им. Русакова построен в 1927–1929 гг., в самую благодатную пору для советской авангардной архитектуры. Он строился для рабочих Сокольнического трамвайного парка и вагоноремонтных мастерских. Основное функциональное назначение клуба — обслуживать идеологические потребности организации, позволять вести пропагандистскую работу, формировать коллектив.

Вся объемно-планировочная структура здания подчинена идее трансформирующегося пространства главного зала, занимающего большую часть объема здания. За счет вынесенных балконов зрительного зала здание по форме напоминает шестеренку. Решение с балконами кажется смелым и сейчас. Они сильно выдаются вперед, и иногда кажется, что того и гляди рухнут. Между балконами фасад симметрично расчленен остеклением.

Что касается внутренней планировки, то она предельно проста и оригинальна. Смысловым центром здания является зрительный зал. Однако за счет подвижных стен на балконах он может как увеличиваться, так и уменьшаться, а балконы — превращаться в отдельные аудитории, которые могут использоваться как угодно.

Таким образом, Мельников разрушает традиционную сакрализацию пространства театрального зала. Это, конечно, не в точности тот театр, о каком мечтал Мейерхольд, — театр массового действия, в котором бы отсутствовало разделение на зрительный зал и сцену, в котором зрители могли бы участвовать почти на равных с актерами, — но это уже разрушение традиций. Мельников сокращает дистанцию между создателями и зрителями театра; более того, архитектор утверждает, что власть над пространством дана не только создателям (зодчим и проектировщикам), но и рядовым пользователям, которые теперь могут не только создавать

внутреннее наполнение помещения, но и утверждать его размер по своему вкусу и собственным надобностям. Подобный подход близок к метафорам машинного века, однако он более человечен, приближен к конечному пользователю здания.

Манипуляция заключена в самой этой свободе. С одной стороны, это своего рода приучение индивида к свободе действия, к постоянным трансформациям реального мира, с другой — приближение его к машинному веку, к будущему.

Создание клубов предполагает одновременно создание ассоциаций свободных людей на основе их профессиональной близости, работы на одном предприятии. Естественно, эти ассоциации, коллективы идеологически должны были быть под присмотром партии. Однако интересно другое. Светлана Бойм в своей книге «Общие места»⁷ пишет от том, что в СССР не существовало понятия «публичное пространство» в том виде, в котором понимают его европейцы, — как некое пространство, лежащее на грани между личным и общественным, о котором должны заботиться все. В европейской традиции публичный означает «принадлежащий всем», а в российской — «не принадлежащий никому». Если рассуждать в подобном ключе, то клуб (как и все публичные пространства в домах переходного типа) как раз был попыткой выработать подобную традицию повседневного взаимодействия — даже не коллектива как всеохватывающего и всенаправляющего, а элементарных норм повседневного городского взаимодействия, которое так несвойственно советским людям, особенно недавним горожанам.

Итак, обобщая все сказанное выше, можно сделать несколько выводов касательно репрезентации социальных изменений в публичных зданиях.

Во-первых, бросается в глаза некое противоречие между традиционной тягой к четкой иерархии и требованиями коммунистической утопии о равенстве всех. Архитектура как бы пытается найти нечто среднее между требованием подчиняться господствующей единоличной идеологии и власти трудящихся, которая предполагает большое количество принимаемых на местах решений, — некое подобие современного гражданского общества. Этот баланс очень неустойчивый, он легко может сместиться в ту или иную сторону как в политике, так в искусстве, но все-таки мы можем говорить о том, что в определенной мере этот баланс найден.

---

⁷ Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Самое главное изменение, которое находит немедленное отражение в архитектуре, — это превращение российского общества из элитарного в массовое. Соответственно, возросла потребность в больших, монументальных сооружениях, предназначенных для большого числа людей. Декларируемая открытость большинства зданий для всех, без сословных ценностей, требует соответствующей возможности вместить в себя всех желающих.

И наконец, самое главное, о чем, в частности, пишет Иконников в книге «Архитектура XX века»⁸, — это единство функциональных и социальных задач архитектуры. Данное правило распространяется фактически на любую сферу социальной жизни в раннесоветский период. Искусство не является исключением. То есть это исключает лозунг «искусство для искусства», исключает любое произведение, которое являлось бы «вещью в себе». Теперь все рассматривается с точки зрения полезности, с точки зрения социальных задач.

---

⁸ *Иконников А.В. Архитектура XX века...*

Возьянов Андрей

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет антропологии, слушатель, 2 курс
avozyanov@gmail.com

«ПРОИЗВОДСТВО ПАССАЖИРА» В СОВЕТСКОМ ТРАНСПОРТЕ 1960–1970-Х ГГ.: ТЕХНИКА ТЕЛА И ВОСПИТАНИЕ ВНИМАНИЯ

В час пик трамвай был страшно переполнен.
Когда он тронулся, вдруг появился человек,
бежавший за трамваем и кричавший:
— Пожалуйста, потеснитесь!
Освободите место хоть для одной ноги!
В ответ из толпы пассажиров кто-то спросил:
— Какого размера?¹

Общественный транспорт в Советском Союзе мыслится как один из индикаторов приближения к социалистическому будущему. В некоторых городах он функционирует вовсе бесплатно, а в остальных — за символическую оплату: так, проезд в трамвае, более дорогое в эксплуатации по сравнению с автобусом, стоил дешевле, всего — 3 копейки. В 1970-х в СССР действуют самые большие в мире трамвайные и троллейбусные сети (Ленинград и Москва, соответственно). В городах, где уровень автомобилизации значительно отстает от капиталистических стран, электрический транспорт перевозит огромное количество людей самых разных социальных категорий. Оказываясь в роли пассажира городского транспорта, человек встречается с особыми режимами телесности и культурными правилами, которые в определенной мере обуславливаются технологическими решениями и нормативами.

В своем докладе я хотел бы коснуться нескольких аспектов этой темы: обустройства салона в советских трамваях проектов конца 1960-х гг., нормативных правил поведения пассажиров в транспорте и ответных пассажирских тактик. Оговорюсь, что глаголы настоящего времени в данном тексте используются сознательно: изделия советского транспортостроения до сих пор составляют значительную² часть транс-

---

¹ Сборник анекдотов под ред. Г.Б. Хазанова, п. 1755 (<http://bookz.ru/authors/hazanov-gennadii.html>).

² А где-то и подавляющую, как, например, в Мариуполе, где мной проводилось полевое исследование.

портного парка многих городов и часто перевозят тех, чей опыт знакомства с общественным транспортом пришелся на советские годы.

Пассажир как техника тела

Общественный транспорт — одно из мест специфической дисциплины тела: люди здесь вынуждены вписываться в довольно твердые рамки и вырабатывать особые способы использования тела — его «техники» в понимании Марселя Мосса³.

Передвижение на транспортном средстве в сидячем положении — не универсалия: в начале XX века водители трамвая вынуждены были работать стоя, а обладателей авиабилетов до сих пор подвозят к самолету автобусы без сидений⁴. Наличие в транспорте сидений в привычном для нас виде можно считать продуктом западной культуры, если учитывать существование культурных традиций, где вообще принято сидеть на корточках, без опоры на предмет, или же отдыхать стоя⁵. Последнюю технику пришлось осваивать и многим советским гражданам, проводившим в поездке значительное время. По-видимому, переполненные советские трамваи, троллейбусы и автобусы предполагают одну из крайних степеней телесной несвободы в ряду публичных мест, где практически нивелируется личное физическое пространство. Норма жилой площади в общежитии составляет 6 м² на персону; ширина кресла в кинотеатре — 55–60 см; вместительность самого массового трамвайного вагона советской эпохи (и, кстати, в мире вообще) КТМ-5 рассчитывается исходя из нормы в пять человек на квадратный метр «свободной площади пола при нормальном наполнении вагона»⁶ и десять — при «максимальном». Вместительность вагона ЛМ-68М, выпускаемого в Ленинграде, рассчитывается так же⁷.

Сидящие пассажиры в полном вагоне оказываются в меньшинстве (в случае трамвая КТМ-5 сорок шесть против ста двадцати двух). При

---

³ Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. С. 242.

⁴ Теперь дизайнеры задумываются о стоячих местах в самолетах, в целях экономии трансформируя и без того дефицитарное пространство (<http://aviatika.com/aviaciya/284-aviakompaniya-ryanair-predlozhila-stoyachie-mesta-v-svoix-samoletax.html>).

⁵ Мосс М. Техники тела. С. 256.

⁶ Бондаревский Д.И., Черток М.С., Пономарев А.А. Трамвайные вагоны РВЗ-6М2 и КТМ-5М3. М., 1975. С. 6.

⁷ Резник М.Я., Кулаков, Б.М. Трамвайный вагон ЛМ-68. М., 1977. С. 6.

этом сидящему телу в трамвае достается площадь, значительно превышающая одну десятую квадратного метра: размер сидушки — 45 х 45 см; шаг между спинками — 73,5–75 см⁸. Здесь советские конструкторы уделяют особое внимание комфорту: в трамвае ЛМ-68М, пишет Я.Г. Годес, «вместо тянувшихся вдоль боковых стен крашенных деревянных скамеек расставлены одно- и двухместные диванчики с мягкими сиденьями»⁹. Сидящим пассажирам теперь легче приобретать особый навык сна, расслабив спину и прислонившись к окну; это хорошо показано в документальной картине Людмилы Станукинас «Трамвай идет по городу»¹⁰.

Свой вклад в телесную локализацию и фиксацию пассажира вносят требования безопасности: кабина водителя еще в 1940-х гг. отделяется от салона перегородкой; в самом салоне запрещается высовываться из окон, прислоняться к дверям не рекомендуется, а рекомендуется во время движения держаться за поручни. Последняя техника балансирует на грани обязательства и необходимости: в переполненном салоне невозможно упасть, а в неполном — сложно удержаться без опоры.

Нормативными правилами кратко затрагивается тема чистоты — причем в контексте защиты как пользователей салона, так и его физического пространства: запрет «проезжать в одежде и провозить багаж, пачкающие пассажиров и сиденья»¹¹ кое-где дополняется табличками «не курить», «не сорить» и «не плевать». Таким образом, дискурсивно оформляются сразу две задачи: оберегается труд и уборщицы, и пассажира — в стремлении исключить хотя бы физический след из превратностей поездки.

Очерчивается территория не только тела, но и вещи: максимальный размер провозимого багажа определяется в 100 х 50 х 30 см (по измерениям длины, ширины и высоты). Примечательно, что минимальный размер багажа, провоз которого подлежит оплате, — 60 х 40 х 20 см — больше, чем площадь, отводимая одному человеку: по-видимому, от человеческого тела, более мягкого и гибкого, чем коробки и ящики, ожидаются усилия по принятию наиболее эргономичного положения в условиях дефицита свободного места. Детские санки, коляску, лыжи

---

⁸ Резник М.Я., Кулаков, Б.М. Трамвайный вагон ЛМ-68. С. 6.

⁹ Годес Я.П. Этот новый старый трамвай. Л., 1982. С. 142.

¹⁰ Трамвай идет по городу (реж. Л. Станукинас). Ленинградская студия документальных фильмов (ЛСДФ), 1973.

¹¹ Об утверждении Типовых правил пользования трамваями и троллейбусами в городах РСФСР: Приказ Минжилкомхоза РСФСР от 07.02.1978 № 72 (здесь и далее — Типовые правила), п. 14 (<http://www.bestpravo.ru/sssrf/eh-zakony/d8a.htm>).

можно перевозить бесплатно¹²: исключения делаются для отдельных вещей, по-видимому, признаваемых особо важными в жизни советского человека¹³.

Культура сидения и стояния

Как правило, в городском транспорте само устройство салона исключает равенство: здесь одни сидят, в том время как другие стоят. Культурные предписания по поводу взаимного положения сидящего и стоящего тел выстраиваются по различным шкалам: субординации, социального статуса, возраста, пола и т. д. В городском транспорте, по-видимому, на первый план выходят представления о внешних телесных характеристиках пассажира: молодого или старого, здорового или немощного, едущего в одиночку или с ребенком. В таком случае при соблюдении норм задействуются визуальные компетенции пассажиров с их характерным вниманием к предметным деталям: шансы сесть повышаются у человека с палочкой, костылем или в затемненных очках — как у героя известного фильма Леонида Гайдая.

Сидячее место оказывается не только привилегией, но и генерирует поводы для взаимодействия: сидящий принимает на руки чужую сумку или ребенка, таким образом не просто потребляя комфорт, но и частично разделяя его с теми, кто стоит. Круг тех, за кем признается право ехать сидя, закрепляется в различных по жесткости нормах. Для пассажиров с детьми, инвалидов и пассажиров пожилого возраста отводится «квота» в 6, 8 или 12 мест в передней части салона; сообщают об этом надписи и пиктограммы. Едва ли проектировщики предполагали, что названным категориям населения хватит таких сидячих мест — маловероятно, чтобы статистически они в сумме составляли не более 8 % пассажиров. Дополнительная нагрузка делегируется «культуре сидения», формулируемой, например, в мультфильме «Шел трамвай десятый номер», в книжных нормах этикета. Впрочем, в книге круг лиц, которым полагается уступать место, может определяться несколько иначе, чем в салоне: «воспитанный мужчина уступит место женщине в любом виде транспорта»¹⁴.

---

¹² Типовые правила. п. 13.

¹³ Список таких предметов не остается неизменным с течением времени: см., например, п. 17.1 Правил пользования наземным пассажирским транспортом в Санкт-Петербурге (Приказ Комитета по транспорту от 18.12.97 № 332).

¹⁴ Советский этикет / сост. Л.Г. Гринберг. Л., 1971. С. 114.

В том же сборнике статей о советском этикете есть намек на принципиально иное решение проблемы нехватки свободных мест. Главная и отрицательная героиня — неработающая пенсионерка, у которой «появилась привычка выезжать на рынок именно в те часы, когда транспорт развозит людей на работу»¹⁵, — в одном из эпизодов «спешит занять место», после чего портит настроение окружающим своими шумными разговорами. Этот же мотив мы встречаем в фильме Л. Станукина — но уже в парафразе, приводимом водительницей трамвая: «всё пилят пожилых пассажиров: что вы ездите в рабочее время, что вам не спится?» Отрицательный образ «несвоевременного» пенсионера подразумевает дисциплину иного рода — темпоральную — как умение воспользоваться общественным транспортом «вовремя», не отнимая мест у трудящихся.

Внимание: вежливое и невежливое, включенное и выключенное

Общественный транспорт оказывается местом специфических режимов внимания, которые производятся на дискурсивном уровне и через усвоение пассажирских компетенций.

Один порядок внимания — включенное наблюдение за происходящим. Нормами и надписями поощряется взаимная участливость (советских) граждан: если «водитель и кондуктор обязаны проявлять заботу о пассажирах»¹⁶, то последние призываются своевременно (за один перегон после посадки) оплачивать проезд и «[П]ри обнаружении в салоне трамвайного вагона, троллейбуса забытых вещей, документов, денег и других ценностей»¹⁷ сдавать их работникам транспорта. Отдельным поводом для бдительности пассажира оказываются карманные кражи — типично транспортный вид преступления. Здесь непрозрачность давки играет на руку анониму: для того чтобы не стать его жертвой, требуется незаурядная тактильная чувствительность. Тем, кто не полагается на свою способность опознать криминальные телодвижения, остается поместить ручную кладь перед собой, в поле визуального контроля; и вновь сидящий оказывается в выигрышном положении.

Другая форма внимания в транспорте содержится в предписаниях как вежливости, так и немногословности, ожидаемой от пассажира: «входя в трамвай, троллейбус, автобус, мужчина помогает сесть женщине, поддерживая её за локоть. <...> Естественно, что вежливая девушка

---

¹⁵ Советский этикет. С. 75.

¹⁶ Типовые правила, п. 3.

¹⁷ Там же, п. 18.

или женщина при этом поблагодарит человека, уступившего ей место, но не обязательно словом, достаточно поклона головой». ¹⁸ Громкий разговор в салоне не рекомендуется; важность того, чтобы не заставлять других в салоне невольно слушать себя, обосновывается на высоком риторическом уровне: «Испорченное настроение у нескольких десятков людей, которые через несколько десятков минут встанут за рабочие места — это поистине ущерб народному хозяйству» ¹⁹.

Условия видимости и слышимости, в которых происходила работа над вниманием, задавались конфигурацией сидячих мест в салоне. Если в метро визуальный контакт оказывается практически неизбежен (сиденья обращены «лицами» друг к другу), то в трамвайном вагоне сидящий едет лицом вперед, имея пространство для зрительного маневра: можно наблюдать пейзаж за окном, а можно и разглядывать окружающих. Эта диспозиция помогает поддерживать анонимность с помощью того, что Ирвин Гофманн называет вежливым невниманием, — управления взглядом таким образом, чтобы получать необходимую для собственных действий информацию и при этом не вторгаться в приватный домен другого ²⁰.

Отдельное место в дизайне рассадки отводится кондуктору: оно обозначается соответствующей надписью, гарантируя возможность присесть в течение долгого рабочего дня. При этом расположение его на возвышении в середине салона и обращенность «вовнутрь» (сидящий находился спиной к окну) делают возможным если не физический, то визуальный контроль над оплатой: в условиях частой «непроходимости» салона развивается практика передачи мелочи за билет «по рукам». Примечательно, что в вагонах петербургского проекта подобного сиденья нет. Одна из возможных причин этого — новаторский в транспортной практике переход на бескондукторную систему оплаты ²¹, где лучшим контролером объявляется совесть.

Что мог противопоставить пассажир своей физической включенности в монотонное и полное раздражителей пространство? В качестве ресурсов защиты развиваются разнообразные практики/тактики «выключения внимания». В кадрах уже упоминавшегося выше фильма в переполненном салоне смотрят в окно, читают книги и газеты, дремлют.

---

¹⁸ Советский этикет. С. 114.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ *Goffman E. Relations in Public. London, 1972. P. 385.*

²¹ *Годес Я. П. Этот новый старый трамвай. С. 145.*

В художественной картине «Первый троллейбус»²² предлагаются такие идеи организации досуга во время поездки, как турнир по шашкам и обзор международных новостей.

Способы «быть не здесь» смягчают эффект от пребывания в агрессивном пространстве и, может быть, заодно позволяют эффективнее занять время в пути. Но стоящему большинству подобные ресурсы менее доступны: портативные плееры и мобильные телефоны в советский период еще отсутствуют, а чтение стоя требует как минимум свободной руки, причем согнутой в локте (а значит, и дополнительного пространства). Такой пассажир чаще остается «здесь», причем не только «сейчас», но еще некоторое время «до» и «после»: вечно дефицитный транспорт выступает не «прослойкой» между другими делами, а опытом, который приходится ждать, переживать и вспоминать. В тесных (буквально) рамках социалистического общежития-салона пассажир — это одновременно объект заботы, воспитуемый и агент надзора за общественным порядком; эти роли угасают, когда он садится в маршрутку, где дискурс о безопасности обыгрывается в черном юморе, а разговор с водителем ведется преимущественно на языке скорости.

---

²² Первый троллейбус (реж. *И. Анненский*). Одесская киностудия, Киностудия им. М. Горького, 1963.

Гирик Сергей

Национальная академия наук Украины
Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского,
аспирант 2 года обучения
conservator.1985@gmail.com

УВИДЕТЬ СОЮЗ ИНАЧЕ. АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПРОЕКТ ОБЪЕДИНЕНИЯ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК (1919 Г.)

В историографии интеллектуальной истории украинского национал-коммунизма проблема федералистских проектов представителей политических течений, объединяемых этим определением, освещена очень слабо. В частности, это касается наиболее детализированных разработок сценария будущего объединения советских республик, которые можно обнаружить в идеологических документах Украинской коммунистической партии (боротьбистов). Так, в первом монографическом исследовании истории этой партии (1953 г.) бывший ее активист Иван Майстренко вообще практически не затрагивает вопросов идеологии УКП(б), лишь вскользь упоминая, что в области государственного строительства боротьбисты «выступали за полное равенство между Украиной и Россией»¹, а после «прилива новой марксистской крови в партию»² «...» надеялись оживиться и вновь вступить в борьбу «...» за независимую коммунистическую Украину»³. Как видим, в своем труде он практически игнорирует федералистские планы боротьбистов, хотя и приводит в приложении к нему английский перевод текста Меморандума УКП(б) Исполнительному комитету Третьего интернационала, в котором идея создания в будущем Всемирной федерации советских республик четко и недвусмысленно озвучена как одно из ключевых программных положений партии⁴.

Другой исследователь-эмигрант (Юрий Борис) обращает внимание лишь на раннюю стадию оформления боротьбистского федералистского

---

¹ *Maistrenko I. Borot'bism. A Chapter in the History of the Ukrainian Revolution / With a new introduction by Chris Ford. Stuttgart, 2007. P. 109.*

² Имеется в виду слияние Украинской партии социалистов-революционеров (коммунистов-боротьбистов) и Украинской социал-демократической рабочей партии (независимых левых) в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов), провозглашенное 6 августа 1919 г.

³ *Maistrenko I. Borot'bism. P. 140.*

⁴ *Ibid. P. 283.*

проекта, озвученную боротьбистским Ревкомом в январе 1919 г. Целью его, по словам историка, было «создание Украинской Социалистической Федеративной Республики Крестьян и Рабочих»⁵, которая бы вступила в союз с иными социалистическими республиками, включая Россию, а также установление диктатуры советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»⁶.

Несколько большее внимание федералистским идеям боротьбистов уделяет известный американский украинист Джеймс Мейс. Историк отмечает, что в воззрениях боротьбистов «объединение с Советской Россией должно было основываться на принципе равенства, Советская Украина должна была стать украинской, результатом деятельности сил украинской революции и связанной с этими силами»⁷. Анализируя упомянутый выше Меморандум УКП(б) Исполкому Коминтерна, он пишет: «Боротьбисты верили, что особые социально-экономические и национальные условия Украины обуславливали потребность для нее стать отдельной независимой советской республикой, органически связанной со своим селом, равноправным членом будущей всемирной федерации советских республик»⁸.

Что касается современной украинской историографии, то те исследователи украинского национал-коммунизма, которые уделяли внимание деятельности УКП (боротьбистов), практически всегда упоминают об их федералистском проекте, однако не детализируют его особенностей, ограничиваясь теми же общими фразами, что и зарубежные ученые. В сорокастраничном разделе «Политическая доктрина боротьбизма» (кандидатской диссертации Елены Любовец, защищенной в 1993 г.), самого подробного исследования истории этой партии, нашлось место лишь отдельным упоминаниям о том, что «принципиальное решение вопроса (о дальнейшем государственном устройстве Украины. — С.Г.) было заимствовано из программы бывшей УПСР, стоявшей на федера-

---

⁵ Характерно, что на первом месте боротьбисты ставили крестьянство. УКП(б), в то время действовавшая как левое крыло УПСР, позиционировала себя прежде всего как партию сельскохозяйственного пролетариата.

⁶ *Borys J. The Sovietization of Ukraine, 1917–1923. The Communist Doctrine and Practice of National Self-Determination. Edmonton, 1980. P. 266. Ср.: Borys J. The Russian Communist Party and the Sovietization of Ukraine. A Study in the Communist Doctrine of the Self-Determination of Nations. Stockholm, 1960. P. 254.*

⁷ *Mace J. Communism and the Dilemmas of National Liberation. National Communism in Soviet Ukraine, 1918–1933. Cambridge, 1983. P. 54.*

⁸ *Ibid. P. 56.*

листических позициях»⁹. Затрагивая вскользь боротьбистскую идею построения «Всемирной социалистической федерации», исследовательница ни словом не упоминает ключевой документ УКП(б) по этому вопросу — рассматриваемый нами далее проект Конституции Федерации Советских Республик¹⁰, предложенный ее Зарубежным бюро¹¹ Исполкому Коминтерна в августе 1919 г.¹²

Сам этот текст по своим форме и структуре схож с Договором о создании СССР от 30 декабря 1922 г., позднее продублированным в Конституции СССР 1924 г. Он состоит из трех разделов: «Об учреждении Федерации и ее составе», «О Федеративных органах», «Об актах Интернациональных Федеративных Органов». Помимо этого, после них указано название IV раздела — «О флаге, гербе и печати Федерации», текст которого в проекте отсутствует.

Текст предложенного боротьбистами проекта Конституции федеративного советского государства, как и подписанный тремя годами позднее Договор о создании СССР, посвящен прежде всего разграничению полномочий между республиканскими и общесоюзными органами власти. Естественно, в этом случае речь шла лишь о том, как видела будущее объединение одна из политических сил (пусть и довольно влиятельных на соответствующем этапе революции) одной из советских республик. В связи с этим разграничение полномочий и описание принципов формирования будущего союзного государства не были столь подробными, как в союзном договоре 1922 г. Однако различия в проработке деталей не мешают увидеть различия в принципах объединения советских республик, положенных в основу этих двух документов.

Одной из первых бросающихся в глаза особенностей боротьбистского проекта Конституции Федерации Советских Республик является четкое указание на этнографическое понимание «народов», объединяющихся в союз. Статья 4 этого документа гласит: «Вступление народов в состав Федерации Социалистических Советских Республик, а равно и

---

⁹ *Любовець О.М.* Партія боротьбистів в українській революції 1917–1920 рр. Дис... канд. іст. наук. К.: Київський університет ім. Т. Шевченка, 1993. С. 78.

¹⁰ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ). Ф. 43. Оп. 1. Д. 30. Л. 33–34 об.

¹¹ Под таким названием действовало представительство ЦК УКП (боротьбистов) при ИККИ и ЦК РКП(б) в Москве.

¹² Этот документ был разработан в промежутке между 15 июня 1919 г. (день рассмотрения вопроса о будущем объединении советских республик во Всеукраинском ЦИК) и 28 августа (день подачи ЦК УКП(б) Меморандума к ИККИ, к которому был приложен и этот проект Конституции).

пребывание в ее составе является исключительно актом свободной воли каждого *осознающего свое этнографическое единство народа* (курсив мой. — С.Г.), законно выраженной в постановлении полномочного Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов»¹³, и далее: «Каждый вступивший в состав Федерации народ сохраняет всю полноту принадлежащей ему власти в пределах своих этнографических границ» (Статья 7)¹⁴. Кроме того, этим проектом предусматривалось наделение федерального законодательного органа — Интернационального Федеративного Съезда Советов — исключительными полномочиями в области «установления этнографических границ советских республик» (Статья 12, пункт “в”)¹⁵. Это внимание к этнографическому обоснованию существования республик и выделения образующих их народов (довольно проблематичное, если учитывать дисперсность проживания многих этнокультурных групп, что было более чем характерно для пространства бывшей Российской империи) перекликалось с исследованиями дореволюционных этнографов и бравших на вооружение результаты их исследований представителей национально-автономистских и федералистских движений¹⁶. Общеизвестно, что при создании СССР и дальнейшем разграничении входивших в его состав территорий учитывались результаты этнографических исследований, а многие национальные административно-территориальные единицы создавались исключительно с целью институционализировать ранее открытые учеными «национальности» (в этническом понимании этого термина)¹⁷. При этом в Договоре и Декларации о создании СССР этот этнографизм толкования понятия «народы республик» не прослеживается¹⁸.

Характерным является также то, что центр Федерации согласно подготовленному УКП(б) документу получал заметно меньше полномочий.

---

¹³ ЦДАГОУ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 30. Л. 33.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 33 об.

¹⁶ См., например: *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М., 2010. С. 130–133 и др.

¹⁷ См. *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London, 2005 (части I и II); *Кадио Ж.* Цит. соч. (главы 5 и 6).

¹⁸ Слово «этнографический» в этих документах нигде не упоминается, однако утверждается, что «Союз этот является добровольным объединением равноправных народов» (Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик // *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории советской Конституции. М., 1987. С. 265). Слова «народ» и «республика» в тексте этих документов либо идут рядом, либо употребляются в качестве ситуативных синонимов.

Так, к исключительному ведению центральных органов Федерации¹⁹ относились лишь утверждения и изменения Федеральной Конституции, общее руководство внешней политикой Федерации²⁰, разрешение споров об определении этнографических границ республик, принятие в состав Федерации новых членов и выход из нее, установление организации военных сил членов Федерации²¹, установление системы мер и весов, установление основ хозяйственного строительства, заведывание денежной системой, а также трудовое, уголовное и социальное законодательства (Статья 12).

В противоположность этому в Договоре о создании СССР общесоюзному центру были делегированы заметно большие полномочия, в том числе в вопросах, касающихся внутренней политики советских республик. Так, в отличие от предусматривавшейся боротьбистским проектом Федерации, в СССР на всесоюзном уровне утверждался единый государственный бюджет, включавший в себя государственные бюджеты союзных республик (Статья 1, пункт “л”). Кроме того, общесоюзный центр согласно Договору получал определенные (хоть и ограниченные) полномочия в сфере образования (Статья 1, пункт “т”), а в ведении УКП(б) оно была прерогативой исключительно самих республик, как и вообще область культурного строительства. В отличие от Договора о создании СССР, проект боротьбистов не предусматривал существования единого общесоюзного гражданства, судебной системы и статистических органов, относя эти сферы к области внутренней политики республик. Кроме того, в боротьбистском проекте отсутствовало упоминание об органах государственной безопасности (ОГПУ), полномочия которого в СССР в момент его основания получили конституционную санкцию благодаря включению раздела об этой структуре в Договор.

Кроме того, в Проекте Конституции Федерации Советских Республик детально расписана процедура выхода отдельных республик из состава объединения (статьи 9–10)²², а Договор о создании

---

¹⁹ Интернациональный Федеративный Съезд Советов, Интернациональный федеративный исполнительный комитет, Интернациональные федеративные комиссариаты, Интернациональный федеративный суд.

²⁰ Договор о создании СССР предусматривал передачу всех полномочий в области внешней политики общесоюзному центру (Статья 1, пункты «а», «е» и др.).

²¹ Отметим, что такая формулировка предусматривала наличие собственных вооруженных сил отдельных республик, а не только общесоюзных, как мы можем это видеть в Договоре о создании СССР (Статья 1, пункт «к»).

²² ЦДАГОУ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 30. Л. 33 об.

СССР ограничивается подтверждением права на выход вступивших в него республик (Статья 4).

Исходя из этого анализа, мы можем прийти к выводу о том, что будущая федерация советских республик в том виде, какой ей придавался в идеологии Украинской коммунистической партии (боротьбистов), представляла собой не федеративное государство в строгом смысле этого слова, как мы это видим в случае СССР²³, а конфедеративное межгосударственное образование (особенно важны здесь отсутствие в их проекте упоминания об общефедеративном гражданстве и столице Федерации). Это вполне закономерно, если учитывать время и обстоятельства появления рассматриваемого документа — лето 1919 г., период, когда вполне реальными казались перспективы начала революции в странах Центральной и Западной Европы. В таких условиях казалось необходимым выработать сценарий объединения советских республик, который стал бы привлекательным для народов вне границ бывшей Российской империи, а значит, предусматривавший предоставление больших полномочий составным частям Федерации. В свою очередь, в принятых тремя годами позже Декларации и Договоре о создании СССР была учтена современная их подписанию внутри- и внешнеполитическая ситуация, в которой существовали советские республики.

---

²³ Централизация управления хозяйством в СССР дает основания отдельным исследователям отрицать его федеративный характер. Так, Терри Мартин пишет: «Она (советская национальная политика. — С.Г.) не предлагала федерацию, если в это понятие вкладывать нечто большее, чем просто формирование административных территорий в национальном духе» (*Мартин Т.* Империя положительной деятельности: Советский Союз как высшая форма империализма // *Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталин.* М., 2011. С. 98). Однако здесь мы рассматриваем лишь формальное распределение полномочий между союзным центром и республиками, в соответствии с которым СССР, безусловно, был федерацией.

Годунов Константин

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, аспирант
kostyagodunov@yandex.ru

ПРАЗДНИК 7 НОЯБРЯ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ КАРЕЛИИ 1918–1941 ГГ.)

В настоящем докладе рассматриваются советские праздники как важный механизм стратификации советского общества на раннем этапе его развития.

С помощью главного советского праздника 7 ноября властная элита предпринимала серьезные усилия по исключению из формирующегося сообщества нежелательных элементов. Это осуществлялось двумя путями.

1. Включение или исключение из состава празднующих. Революционные праздничные шествия должны были символизировать единство сторонников Революции.

2. Определение места в праздничной колонне в соответствии с социальным происхождением, возрастом, заслугами перед партией.

В программе праздника первой годовщины Октября в Карелии говорилось, что «Октябрьская революция была произведена с широким размахом, организовано, планомерно, с оружием в руках, объединенным фронтом рабочих, беднейших крестьян и частью трудовой интеллигенции. Эти начала должны быть положены в начало манифестации. Стройные ряды, лес алых знамен и гром революционных песен — вот какое впечатление должна дать манифестация. Следовательно, все в ряды манифестантов. Кто не в рядах — тот враг пролетариата и дезорганизатор»¹.

Для власти была важна численность населения — участие в празднике воспринималось как проявление лояльности. Характерно то, как

---

¹ Программа организации празднества годовщины Российской Пролетарской Революции в гор. Петрозаводске, выработанная Совещанием представителей партий, организаций, учреждений, красноармейских частей и частей боевых дружин в заседании 24 октября // Материалы о праздновании 2-ой годовщины Октябрьской революции (Инструкции, протоколы заседаний Комиссии и газетный материал). Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 37/451. Л. 20.

описывал численность присутствующих на празднике корреспондент газеты «Олонецкая беднота», явно преувеличивая число участников: «Величественное, незабываемое зрелище. Такой грандиозной манифестации не видел Петрозаводск. Все очевидцы сходятся на том, что участвовало около 15000 чел <...> В этой грандиозной, затопившей улицы процессии затерялись кучки в 10 чел. левых эсеров с мальчишеским лозунгом на плакате: “Требуем свободного избрания в Советы?”. Жалкие политические младенцы! Нельзя было продемонстрировать более наглядно убожество этой бывшей партии»². Таким образом, праздничная пропаганда определяла, какие группы населения можно считать «своими», а какие — «чужими». Праздник устраивался для особых привилегированных групп формирующегося советского общества, и «чужакам» в нем не было места. Так, союз большевиков с другими левыми партиями Карелии еще не распался, и их представители выступали на митингах, но это вызывало недовольство представителя официальной прессы. Существенную роль в манифестации играли военные организации, а бывшие «господствующие классы» не принимали в ней участия.

Характерной чертой праздника стало активное привлечение к нему детей, что позволяет сделать вывод о том, что цели организаторов праздника не ограничивались пропагандой, и можно говорить о начале формирования традиции, передаваемой от поколения к поколению. Полноправное участие молодежи в новых революционных праздниках должно было символизировать повышение их роли в формирующемся советском обществе.

Некоторые части праздника формировались специально «под детей» и носили явно политизированный характер. Так, в 1925 г. «для детей был устроен детский утренник: спектакль, концерт и политсуд»³. В 1926 г. пионеры приняли участие в торжественном заседании карельских органов власти, и пионер Пантелеев приветствовал собрание: «Мы слыхали, как жил рабочий в старые годы... Знаем, за что боролся рабочий класс, и учимся сознательно продолжать начатое им дело. Мы малы, но нас миллионы — будьте уверены: ваше дело в верных руках. Пионеры всегда готовы»⁴.

---

² Из газетной информации о праздновании первой годовщины Октябрьской революции в Петрозаводске // Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии: сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1957. С. 492.

³ Красная Карелия. 1925. 12 ноября.

⁴ Торжественное заседание в театре «Триумф» // Красная Карелия. 1926. 10 ноября.

В празднование Великого юбилея Октября в 1927 г. власть по-прежнему акцентировала внимание на том, для кого она устраивала праздник. Интересно отметить, как описываются в прессе те, кто посетил официальную часть праздника: «и нет в среде трудящихся безучастных к этому делу, нет посторонних, чужих. Поэтому президиум торжественного заседания включил в себя представителей всех слоев трудящихся. Кроме членов карельского правительства, сюда вошли: представители партии, комсомола, отдела работниц, Горсовета, всех профсоюзов, воинских частей, старые революционеры, приезжие гости — крестьяне и активные рабочие-онежцы»⁵.

Праздничные шествия имели символическое значение: «Демонстрация в 10 годовщину Октября не должна носить характера обычной, шаблонной. Каждая колонна демонстрантов должна отразить, путем лозунгов, плакатов, диаграмм и пр. достижения того учреждения и предприятия, которое она представляет»⁶.

Напоминание о вкладе конкретных учреждений в дело победы Революции было характерно для празднования юбилея. Так, представитель «красноармейцев и начальствующего состава войск ГПУ АКССР» приветствовал присутствующих на торжественном заседании карельских органов власти таким образом: «В день десятилетнего юбилея СССР⁷ пограничники и сотрудники ГПУ заявляют Правительству Карелии, что они уверенно и высоко несут в руках то боевое революционное знамя, под которым до сих пор побеждал и будет побеждать капиталистов Советский Союз <...> Нет тех трудностей и препятствий, которые бы мы не одолели на пути строительства пролетарской страны и во второе десятилетие. Пусть знают враги внутри страны и на границе, что у нас есть сила, о которую в дребезги разобьется капиталистический мир. По зову Правительства — всегда готовы! Да здравствует международный Октябрь!»⁸.

В 1930-е гг. участие в праздничной демонстрации подавалось как своеобразная награда. На первый план выдвигалась элита (политическая

---

⁵ Красная Карелия. 1927. 10 ноября.

⁶ Накануне дня юбилея // Красная Карелия. 1927. 16 октября.

⁷ Интересно, что существование СССР отсчитывается с момента Октябрьской революции, а не с 1924 г.

⁸ Протокол торжественного заседания ЦИК АКССР, СНК АКССР, ОК ВКП(б), ОК ВЛКСМ, КПС, Петрозаводского городского Совета, при участии рабочих, красноармейцев, служащих и прибывших на торжества крестьян, посвященного десятой годовщине Октября // НАРК. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 28/323. Л. 193.

и культурная) советского общества — формирующаяся номенклатура, армия, молодежь, рабочие, перевыполнившие план, спортсмены. Так, корреспондент «Красной Карелии» отмечал: «У правительственной трибуны веселое праздничное оживление. Здесь еще задолго до начала демонстрации начали собираться депутаты карельского народа, члены обкома, горкомов и райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, народные комиссары, члены горсовета, лучшие стахановцы и другие *знатные люди* (курсив мой. — К.Г.) столицы»⁹. Это отделение советской элиты от остальных празднующих подчеркивало и строительство новой трибуны. По данным Н.И. Кутькова, к 1936 г. «праздничное сооружение заметно подросло, и теперь областные и районные секретари и правительственные чиновники были вознесены над проходящими горожанами на высоту около 3 м»¹⁰. Стоит отметить, что в этот период в Москве строится мавзолей, с которого лидеры страны будут принимать праздничные парады, поэтому фактор иерархизации советского общества, которая выражалась в том числе через праздничную культуру, можно считать общесоюзной тенденцией.

Привилегированную роль в праздновании 7 ноября в конце 1920–1930-х гг. занимали представители Красной армии. Они шагали во главе праздничных колонн: «Праздничное шествие трудящихся столицы открывают бойцы, командиры, начальники, комиссары и политработники частей Петрозаводского гарнизона. Радостные возгласы в честь родной Красной Армии, этого могучего оплота нашего мирного труда, самой надежной гарантии безопасности нашей родины, раздаются с трибун, и в ответ им несется мощное красноармейское “ура”. Бурной овацией встречаются сводная колонна женщин — служащих в Красной Армии. Ворошиловский Закон о всеобщей воинской повинности — в действии!»¹¹.

Праздничные шествия должны были демонстрировать силу и мощь советского строя, готового дать отпор врагу. Так, например, 7 ноября 1932 г. прошел «парад войск Петрозаводского гарнизона. Парад войск вооруженного пролетариата, стоящего 15 лет на страже мирной политики Советского Союза. <...> Начинается торжественное прохождение частей мимо правительственной трибуны. Четок шаг отрядов вооруженных трудящихся. Идут егеря, демонстрируя готовность к бою за

⁹ Демонстрация трудящихся Петрозаводска // Красная Карелия. 1939. 10 ноября.

¹⁰ Кутьков Н.И. От ноября до мая. Из истории праздников // Петрозаводск. 1997. 21 марта.

¹¹ Демонстрация трудящихся Петрозаводска // Красная Карелия. 1939. 10 ноября.

октябрьские завоевания. Идут часовые советских рубежей — пограничники. Победно гарцует мимо трибуны кавалерия.

С грохотом проходят артиллерийские части.

Вслед за воинскими частями прошли отряды красных партизан, РОКК'а, ОСО-авиахимовцев. И вслед за войсками на площадь двинулись тысячные массы пролетариев, колхозников, служащих, учащихся, тысячные массы, готовые в нужный момент пополнить боевые единицы Красной Армии для защиты завоеваний революции»¹².

К середине 1930-х гг. в советской идеологии окончательно утвердился тезис о том, что «советская молодежь — самая счастливая молодежь в мире»¹³.

Пионеры и комсомольцы принимали активное участие и в самих праздничных демонстрациях. Согласно плану праздничных торжеств 1937 г., «в одной из первых колонн Октябрьской демонстрации пойдут дети. <...> Десять pedalных детских автомобилей, идущих один за другим, откроют колонну. Дети построили легкую арку, которую понесут с собой. На арке — лозунги, посвященные 20-летию Октябрьской Социалистической революции. Дети, несущие арку, остановятся у трибуны. Сквозь арку пойдут все детские колонны, инсценируя вступление в XXI год Октябрьской Социалистической революции. На автомобиле устанавливается бюст товарища Сталина с пионеркой Гелей Маркизовой. Его окружают дети многочисленных национальностей и народов Союза ССР. Следом за первой машиной пойдет вторая. На ней — большой макет петрозаводского дворца пионеров. <...> Юные танцоры Дворца пионеров исполнят перед трибуной карельскую кадрили, хоровую песню “Эх, хорошо в стране советской жить” и т. д. Дети понесут большие портреты Ленина, Сталина, Кирова, Ворошилова, Ежова, летчиков — Героев Советского Союза. Свои колонны дети украсят разноцветными флажками, шарами, лозунгами, плакатами»¹⁴.

На примере молодых людей, родившихся в 1917 г., праздничная пропаганда напоминала о том, что Октябрь дал молодежи: «Революция открыла перед ними огромные перспективы роста, неисчислимые возможности! <...> Ровесники Октября в дни Великого праздника отмечают знаменательную дату своего совершеннолетия. Первая в мире страна социализма окрепла и выросла в мощную несокрушимую державу пролетариата. Выросли и возмужали ровесники Октября — юное и смелое

---

¹² Демонстрация силы и мощи // Красная Карелия. 1932. 11 ноября.

¹³ Сегодня в садах, кино и театрах // Красная Карелия. 1936. 1 сентября.

¹⁴ В октябрьских колоннах // Красная Карелия. 1937. 5 ноября.

племя молодежи, которое имеет замечательное настоящее, которому принадлежит будущее. <...> Их много. И все они говорят горячо и взволнованно о том, что их ожидает. У них есть ясность цели, настойчивость и воля в достижении этой цели потому, что они сыны и дочери нашей великой партии, потому что они воспитаны на славных традициях штурма Зимнего, героических боев под Перекопом и Волочаевкой, легендарных походов Чапаева и Щорса, на примерах беззаветного мужества и героизма лучших сынов нашей Великой родины. С чувством глубокой ненависти к прошлому, величайшей благодарности к тем, кто дал им замечательное настоящее и еще более замечательное будущее — встречают ровесники Октября свое совершеннолетие»¹⁵. Лидер Всесоюзного коммунистического союза молодежи А.В. Косарев напоминал о той роли, которую должны сыграть молодые люди в будущем: «Если наши отцы сумели решить вопрос “кто кого” внутри нашей страны, то нам предстоит решить эту задачу в мировом масштабе»¹⁶.

Необходимо отметить, что с конца 1930-х гг. профсоюзный принцип формирования колонн демонстрантов сменяется территориальным принципом. Корреспондент газеты «Красная Карелия» описывает это таким образом: «Если бы взглянуть сегодня (7 ноября 1939 г. — К.Г.) на Петрозаводск с высоты птичьего полета, интересная картина представилась бы взору. Многочисленные ручейки людских колонн перерезали город во всех направлениях. Они текли к Вокзальной площади, к Вытегорскому шоссе, к Онежской набережной и собирались здесь в широкие полноводные реки... Это строились колонны вновь образованных в этом году районов столицы — Первомайского, Зарецкого и Октябрьского»¹⁷. Можно согласиться с Мальте Рольфом, когда он замечает: «Праздничные колонны, построенные по городским районам, приближались к площади с разных сторон света для того, чтобы придать торжественному параду характер символического действия, в котором участвует весь город»¹⁸. Корреспондент «Красной Карелии» рассказывает: «Впервые трудящиеся столицы шли порайонно. Первым вступил на проспект Зарецкий район, за ним — Первомайский, затем — Октябрьский. Перед трибунами прошла как бы живая география города — география нового социалистического Петрозаводска»¹⁹.

---

¹⁵ Ровесники Октября // Карельский Комсомолец. 1935. 5 ноября.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Демонстрация трудящихся Петрозаводска // Красная Карелия. 1939. 10 ноября.

¹⁸ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 155.

¹⁹ Демонстрация трудящихся Петрозаводска // Красная Карелия. 1939. 10 ноября.

На основе анализа приведенных выше источников можно сказать, что праздник 7 ноября служил одним из средств конструирования новой идентичности, формируя общность людей, принимающих идеалы Октябрьской революции и группирующихся вокруг правящей партии. Можно говорить о том, что с помощью праздничной пропаганды властная элита пыталась спаять некую новую символическую общность, но весьма своеобразное единство этой общности поддерживалось принципом размежевания с врагами революции. Включение или исключение из праздничных колонн отдельных людей или целых групп населения должно было символически отражать отношение большевистской власти к этим индивидам или группам.

Гумерова Мария

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет антропологии, слушатель, 3 курс
m.goumerova@gmail.com

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ (СССР 1920–1930-Е ГГ.)

В рамках этого небольшого доклада я попробую показать, как *свободное время* (досуг) в условиях конструирования нового советского государства превратилось (или же было сознательно превращено) в инструмент укрепления власти.

Повышенное внимание большевиков к времени — изучение его, постоянный подсчет, перекраивание графиков — приходится на начало 20-х гг. XX в. и продолжается до середины тридцатых¹. В указанный период, и особенно в начале 1920-х, в качестве панацеи от всех социальных проблем и проблем производства рассматривалось хронометрирование: «Когда в нашу жизнь и во весь наш быт войдут принципы хронометража и сциентизма и когда наша манера ходить и жестикулировать будет построена на геометризме экономии и рационализме движений на прямых линиях, как на линиях наименьшего расстояния между двумя точками, то будет создан инженерно-монументальный стиль Р. С. Ф. С. Р.»². Для развития «чувства времени» предлагалось завести «хронокарточки»: «каждые полчаса отмечай на карточке, что ты сделал за это время. Отдых — отметить, работу — отметить, безделье, зря истраченное время — тоже отметить»³. Подобные карточки должны были стать «ключом к экономии времени, плановой работе, здоровому режиму, умственной гигиене, несокрушимой воле»⁴. Техническому исчислению во

---

¹ *Zuzanek J.* Time-budget trends in the USSR: 1922–1970 // *Soviet studies.* 1979. Apr. Vol. 31. N 2. P. 190–191. См. также: *Stites R.* Revolutionary Dreams. Utopian vision and Experimental life in the Russian revolution. Oxford University Press. 1989.

² *Соколов И.* Индустриально-ритмическая гимнастика // Организация труда. Ежемесячник института труда. Книга II. М., 1921. С. 118.

³ *Керженцев П. М.* Борьба за время. М., 1924. С. 14.

⁴ *Гастев А.К.* Время. М., 1923. С. 12.

Взгляды А.К. Гастева и П.М. Керженцева на ведение и смысл хронокарточек различались, однако в данном случае представляется вполне правомерным привести цитаты из их работ в одном ряду.

времени предлагалось подвергнуть даже творческую работу⁵. Представляется, что все это является свидетельством процесса освоения нового ресурса, определения его места в жизни социума.

Прекрасным способом включить, наконец, всех граждан в новую структуру социального времени представлялась в официальных документах непрерывная рабочая неделя. Отсутствие единого выходного, когда все дни имеют равный статус, позволяло *на бумаге* добиться сглаженного, равномерного, с равно заполненными фрагментами потока социального времени.

Технически в перемене не было ничего сложного. Непрерывная неделя была введена в августе 1929 г. Помимо изначальных экономических целей, важное место занимали в ней и цели социальные. На новый распорядок возлагались огромные надежды:

- «1. Она [непрерывка] дает рабочему более частый и нормальный отдых
2. Снимает послепраздничные прогулы
3. Способствует уменьшению пьянства в праздничные дни
4. Уничтожает субботний и предпраздничный сокращенный рабочий день, в который производительность труда обычно падает
5. Наконец, она уничтожает малую производительность труда по понедельникам и после праздников, когда рабочему приходится “налаживаться на работу”»⁶.

Таким образом, множество социальных проблем (пьянство, прогулы, плохая производительность труда или, говоря проще, нежелание работать) были списаны на неверное распределение времени, на его неоднородность.

Еще одно желательное следствие введения НПН, также связанное с новым расположением выходных дней, часто встречается в фельетонах:

«— Вы, ребята, не ждите меня в то воскресенье, не приду я. У меня теперь воскресенье будет в пятницу. <...> Только у одного Ваньки Грача воскресенье было нормальное. “Красный самовар”, на котором он работал, еще не перешел на непрерывку.

Так распался теплый коллектив.

В следующее воскресенье Ванька Грач, сильно скучая в одиночестве, заглянул в “Коммунар”, посмотрел на литровые батареи, еще раз по-

---

⁵ Якулов Г. К вопросу о соотношении авторского и производственных моментов труда // Организация труда... С. 112.

⁶ Лященко И.И. Непрерывка и что она дает рабочему классу. 1930. С. 7.

смотрел, вздохнул грустно и... ничего не купил.

– Эх ты, непрерывка наша!

Зашел в пивнушку. Постоял немного... Пить в одиночестве было противно правилам и совершенно подрывало моральные устои... Прошли две грустные недели. С Ванькой Грачом произошла перемена. Теперь он — член “Автодора”, “Осоавиахима”, нежный “Друг детей” и в музыкальном кружке учится играть на тромбоне⁷.

Подобные сценарии в том или ином виде часто появляются в агитках разного рода (статьи в газетах, плакаты, программные брошюры и пр.). Очевидно, именно так виделось авторам проекта действие на людей «гуляющего» выходного: человек выпал из привычного социального круга, рвались устоявшиеся социальные связи. На какое-то время он оказывался вне социума, но тут на помощь приходила заранее выстроенная система управления досугом. Человек встраивался в нее, занимая место в «одобренном» властью репертуаре социальных ролей.

Правильный отдых в сочетании с грамотным распределением времени, помимо прочего, должны были благотворно сказаться и на здоровье людей:

«...При пятидневной неделе организм рабочего будет, несомненно, гораздо меньше изнашиваться, т. к. через каждые 4 дня силы его будут восстанавливаться. В отношении культурного обслуживания рабочий выиграет благодаря тому, что общая масса посещающих зрелища распределится по всем дням недели, не будет скопления, очередей и траты времени на посещение этих зрелищ⁸.

До сих пор каждый отдыхающий был предоставлен самому себе. Сам находил формы отдыха, далеко не всегда целесообразные и нормальные. Благодаря этому день отдыха не способствовал полному исчезновению утомления, накопившегося за время работы. В течение месяца будет пропущено пять смен по шесть раз. Прием отдыхающих будет производиться с вечера накануне выходного дня. Рабочие прямо с производства, по окончании работы, направляются в однодневный дом отдыха. В основу работы однодневного дома отдыха будет положен правильный, научно обоснованный режим в форме активного отдыха, отдыха в действии, отдыха в движении на воздухе»⁹.

---

⁷ Крокодил № 43. Ноябрь. 1929. С. 5.

⁸ Непрерывная неделя оздоровит рабочий быт // Экономическая жизнь. 1929. 17 сентября. № 214 (3235). С. 2.

⁹ Олин А. Организация отдыха при непрерывке // Что дала непрерывка. М., 1930. С. 23.

Уже лишь по этим цитатам заметно отношение к рабочему как к механизму, который может «износиться». Интересно сравнить этот подход с более ранним, когда *опасение*, что человек, трудящийся на производстве, может превратиться в «бездушный автомат», являлось одной из мотиваций к организации его досуга. Советское же правительство, активно приступив к научной организации труда, должно было ради успеха мероприятия заняться и «научной организацией отдыха».

Признав человека живым механизмом в условиях производства (а именно из этих соображений исходили идеологи НОТ¹⁰, необходимо было обеспечить ему должный уход и вне его. В этих условиях все без исключения становилось аналогичным производству. Так, например, в журнале «Организация труда» описывается педагогическая деятельность:

«Мы сейчас заняты на огромной постройке; и нет такой отрасли человеческой деятельности сейчас, которая не была бы производственна... Педагогика — производство педагогов. <...> Союз работников просвещения — производственный союз, создающий громадные ценности в лице живых орудий труда»¹¹.

При новом распорядке утомление, столь вредное для производительности труда, должно было исчезнуть. В организме человека, согласно современным моменту теориям, выделялись «яды утомления»¹², справиться с которыми мог помочь именно новый график.

Интересно, что введение непрерывки должно было, видимо, повлечь за собой «разглаживание» и социальной ткани. Одну из основных проблем, связанных с отсутствием единого дня отдыха, — невозможность встретиться с друзьями и семьей — предлагалось решать следующим способом: «Организация отдыха при непрерывке вырастает в большую задачу, требующую для своего правильного разрешения иных методов и иной организации, чем это было до сих пор. На нашем заводе, — говорит строитель Меркулов, — ежедневно отгуливают сотни людей, и ни

---

¹⁰ См., например: Якулов Г. К вопросу о соотношении авторского и производственных моментов труда. С. 112; Гуро Е. Педагогика как производство // Организация труда. С. 104–108; Гастев А.К. Наши задачи // Организация труда. Ежемесячник института труда. Март. 1921. № 1.

¹¹ Гуро Е. Педагогика как производство. С. 104, 107.

¹² Психофизиологические основы утомляемости живых машин. Автореферат. Краткое содержание доклада В.В. Ефимова // Организация труда. Ежемесячник института труда. Март. 1921. № 1. С. 100.

один не знает про другого. Надо придумать какие-то новые формы связи, взаимной помощи и содействия, а про это еще никто не думает»¹³.

Здесь речь идет приблизительно о том же, что и в приведенном выше фельетоне о Ваньке Граче: не беда, что человек лишается привычного окружения. Общество готово предоставить ему замену: социальные связи на основе сходных графиков работы. Представляется, что это может быть еще одним свидетельством «научной организации отдыха» и механистического восприятия индивидуума. Раз рабочие представляют собой «живые механизмы», они легко заменимы и в социальной жизни.

Предложение «связывать» отдыхающих в один день, как и образ встающего на правильный путь рабочего, кочевало из текста в текст в разных обличьях. Довольно нелепое как руководство к действию, с точки зрения теории оно представляется крайне интересным. Новый отдых, по природе своей массовый, предполагал общение всех со всеми, постоянное пребывание на виду, что должно было создать равномерное социальное полотно, из которого уже можно было кроить новый мир и нового человека.

Интересно, что проблема «сглаживания времени» осмысливается в самих официальных текстах:

«При непрерывке воскресенье и другие церковные праздники потеряют всякое значение как праздники. Они делаются похожими на будни, так как предприятия и учреждения работают в эти дни так же, как в будни. При непрерывке праздник ничем не отличается от будней. А это значительно помогает трудящемуся освободиться от вековых религиозных предрассудков»¹⁴.

«В бытовом отношении переход на такую систему работ был бы началом действительной культурной революции. Дни отдыха настолько часто чередуются, что они совершенно теряют свой праздничный характер, когда обязательно надо искать какие-то развлечения»¹⁵.

Видимо, эта однородность, которую сложно представить в реальной жизни, действительно являлась желаемой целью. Организованный труд в рабочее время должен был дополняться организованным отдыхом во время досуга — то есть «непрерывно организованной» должна была

---

¹³ Олин А. Организация отдыха при непрерывке. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 11.

¹⁵ Шауэр Ю. Непрерывка — шаг вперед к социализму // Экономическая жизнь. 1929. 11 июля. № 156 (3177). С. 2.

стать вся жизнь советского гражданина. Досуг становится «частью политической системы и системы власти»¹⁶ и, согласно цитате из статьи Ю. Шауэра, не подразумевает более развлечений.

Сохранившиеся «бюджеты времени», которые должны были вести рабочие и служащие, позволяют сделать вывод, что к 1930 г. в разделе «свободного времени» преобладало участие в общественно-политических занятиях¹⁷. Безусловно, эти данные могли не соответствовать действительности, однако совершенно точно они соответствовали ожиданиям проверяющих органов, а значит, к указанному времени концепция свободного времени как политического ресурса вполне сложилась. Следует оговориться, правда, что речь идет исключительно о дискурсивном «захвате». Реальная ситуация, конечно же, не укладывалась в эти стройные схемы.

---

¹⁶ Кухер К. Овладение досугом: отдых как составная часть сталинизма // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 382.

¹⁷ Zuzanek J. Time-budget trends in the USSR... С. 198.

Денис Джульетта

Университет Нантер (Париж, Франция), аспирантка
Франко-российский центр (Москва)
denis.juliet@gmail.com

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ (ЧГК) ЛАТВИИ: ПОДДЕРЖКА В ВОССТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОГО РЕЖИМА (1944–1946 ГГ.)

Введение

Советская власть, восстановленная в Латвии в 1944 г., буквально сразу же столкнулась со многими трудностями. Во-первых, в Курляндии продолжались бои вплоть до германской капитуляции. Латышское население, в своем большинстве враждебно настроенное к советскому строю, бежало, пряталось или избегало сотрудничества с новыми властями. Кроме того, местные представители власти оказались неспособны решить многочисленные задачи, которые ставил перед ними режим. В этих тяжелых условиях «выхода из войны» (*aftermath of war / sortie de guerre*) советская власть решала одну из главных задач — идентифицировать и судить военных преступников и врагов режима (в том числе местных «предателей» и «пособников» немецких оккупантов). Одним из каналов такой идентификации явилась латвийская Чрезвычайная государственная комиссия, республиканский филиал комиссии, покрывавшей весь СССР¹.

Сведения об этой комиссии долгое время можно было получить только из брошюр, опубликованных во второй половине 1945 г., и из материалов, представленных комиссии на публичных судебных процессах «о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков на территории СССР» в освобожденных крупных советских городах (в том числе в Риге) и в Нюрнберге². Комиссия становилась привилегированным каналом рас-

---

¹ Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

² СССР. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Сообщение чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников о преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской ССР. Рига, 1945; Судебный процесс по делу о злодеяниях

пространения официального дискурса о Великой Отечественной войне и публичного осуждения зверств фашистских захватчиков. С тех пор как открылись дела комиссии³ — стенограммы местных совещаний, акты, отчеты и материалы, касающиеся ее учреждения, — появились новые исследования о ее формировании, роли и результатах работы на центральном и на местном уровнях⁴.

В данном докладе я рассмотрю деятельность латвийской комиссии как направленную на решительную поддержку восстановления советского режима в Латвии. Я анализирую учреждение комиссии как одно из первых проявлений советской государственности, с которыми латвийское население столкнулось сразу после разгрома немецких войск в Латвии⁵. В этой аннексированной советской республике, где большая часть населения не поддержала советское освобождение от немецкой оккупации, ЧГК играла решающую роль в утверждении законности советского режима. Я анализирую формирование Латвийской комиссии, результаты ее работы по вопросу об уничтожении евреев и участии местных коллаборационистов, а также публичные речи деятелей республиканской комиссии в Латвии, СССР и на международной арене. Каждый этап формирования комиссии и использования ее материалов отражает этапы советизации республики, основывавшейся на политическом истолковании национального опыта немецкой оккупации.

немецко-фашистских захватчиков на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Рига, 1946; СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории / сост. Н.С. Лебедева. М., 2012.

³ Дела Латвийской комиссии находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 7021) и в Latvijas Valsts vēstures arhīva (LVVA. Фонд P-132).

⁴ *Епифанов А.Е.* Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997; *Feferman K.* Soviet investigation of Nazi Crimes in the USSR: documenting the Holocaust // *Journal of Genocide Research*. N 5(4). 2003. P. 587–602; *Sorokina M.* People and procedures. Toward a history of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR// *Kritika*. N 4. 2005. P. 797–831; *Moine N.* La Commission d'enquête soviétique sur les crimes de guerre nazis: entre reconquête du territoire, écriture du récit de la guerre et usages justiciers// *Le Mouvement Social*. N 222. 2008. P. 81–109.

⁵ Как пишет Нагали Моан, советская ЧГК являлась «средством... придания законности власти, которая находилась в стадии восстановления, как путем возвращения своих кадров на местах, так и провозглашением борьбы за права жертв оккупации» // *Moan N.* Op. Cit. P. 82.

Создание Латвийской комиссии в контексте формирования ЧГК в СССР и восстановления местной администрации Латвии

В первой части доклада рассматривается создание Латвийской комиссии как в контексте формирования советской комиссии с 1942 г., так и в условиях освобождения Латвии от немецкой оккупации с лета 1944 г. Сначала я охарактеризую советскую ЧГК в целом и укажу общие черты, которые приписывались Латвийской комиссии.

Сразу после освобождения советских населенных пунктов встал вопрос о систематическом сборе материала, отражавшего проявления зверств со стороны немецко-фашистских войск на временно оккупированных территориях. Советские деятели, в том числе сотрудники НКВД, НКВД, НКВД и ЦК компартии, интересовались военными комиссиями, существовавшими во время Первой мировой и Гражданской войн. Они пришли к выводу, что создававшаяся советская комиссия должна унифицировать и рационализировать сбор материала по всему СССР.

Кроме того, основатели ЧГК большое внимание уделяли международному фактору. Цель советской комиссии заключалась в том, чтобы провести советские требования о пораженной Германии на послевоенных международных судебных процессах, а также утвердить советские территориальные претензии. Для этого ЧГК нужно было представить себя нейтральной и объективной. В состав центральной комиссии были включены известные члены Академии наук, писатели и герои, благодаря которым комиссия приобрела более «универсальный» характер. Советская ЧГК была создана в ноябре 1942 г. В 1943 г. Сталин утвердил постановление о составе областных и республиканских комиссий.

Создание латвийской ЧГК 23 августа 1944 г. основывалось на постановлении ЦК КП(б) Латвии и СНК ЛССР. Последние отчеты были отправлены в Москву в начале августа 1945 г. Комиссия в Латвии существовала немногим более года и ее деятельность отразила этапы отсутствия фронта и взятия территории Красной армией. Этапы ее формирования соответствуют продвижению освобождения и перемещению руководящих органов. Большая часть работы была проведена в апреле 1945 г., за исключением шести уездов Курляндии, освобожденных в мае 1945 г. Состав членов Комиссии на республиканском уровне свидетельствует о желании задействовать высшую сферу власти и так называемого гражданского общества⁶. Таким образом, в Латвийскую комиссию

---

⁶ Комиссия была представлена в следующем составе:

- председатель комиссии — КАЛНБЕРЗИН Я.Е., секретарь ЦК КП(б) Латвии,

вошли главные руководители ЛССР, органов безопасности, вовлеченных в расследование преступлений, а также важные деятели довоенной латвийской культуры, которые встали на сторону советской власти и своим участием словно гарантировали независимость комиссии.

На местах также создавались комиссии. Их работа была более проблематичной. В итоговых отчетах латвийской ЧГК часто упоминались «ошибки» местных комиссий. Недостатки, о которых кратко говорится в общих отчетах, чаще всего относятся к несоблюдению сроков. В центральной республиканской комиссии 19 сентября 1944 г. Эрмансон был заменен Клявиным за неумение организовать работу местных комиссий. После своего назначения Клявин призвал к порядку местных партийных секретарей, а также руководителей различных комиссий республики, не уделявших достаточного внимания этой задаче «национального, а также международного назначения»⁷. У местных представителей советской власти не хватало ни времени, ни компетентности для одновременного проведения в действие многочисленных мероприятий режима. К тому же, мешали технические трудности. Чтобы восполнить нехватку персонала на местах, с момента установления комиссии в Риге в октябре 1944 г. было решено начать специальное обучение инспекторов, которые затем распределялись по всей территории (в основном это были латышские кадры, сформировавшиеся в эвакуации). Я рассмотрю ряд реформ и решений, принятых для улучшения работы местных комиссий. Я также покажу, что за год своего существования латвийская ЧГК накопила некоторый опыт. В целом по республике было создано 5562 комиссии в соответствии с пирамидальным административным делением республики и 4960 комиссий на предприятиях и в учреждениях. Было составлено более 230 тыс. актов, в разработке которых участвовали более 53 тыс. человек. Различные категории населения, в том числе школьные учителя и духовенство, вовлекались в розыск виновных и в доносительство о преступлениях и понесенном ущербе. Этот процесс свидетельствует о политике вовлечения элиты в сотрудничество с местными комиссиями и таким образом — в процесс восстановления советской власти.

- заместитель председателя — ЛАЦИС В.Т., председатель СНК ЛССР,

- члены комиссии: РОКПЕЛНИС Ф.Я., секретарь Союза писателей, НОВИК А.А., народный комиссар государственной безопасности, ЕГЛИТ А.Г., народный комиссар внутренних дел, СТРАЗДИН, народный комиссар просвещения, член и ответственный секретарь комиссии — ЭРМАНСОН Е.Я // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 93. Д. 3736. Л. 1.

⁷ LVVA. Ф. PA-101. Оп. 6. Д. 20. Л. 11.

Результаты деятельности латвийской комиссии

Во второй части доклада я рассмотрю местный материал, собранный в Латвии. Я представлю местные отчеты двух уездов ЛССР, а именно Абренского и Лиепайского⁸. Как создавались местные отчеты? К каким категориям населения принадлежали свидетели и что они рассказывали о немецкой оккупации? Можно ли доверять цифрам ЧГК об учете жертв и ущерба? В моем докладе ставится вопрос о характеристике местных отчетов и их достоверности. Несмотря на различия местных условий немецкой оккупации и приказа центральной ЧГК, в местных отчетах подробно описывали Холокост в Латвии и участие местных коллаборационистов в массовых уничтожениях евреев. «Жертва еврейской национальности» и «латышский предатель» стали главными «персонажами» повествования о немецкой оккупации в местных отчетах. Среди рассматриваемых преступлений наиболее часто повторяются и наиболее детально описаны те, которые касаются истребления евреев. Коллаборационисты единодушно рассматриваются как «айзсарги» и как «латышские немецко-фашистские националисты». Приводимые в докладе примеры из местных отчетов объясняют, как возник и изменился образ латышского врага в послевоенный период.

Опубликованные результаты работы латвийской комиссии и материал, представленный на рижском судебном процессе, сильно отличались от картины немецкой оккупации, нарисованной в местных актах и отчетах. В них внимание обращалось только на вину немецких оккупантов и на страдания советских мирных граждан, без упоминания их национальности. В латышском варианте деятельность ЧГК в отношении немцев опиралась на стремление установить преемственность между империей, Первой мировой войной и нацистской оккупацией: немецкие оккупанты являлись наследниками немецких баронов XIX века и врагов 1915 г. Таким образом, национальная латышская история сближалась с историей войны в СССР: этот риторический процесс вызывал «национализацию» истории Великой Отечественной войны в Латвии. Официальные отчеты комиссии дают очень мало информации о местных коллаборационистах и об особенностях уничтожения латвийских евреев. Кроме это-

---

⁸ Абренский уезд был освобожден летом 1944 г. В этом уезде местная комиссия была сформирована даже до официального создания республиканской комиссии. В конце 1944 г. уезд был передан под управление РСФСР, но материал комиссии до сих пор находится в архиве латвийской ЧГК. Лиепайский уезд, имевший более «латышский характер», был освобожден в мае 1945 г.

го, на международном уровне латвийская ЧГК представила результаты, цель которых заключалась в том, чтобы доказать «советскую сущность» Латвии.

Заключение

У республиканской латвийской комиссии были разные задачи. Ее миссия заключалась в выявлении преступлений периода немецкой оккупации, в силу чего она явилась моральной и политической основой восстановления советской власти. Этот грандиозный процесс учета людей походил на перепись населения. Его количественный размах, расследования, допросы, методы интервьюирования очень напоминали перепись, которую проводила перед войной советская власть и до нее — царский режим. Символический смысл этого процесса заключался как в самом изучении населения, так и в создании связующего звена между населением и властью. Как и перепись 1920 г., которая позволила в условиях гражданской войны, когда многие территории не подчинялись советской власти, создать и утвердить государственную и территориальную преемственность, ЧГК выступала связующим звеном в еще раздираемой сражениями Латвии, слабо управляемой советскими органами.

На местном уровне комиссия вовлекала местное население в разоблачение немецкой оккупации и местных коллаборационистов. На республиканском уровне ЧГК поддерживала идею о компромиссе в вопросе о значении немецкой оккупации. А на международном уровне она стремилась оправдать советскую аннексию Латвии.

Захарова Евгения

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
исторический факультет, соискатель
engamsu@mail.ru

«ДАЕШЬ МОСКВУ!»: ОБРАЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТОЛИЦЫ В ПУТЕВОДИТЕЛЯХ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

Массовый туризм, зародившийся еще в дореволюционную эпоху, после 1917 г. становится одной из составляющих советской идеологии. В качестве оппозиции мировому, «буржуазному» туризму в Советском союзе стремились создать феномен туризма «пролетарского», ориентированного на рабочих и крестьян. Отражением этого процесса стало появление разнообразной «туристической продукции»: разрабатываются новые туристические маршруты, экскурсоводческие методички, путеводители. Кроме того, в этот период меняются сами объекты туристической деятельности: вместо природных объектов (Крым, Кавказ) на первое место выходят рукотворные, и прежде всего большие города как локомотивы революционных преобразований. С помощью путеводителей большевики конструировали новый образ городов, в массовом сознании превращая их из городов царской России в коммунистические центры. Прежде всего, разумеется, это касалось Москвы, которая из первопрестольной столицы, города «сорока сороков», наконец, «большой деревни» должна была превратиться в столицу первого в мире социалистического государства. Путеводители двадцатых годов по Москве стремятся показать ее значимость в жизни не только нового государства, но и всего мира. В них наряду с уже существовавшими до революции образами исторического, культурного и промышленного центра страны появляются два новых образа, призванных отразить советскую действительность: это образы административно-политического центра и «красной» столицы.

Прежде всего Москва, 16 марта 1918 г. ставшая столицей РСФСР, и впоследствии провозглашенная столицей Союза Советских Социалистических Республик, предстает в путеводителях как административно-политический центр. Практически все путеводители начинают свое повествование с перечисления и описания административных, государственных и партийных учреждений столицы, тем самым ставя ее политическое и административное значение на первое место. Москва —

«это, прежде всего, столица Советского Союза»¹, в которой находятся все центральные учреждения государства, постоянные представительства советских союзных республик, проводятся всесоюзные и всероссийские съезды Советов СССР. Именно здесь, в огромном здании Большого театра, над которым красным огнем загораются буквы «Съезды Советов СССР» и который вмещает почти две с половиной тысячи человек, «собираются представители со всех концов нашей большой страны, выражающие волю всего трудящегося народа»². Путеводители обращают внимание на то, что в перерывах между съездами в Москве работает Президиум Центрального исполнительного комитета, заседающий в здании рабоче-крестьянского правительства в Кремле.³ Кроме того, в Кремле также находятся ВЦИК РСФСР, Совет народных комиссаров СССР и Совет народных комиссаров РСФСР, а рядом — в Китай-городе — «расположены центральные управления жизни и строительства нашей страны — народные комиссариаты»⁴.

В Москве также находится очень важный для жизни молодого государства, «окруженного врагами — капиталистическими странами»⁵, Революционный военный совет республики, который организует работу по обороне Советского союза, и Военная академия, проводящая подготовку квалифицированных «красных» командиров. Здесь же расположены учреждения народного труда и хозяйства: Народный комиссариат труда, Высший Совет народного хозяйства, а также Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции. Также именно в Москве, в самом центре города на площади им. Дзержинского расположено очень важное в политической системе СССР, Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), созданное для борьбы с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. Кроме того, в Москве находится свыше двадцати посольств зарубежных государств, которыми ведает Народный комиссариат по иностранным делам, также находящийся в столице.

Наряду с тем что Москва является центром Советского Союза, путеводители отмечают ее значение и как столицы Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: именно здесь располагается, как уже было отмечено выше, ВЦИК РСФСР, «при котором

---

¹ Москва. Спутник туриста. М.; Л., 1930. С. 9.

² Там же.

³ Даешь Москву. Путеводитель по Москве в помощь подросткам — пионерам и школьникам. М.; Л., 1929. С. 27.

⁴ Москва. Спутник туриста. С. 9.

⁵ Даешь Москву. С. 28.

находятся 29 представителей автономных республик, областей и край-исполкомов, входящих в РСФСР»⁶.

Подробное описание и перечисление всех правительственных учреждений, находящихся в Москве, связано не только с фактом репрезентации ее как столицы нового государства и как доказательства значимости самого государства, но и с необходимостью показать, что Москва имеет право быть столицей. Поэтому путеводители всеми доступными им средствами демонстрируют ее положение как политического и административного центра не только СССР и РСФСР, но впоследствии и как центра Московской промышленной области.

Еще один образ Москвы, представленный в путеводителях, это образ Москвы как «красной» столицы — пролетарского и партийного центра СССР, а также центра мирового революционного движения, в данный момент социалистической, а впоследствии и коммунистической столицы мира.

Путеводители гораздо больше интересуются современностью, нежели историей города, что накладывает отпечаток на их повествование о Москве. Но если речь заходит о прошлом столицы, оно непременно связано с революционным движением. Так, Кремль воспринимается теперь не столько как исторический центр страны, а как центр Москвы современной, Москвы советской. Авторы путеводителей в первую очередь волнует его роль в революции, он ценен прежде всего тем, что там работал и жил лидер большевиков, что там находятся важнейшие политические и административные учреждения⁷. Теперь «на фоне старых стен Кремля развернулся красный свиток истории пролетарской революции. Над древними башнями полощутся алые стяги. А колокола курантов Спасской башни в полдень и в полночь играют «Интернационал»⁸.

В описаниях Красной площади путеводители также подчеркивают ее значение как места, напоминающего о славных деяниях революционеров. Именно здесь находится мавзолей лидера большевиков Ленина, а «за мавзолеем — могилы отдельных соратников Ильича. Там же — братские могилы погибших в дни Октябрьского восстания 1917 года»⁹. Мавзолей же, который, по мнению путеводителей, является одним из самых «культовых» мест столицы, всегда находился на одном из первых мест обязательных для посещения, ведь это «самый дорогой и близкий

---

⁶ Даешь Москву. С. 30.

⁷ См., например: Путеводитель крестьянина по Москве. М., 1926. С. 72.

⁸ Советская Москва. Новый путеводитель по Москве. 1923–1924. М., 1923. С. 13.

⁹ Даешь Москву. С. 26; Путеводитель крестьянина по Москве. С. 68.

нам революционный памятник Москвы»¹⁰. Кроме того что там покоится тело Ленина, он еще примечателен тем, что в нем хранится «флаг парижских коммунаров 1871 г., присланный французскими рабочими в подарок пролетариату СССР»¹¹. Также именно на Красной площади проходят парады, посвященные важнейшим революционным датам — 1 мая и 7 ноября. «Здесь, с ораторских трибун у мавзолея Ленина пролетариат приветствуют его вожди, происходят смотры свежих кадров молодой гвардии и “смены смене”. Отсюда воодушевленные памятью о дорогом вожде, звавшем вперед для создания нового мира, раскатываются по фабрикам и заводам волны революционного пролетариата, чтобы под знаменем ленинизма, в “советские будни” у станков, котлов и моторов, капля по капле творить великое дело мировой революции и тем выполнять славные заветы Ильича»¹².

О том, что Москва действительно воспринималась как революционная и коммунистическая столица, можно также судить и по ее музеям. По данным путеводителей, к 1929 г. в столице существовало 8 специализированных музеев, посвященных революции¹³. Обзор музеев путеводители также начинают с революционных. «В московских музеях есть, что посмотреть, есть чему поучиться. Они являются замечательными собирателями и хранителями материалов по всем областям жизни. Тут и музей революции, и музей Ленина, знакомящие с историей революционного движения и победным завершением всей этой героической борьбы...»¹⁴.

Путеводители подчеркивают роль Москвы и в партийной жизни: именно здесь каждый год проходят партийные съезды и конференции, а из всех существующих партийных организаций московская является самой крупной в СССР. В самой Москве насчитывается почти 100 тыс. партийцев и кандидатов партии. Кроме того, в Москве преобладающее количество коммунистов на душу населения по сравнению с остальной страной: «по всему Союзу в среднем на 10000 человек — 72 коммуниста. В Москве — на 10000 человек — коммунистов 466»¹⁵. Вдобавок ко всему Москва является самым крупным пролетарским населенным пунктом страны: пролетариат составляет 34 % ее населения¹⁶.

---

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ Там же. С. 53.

¹² Вся Москва в кармане. На 1924–1925 гг. М., 1924. С. 36.

¹³ По Москве. Справочник туриста. М., 1929. С. 8.

¹⁴ Даешь Москву. С. 89.

¹⁵ Там же. С. 33.

¹⁶ Банин Д.М. Москва. Спутник туриста. М.; Л., 1930. С. 28.

Наряду с тем что Москва является коммунистическим центром СССР, путеводители стараются представить ее и как коммунистический центр мира, как штаб мировой революции. Кроме всех административных учреждений, связанных непосредственно с управлением государством, именно в столице СССР находится штаб революционных рабочих и крестьян всего мира — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала и Исполком Коммунистического интернационала молодежи. Все шесть конгрессов Коминтерна, имевшие место к 1929 г., проводились в Москве. Ко дню их открытия сюда съезжаются представители компартий всего мира, «даже компартия далекой Австралии представлена здесь»¹⁷. Съезды КИМа, за исключением самого первого, проходившего в Берлине, также проходят в Москве, однако коммунистическую молодежь можно видеть на улицах столицы и в перерывах между ними. Она съезжается сюда к Международному юношескому дню. И тогда «Красная площадь видит мощную, бодрую демонстрацию молодежи. Ее знамена и плакаты говорят о готовности бороться за международную социалистическую революцию»¹⁸.

Также, по мнению путеводителей, Москва является и центром культурной жизни пролетарских народов, в котором «более 80 научно-исследовательских институтов работают над удовлетворением запросов развертывающегося социалистического строительства»¹⁹. Здесь расположено 4 комвуза, в которых ведется подготовка идеологически правильно выдержанных представителей партийных работников, а также преподавателей высшей школы²⁰. Кроме того, в библиотеках Москвы находится крупнейшее в мире собрание книг, посвященных вопросам истории и теории социализма, и «работать в этих библиотеках приезжают даже иностранные ученые»²¹. Все это позволяет путеводителям сделать вывод о том, что Москва и в области политико-просветительной работы распространяет свое влияние за пределы нашего Союза²².

Надо отметить, что путеводители двадцатых годов сильно отличаются от путеводителей дореволюционных. Несмотря на внешнее сохранение в большинстве случаев привычной структуры повествования о

---

¹⁷ Банин Д.М. Москва... С. 34.

¹⁸ Там же. С. 35.

¹⁹ Там же. С. 36

²⁰ Дашь Москву. С. 87.

²¹ Там же. С. 88.

²² Там же.

городе по его округам²³, изменяется сам характер путеводителей: в двадцатые годы они в основном ориентированы на то, чтобы показать Москву современную. Это видно уже из самих названий путеводителей и справочников того времени, в которых преобладают такие определения Москвы, как «новая», «советская». Уже здесь подчеркивается смена власти, а также тот факт, что с этой сменой начался новый, принципиально отличный период в истории как страны, так и конкретного города. Кроме того, в отличие от дореволюционных, советские путеводители в основном начинаются с описания современной жизни столицы, с ее постреволюционных достопримечательностей. Истории города же уделяется достаточно мало внимания, а если приводится описание и характеристика быта и облика старой Москвы, то только для того, чтобы «тем выпуклее вырисовалась Москва, красная, современная нам, Москва — столица СССР, РСФСР и III-го Интернационала»²⁴. Появляется и описание новых районов, (например, Пресни), не представлявших интереса для дореволюционного туриста, но, благодаря происходившим в них революционным событиям, имеющих значение для туриста пролетарского.

Путеводители также придают большое значение внешним отличиям старой Москвы от Москвы послереволюционной. Они постоянно подчеркивают, что это — большой город, город-гигант, «живущий быстрой, напряженной жизнью, сильно отличающейся от жизни небольших городов, строящий свой новый быт»²⁵, очевидно, противопоставляя современную Москву и дореволюционной «большой деревне», которой она была, и остальной стране. В стремлении показать, как много большевики сделали для городского благоустройства, в путеводителях проводятся многочисленные сравнения и сопоставления Москвы рабочей с Москвой купеческой, обращается внимание на то, что уровень благоустройства центра и окраин практически сравнялся, изменяется характер торгового обслуживания окраин, проводится озеленение. Путеводители подчерки-

---

²³ Москва не изменила в целом своего функционального деления. Кремль так и остался местом пребывания политической верхушки и администрации, Китай-город — торговым, а в целом «центр города остался местом размещения органов управления и основных торговых и культурных функций, селитьба осталась селитьбой, промышленные зоны — промышленными зонами». См. подробнее: Москва при новом режиме: динамика функций места // Москва рубежа XIX и XX столетий. Взгляд в прошлое издаелека. М., 2004.

²⁴ Советская Москва. С. 11.

²⁵ Банин Д.М. Москва... С. 5.

вают, что советская власть уделяет большое внимание проблемам жизни рабочих²⁶.

Таким образом, путеводители двадцатых годов включаются в конструирование нового образа Москвы в массовом сознании. Благодаря расставленным в них акцентам на ее политическую, административную и партийную функции, благодаря разработке специальных маршрутов по городу, позволяющих осмотреть его партийные учреждения, места революционных событий и боев, историко-революционные музеи, Москва предстает в новом для себя образе социалистической и революционной столицы мира.

---

²⁶ См., например: Дашь Москву. С. 15–17, 24, 70; Спутник туриста С. 30–34.

Калеменева Екатерина

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, слушатель 1 курса
ekalemeneva@eu.spb.ru

«ЗЕМЛЯ БУДУЩЕГО»: ПРОЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КРЫТЫХ ГОРОДОВ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ В 1950–1960-Е ГГ.

Арктические территории играли для Советского Союза важную роль как с геостратегической, так и с экономической точки зрения — как хранилище несметных природных богатств. Но суровые климатические условия, практически полная неразвитость инфраструктуры на Севере постоянно являлись серьезными препятствиями в деле освоения этого региона. Эта проблема стала особенно актуальной в 1950-е гг., когда начался новый этап в советском освоении Арктики. От риторики «покорения ледяного пространства» государство стало переходить к организации многочисленных постоянных поселений в местах добычи полезных ископаемых. Однако добыча ресурсов на Крайнем Севере обходилась слишком дорого: ученые подсчитали, что строительство на вечномёрзлых грунтах почти в 5 раз дороже по сравнению со средними широтами, не говоря уже о сильном замедлении сроков¹. К тому же в связи с ликвидацией системы ГУЛаг обострилась социальная сторона проблемы. Если ранее добыча ресурсов, строительство дорог и населенных пунктов, в основном осуществлялись за счет труда заключенных, то отныне важнейшей задачей государства становилось привлечение добровольцев на северные стройки и, что еще важнее, мотивирование людей оставаться в Арктике на длительный срок.

В этих условиях серьезно возрастает статус ученых — специалистов по вопросам освоения Севера, которым была отведена роль экспертов по разработке проектов наиболее рационального и, главное, экономического развития этих территорий и строительства новых городов².

---

¹ *Черский Н.* Север ждет, Север требует! // Известия. 1960. 18 марта.

² Особую роль в процессе планирования хозяйственного освоения региона играл Совет по изучению производительных сил (СОПС) при АН СССР, в сферу деятельности которого входило изучение экономического потенциала территории и составление плана размещения производительных сил. В рамках СОПСа в 1954 г. была создана межведомственная Комиссия по проблемам Севера. Кроме того, в 1950-е годы организовано несколько отделений Севера при филиалах

Однако это не означало, что представления о будущем устройстве таких городов у разных акторов были одинаковыми. Ученым как нанятым государством экспертам необходимо было найти консенсус между интересами разных групп: с одной стороны, обеспечить максимальное снижение расходов на строительство, с другой — обеспечить наиболее комфортные условия для населения. Забота о человеке на Севере не случайно в эти годы стала занимать первостепенное значение в научном дискурсе: судя по отчетам, условия повседневной жизни в большинстве населенных пунктов советской Арктики были на грани экстремальных. К примеру, при использовании типовых приемов строительства стандартные для небольших населенных пунктов деревянные дома в условиях Севера зимой полностью заносило снегом³, здания дополнительно никак не утеплялись, зачастую не было предусмотрено системы канализации и водопровода и т. п. Потому большинство предложений ученых являлось своеобразным компромиссом между решениями этих двух задач, а их аргументация строилась как иллюстрация к поговорке «скупой платит дважды»: лучше изначально вложить больше средств в разработку и внедрение новой техники и методов строительства, чем постоянно увеличивать расходы впоследствии.

Помимо этого, в работах ученых хорошо заметно и стремление солидарности интересы своей собственной корпорации — обоснование первостепенной значимости деятельности научного сообщества. На волне изменения положения науки и ученых в постсталинское время в большинстве работ североведов также встречаются призывы к изменению принципов взаимодействия государства и ученых: от модели «приказ (план) — выполнение» к полноценному сотрудничеству в вопросах освоения Севера, даже первостепенному учету мнения специалистов. Так, постоянно подчеркивалась необходимость первоначальных научных разработок любых действий, все прежние ошибки объяснялись чрезмерным бюрократизмом государственных структур. Постоянно звучали упреки в недостаточном внимании государства к деятельности ученых: «Неблагополучие на наших северных стройках — это результат не только неповоротливости плановых и финансовых органов... <...> Это, прежде всего, следствие одностороннего подхода к проблемам Севера и

Академии строительства и архитектуры СССР. Именно в этих организациях была сосредоточена основная деятельность по разработке проектов будущего развития советских приарктических территорий.

³ Муравьев Б.В., Римская-Корсакова Т.В. Градостроительство и акклиматизация населения на Крайнем Севере // Проблемы Севера. Вып. 6. 1962. С. 84.

недооценки научно-исследовательских работ в строительстве на Крайнем Севере»⁴. Вследствие этого подчеркивалось, что именно специалисты отрасли должны определять, каким должно быть будущее Крайнего Севера.

В различных проектах будущих арктических городов хорошо заметны несколько общих черт. Лейтмотивом в большинстве из них звучал тезис о том, что Север — уникальный регион, который требует совершенно особого подхода. Причем специальным там должно быть все: от техники «в северном исполнении» и до социальной организации поселений. Более того, можно утверждать, что Крайний Север нередко воспринимался как «земля будущего»: это была чистая, не освоенная человеком территория, к которой нельзя было применять известные ранее нормы и подходы. Поэтому сама суровая природа требовала от ученых разработки принципиально нового решения традиционных задач, вследствие чего ученые располагали большой свободой для воплощения самых смелых идей, которые порой граничили с фантастикой. В этих проектах наиболее яркое воплощение получило стремление к максимальной рационализации, «научной организации» окружающего пространства.

Основным принципом всех разработок провозглашалось создание на Крайнем Севере условий для более высокого уровня жизни населения, чем в среднем по стране, «чтобы компенсировать трудные природные условия»⁵. Наиболее смелой и радикальной попыткой достижения этой цели являются проекты строительства крытых арктических городов с искусственным микроклиматом. Ранее образ городов под куполом можно было встретить только на страницах фантастических романов, однако в 1960-е гг. подробные проекты все чаще стали появляться у сотрудников проектных и строительных организаций СССР. Вероятнее всего, эта идея перешла к советским ученым из Канады благодаря тесным международным научным контактам, возросшим во времена «оттепели».

Так, на страницах советских изданий, посвященных освоению Севера, нередко в эти годы можно было встретить сюжет о проекте канадского арктического городка Фробишер-Бэй, разработанном в 1958 г. Согласно проекту, перестроенный город должен был представлять собой плотно застроенный городской центр, полностью укрытый защитным

---

⁴ Ястребов А.Л. Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства // Проблемы Севера. Вып. 10. 1964. С. 22.

⁵ Славин С.В. Справки по советскому и американскому северу [июнь 1966] // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 746. Оп. 1. Д. 135. Л. 248.

куполом, температура воздуха в котором должна была искусственно поддерживаться в наиболее холодные месяцы на отметке не ниже минус 6 градусов при полном отсутствии ветра. Купол, в свою очередь, должен был быть окружен 36-ю двенадцатизэтажными башнями-домами. Этот проект нередко приводился советскими учеными в качестве примера наиболее продуманного и грамотного подхода к строительству северных городов, как образец сотрудничества государства и ученых в вопросах освоения Арктики⁶.

Любопытно проследить дальнейшую историю идеи крытого арктического города. В ходе одной из поездок группы советских ученых в Канаду из бесед с канадскими коллегами выяснилось, что указанный проект служил только рекламным целям и ему, кроме авторов, никто даже не придавал серьезного значения.

«Канадцы считают, что почти полная изоляция жителей в таких городах и поселках от естественных условий может привести к неблагоприятным последствиям, необходимо предварительно провести большие работы по исследованию физиологического и психического состояния человека в подобных условиях. К тому же, осуществление такого проекта обойдется в несколько раз дороже, чем строительство поселка обычного типа со всеми видами коммунального обслуживания»⁷.

Однако, несмотря на это, среди советских ученых-проектировщиков идея постройки города под куполом в наиболее суровых заполярных условиях получила чрезвычайно широкое распространение. Причем несколько разработанных проектов были очень схожи с канадским аналогом. Они поражают своей продуманностью и спланированностью и в то же время неким отзвуком фантастики. Согласно этим проектам центр города с основными административными, общественными и культурными учреждениями предлагалось накрыть стеклянным куполом, от которого бы расходились крытые галереи и пассажи, соединявшие его с многоэтажными жилыми домами. Такие дома должны были быть цилиндрической формы, чтобы вблизи них не образовывалось большого скопления снега и суровые северные ветра «огибали» здания. Необходимость повышенной этажности (до 15 этажей) объяснялась слишком большой стоимостью установки свай в условиях вечномёрзлых грунтов, необходимостью более компактного проживания населения, а также тем, что при грамотном расположении эти здания будут выполнять снегоза-

---

⁶ Ястребов А.Л. Освоение Крайнего Севера и проблемы строительства. С. 24.

⁷ Отчет советской делегации по поездке в Канаду для ознакомления с опытом строительства в северных районах // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 135. Л. 11.

щитные функции⁸. Кроме того, проекты предусматривали поднятие первого этажа зданий примерно на 3 метра над уровнем земли, чтобы избежать отложения снеговых заносов и передачи тепла от зданий в вечномерзлый грунт. Крытые галереи и пассажи, соединяющие центр с остальными зданиями, должны были являться своеобразными бульварами или улицами города с газонами и декоративными кустарниками и тем самым решить проблему прогулочного пространства и озеленения городка⁹. В идеале северный город был городом пешеходов. По этим же галереям могли перемещаться автокары для доставки товаров в магазины и вывоза мусора из города¹⁰.

Таким образом, крытые города должны были являться своеобразным полуавтономным организмом, где все было бы рационально организовано на научной основе. Природа в них не должна была препятствовать человеку удовлетворять потребности в работе, отдыхе, общественной и культурной жизни. Однако сложно не заметить, что стремление ученых к рационализации пространства распространялось и на социальную структуру таких городов. Человеку там предстояло практически постоянное нахождение в крытом пространстве, перемещение только по установленным переходам. Особому регулированию предполагалось подвергнуть численность населения этих городов, поскольку проживание людей на Севере обходилось государству крайне дорого. Потому нередко можно встретить требования ограничивать количество жителей таких поселений¹¹. Более того, предлагалось заселять Север только физически развитыми здоровыми квалифицированными специалистами, что должно было служить целям более экономичного освоения. В одной из статей С.В. Славин вообще призывал брать на северные стройки в первую очередь сибиряков, поскольку их организм лучше других приспособлен к адаптации в суровых арктических условиях¹². В целях рационализации планировалось использовать труд семей специалистов (женщин и молодежи) в сфере обслуживания.

«Освободив женщину от трудных в тамошних условиях бытовых забот, дав ей возможность работать на предприятиях или в сфере обслуживания, — мы получим двойную выгоду: меньше придется “завозить”

---

⁸ *Одновалов С.П., Цимбал М.В.* Архитектура населенных мест с искусственным микроклиматом // Проблемы Севера. Вып.10. 1964. С. 96.

⁹ Там же. С. 99.

¹⁰ *Ястребов А.Л.* Освоение Крайнего Севера... С. 25.

¹¹ *Римская-Корсакова Т.В.* Структура селитебной территории... С. 69.

¹² *Славин С.В.* Как лучше взять богатства Севера? // Цемент. 1961. 4 ноября.

людей из других районов страны, поднимется общий заработок семьи»¹³.

Для этого даже предлагали максимально сократить продажу продуктов в магазинах параллельно с созданием широкой сети общественного питания, «что позволит освободить население от малопродуктивной затраты времени и сил на приготовление пищи дома»¹⁴.

Макет подобного города под стеклянным куполом для алмазного рудника Айхал, «где все рассчитано по принципу: человек не должен ощущать полярную стужу», был выставлен на международной выставке в Монреале «ЭКСПО-67»¹⁵. Однако распространение подобных утопических проектов в СССР вызывало определенное беспокойство на Западе. В частности, в редакционной статье газеты «Таймс» от 23 мая 1966 г. стремления к реализации проекта города с искусственным микроклиматом в Сибири (на месте пос. Депутатский или Айхал) критически расценивались как слабо завуалированная попытка обречения людей на очередную разновидность ссылки в суровый край¹⁶.

Впрочем, все эти проекты 1960-х так и остались лишь на бумаге. Вопрос «почему» требует дополнительного исследования, но можно предположить, что всему виной был все тот же критикуемый авторами бюрократизм, неповоротливость инстанций и простая несогласованность действий. По крайней мере, об этом красноречиво свидетельствуют слова одного из главных специалистов по вопросам освоения Севера С.В. Славина:

«В печать много писалось о будущем сказочном Айхале, столице недавно открытых крупнейших месторождений алмазов, о городе с максимумом удобств для населения. В нем будут сборные многоэтажные дома из алюминия и пластмасс, с закрытыми переходами, плавательными бассейнами и т. д. и т. п. Но жизнь не ждет, стране нужны алмазы. Пока идет разработка проектов, в районе новых месторождений растет временный город, уступающий по удобствам даже Мирному. Какова будет его судьба?»¹⁷.

Появление этих проектов, равно как и их судьба, свидетельствуют о серьезном изменении положения ученых в СССР в 1950–1960-е гг.

---

¹³ Славин С.В. Наступление на Север [Статья, 1970] // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 217.

¹⁴ Одиновалов С.П., Цимбал М.В. Архитектура населенных мест... С. 95.

¹⁵ Новокшионов П. Вилюй: электричество на старте // Известия. 1967. 21 августа.

¹⁶ The Times. 1966. May 23.

¹⁷ Славин С.В. Наступление на Север // РГАЭ. Ф. 746. Оп. 1. Д. 18. Л. 216.

На этом примере заметна большая автономизация научного сообщества от директив со стороны государственных структур, его внутренние дискуссии, стремление к самостоятельному решению различных задач и, главное, осознание повышения своего общественного статуса. Но, с другой стороны, судьба почти всех разработок демонстрирует относительность этого изменения: отводя ученым определенное пространство для большей свободы творчества, государство вовсе не брало на себя обязательств серьезно относиться к результатам такого творчества. Возможно, поэтому практика строительства городов на Крайнем Севере, несмотря на множество недочетов, которые в послесталинский период открыто обсуждались в печати, так и не подверглась серьезным изменениям на протяжении всего советского времени.

Касаткина Александра

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет антропологии, соискатель
akasatkina@eu.spb.ru

КАТЕГОРИЯ «СОВЕТСКОЕ» В СОВРЕМЕННЫХ САДОВОДЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВАХ

В своем докладе я бы хотела развить мысль, которую высказывала на конференции «Конструируя советское» в 2008 г. Тогда я говорила о «границе образа “советского”, которая актуализируется в связи с садоводствами»¹ и в частности о том, что мои информанты относили к характерно «советским» следующие особенности отношений внутри садоводческого товарищества: высокую степень солидарности, прозрачность границы между публичным и частным и неформальность². Теперь я хотела бы пойти дальше и определить место категории «советское» в более общей картине дискурса³, характерного для современных владельцев садовых участков, а также показать, как семиотические оппозиции, включающие этот элемент, действуют в социальной реальности. В основу моего исследования легли интервью с 17 информантами⁴, а также разговоры между владельцами садовых участков, услышанные в транспорте, очередях, на общих собраниях или верандах садовых домов, и другие мои полевые наблюдения за период 2007–2011 гг.

---

¹ *Касаткина А.К.* Конструируя советское по «дачным биографиям» // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. Материалы научной конференции студентов и аспирантов 12 апреля 2008 г. СПб., 2008. С. 10.

² Там же. С. 14.

³ Дискурс здесь понимается как совокупность разговорных практик, риторик и стоящих за ними представлений, характерных для определенной группы людей, в данном случае для владельцев садовых участков, или для их разговоров на определенную тему, в данном случае об СНТ.

⁴ Подавляющее большинство моих информантов — люди 1930–1950-х гг. рождения, но тема сравнения прошлого и настоящего в садоводстве возникает и у представителей более молодых поколений. Все, кроме одной женщины, получившей участок в СНТ 1950-х гг. в наследство от родителей, получили свои участки в 1980-е или начале 1990-х гг.

Мелисса Колдуэлл в своей книге о современных российских дачах обращает внимание на сложные отношения дачного мира с временем и историей: жизнь на даче воспринимается как возможность отдохнуть от стремительного темпа городской жизни в своеобразном безвременьи, однако туда неизбежно проникают изменения, происходящие в стране, которые невозможно игнорировать. Поэтому на даче может сосуществовать несколько темпоральностей, несколько способов воспринимать время, там могут актуализироваться разные пласты истории⁵.

В такой разновидности современного сообщества дачников, как садоводческое некоммерческое товарищество (СНТ), следы недавней истории, а именно характерных советских экономических и политических отношений, зримо воплощены в устройстве пространства (разбивка на участки по 6 соток, которые часто не приватизированы, т. е. не являются собственностью своих владельцев⁶) и самоуправления. Возможно, поэтому для обитателей современных СНТ исключительно актуальным оказывается противопоставление прошлого и настоящего, которое часто всплывает в интервью с ними и их разговорах между собой. Это одна из главных организующих оппозиций дискурса о жизни в СНТ. Между «прошлым» и «настоящим», этими двумя семиотическими полюсами, распределяются идеи, практики, явления, и общая картина этого дискурса сложна и многообразна. Так, почти все мои информанты вспоминают о первых годах своей дачной жизни с ностальгией, как о своеобразном «золотом веке»: они были молоды и «полны энтузиазма», первые урожаи были самыми большими, несмотря на отсутствие огороднических навыков, а в сообществе царили дружба и взаимовыручка. Но лишь некоторые связывают эти положительные черты с тем, что тот период пришелся на советское время. Здесь я остановлюсь только на тех группах обитателей СНТ, в дискурсе которых актуальна «советскость» прошлого, а значит, активно используется категория «советское».

Распределение значений между двумя полюсами достаточно предсказуемо. Советское прошлое, как я уже говорила выше, ассоциируется с теплыми неформальными отношениями, высокой степенью солидарности, коллективными ценностями, прозрачностью или размытостью

---

⁵ Caldwell M. *Dacha Idylls. Living organically in Russia's countryside*. Berkeley, 2011. С. 172–173.

⁶ В последние годы все больше садовых участков приватизируются, однако этот процесс идет очень медленно не только из-за несовершенства законов и бюрократических проволочек, но и благодаря специфике осмысления приватизации в СНТ.

границ. Настоящее ассоциируется с формализованными отношениями, господством рынка и денег, ценностями индивидуализма и независимости, четкостью границ. При этом каждый из двух полюсов может оцениваться негативно или позитивно. Соответствующая оценка связана с жизненной позицией информанта, которая, в свою очередь, определяет его поведение.

Для иллюстрации и развития этого утверждения я приведу историю, которая началась в двух соседних СНТ Лужского района Ленобласти в середине 2000-х гг. и продолжается до сих пор. В ней ярко проявляются различия между двумя противоположными точками зрения на «советское» и «современность» и видно, как они обозначают линии, вдоль которых выстраиваются союзы и возникают конфликты между людьми.

К настоящему времени в обоих этих больших (380 и около 200 участков) старых (с 1982 и 1983 гг.) садоводствах сложились группы так называемых «индивидуалов» (сокращение от «индивидуальные землепользователи») — людей, которые приватизировали свои участки и вышли из садоводческих товариществ. Эти группы с каждым годом получают все больше сторонников (на сегодняшний день в каждом из рассматриваемых садоводств есть от 10 до 15 «индивидуалов» и еще больше тех, кто собирается ими стать). Они представляют реальную угрозу унаследованной с советских времен юридической форме садоводческого товарищества: чем больше людей выходит из товарищества, тем выше приходится поднимать членские взносы, чтобы продолжать решать текущие задачи (уплата налогов, зарплат, поддержание или развитие инфраструктуры и т. д.). В соответствии с законом, «индивидуалы» должны платить взносы того же размера, что и все остальные члены товарищества⁷, но на практике они отказываются это делать или требуют права выплачивать только ту часть, которую считают нужным, аргументируя такое решение сомнением в честном распределении бюджетных средств.

Для людей, стремящихся выйти из садовых товариществ ради статуса «индивидуального землепользователя», очень важно противопоставление советского прошлого и современности: они используют его для объяснения и оправдания своего выбора. «Советское» они оценивают сугубо негативно, для них это синоним отсталости, беззакония, юридической и даже технической⁸ безграмотности, хаоса. Ему противопостав-

---

⁷ Федеральный закон от 15.04.1998 № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан».

⁸ Один из признаков, по которому в риторике этой группы противопоставляются

ляется некоторый идеал «современности» (в значении *modern*), для достижения которого необходимо преодолеть действующие в садоводствах «пережитки» советского прошлого. «Современность» связывается с господством строго формализованных отношений между собственниками на основе юридических и рыночных законов и, как результат, с «порядком». Существующее в СНТ самоуправление представители этой группы пренебрежительно называют «колхозом» или «коммуной», что отсылает к общераспространенному образу фиктивного самоуправления и коллективной безответственности советской эпохи. В качестве альтернативы они предлагают передачу управления общим имуществом СНТ профессиональным менеджерам из управляющей компании или переход СНТ под юрисдикцию местного муниципалитета. Таким образом, они отказываются от богатых возможностей самоорганизации, которые дает форма СНТ, в пользу либо полностью рыночных отношений найма, либо полноценного вхождения в общую систему власти в России.

На первый взгляд может показаться, что в своих садоводствах эти группы выступают как авангард некоторого естественного процесса либерально-демократической трансформации постперестроечной России. Однако если проследить, как они складывались, обнаружится значительно более сложная и неоднозначная картина. В обоих случаях все началось с того, что один достаточно авторитетный человек по каким-либо личным причинам принял решение выйти из садоводства. В одном садоводстве это была женщина, которую сместили с поста председателя СНТ в результате заговора, возглавленного ее бывшей подругой, и она покинула товарищество, сочтя невозможным иметь дело с новой правящей коалицией. В соседнем СНТ это была семья, которая считала, что зависимость от правления помешает ей развивать там свой бизнес (автобусные перевозки). В обоих случаях для обоснования своего выбора отщепенцы стали пользоваться вышеописанной риторикой противопоставления отсталого «советского» и более развитой «современности». Другие люди, не имевшие особых личных претензий к своим СНТ, потянулись вслед за ними, привлеченные заманчивым статусом «индивидуального землепользователя», престижности которому придавал и авторитет лидеров.

Мне приходилось присутствовать на нескольких встречах «индивидуалов», и я отметила, что когда лидеры заводят речь о таких абстракт-

---

люди с «советским» и «современным» мышлением, — владение компьютером и другими современными технологиями, такими как интернет (См. Полевая фонограмма: 2010_Div_group — групповое интервью, 4 женщины 1940–1950-х гг. р., Лужский район).

ных материях, как сравнение «советского» и «современного» подходов к жизни, их последователи почти не участвуют в разговоре, а по их кратким комментариям заметно, что они понимают все сказанное по-своему. Среди ответов на вопрос, зачем им понадобилось выходить из СНТ и какие выгоды это дает, преобладает эмоциональное: «Чтобы не платить им [председателю и бухгалтеру СНТ] зарплату!». Все это говорит о том, что риторика противопоставления отсталого «советского» и «современности» в рассматриваемых случаях имеет важную инструментальную функцию и подчас мало соотносится с действительными убеждениями человека.

Замечу, что мне ни разу не доводилось видеть, чтобы эта риторика использовалась в прямом противостоянии «индивидуалов» и их противников — членов правлений их бывших СНТ. Там обычно задействуются более конкретные аргументы, такие как обвинения в мошенничестве, неграмотности и т. д.

Сторонники противоположной позиции соотносят советское прошлое с теми же самыми, по сути, явлениями, но оценивают их позитивно и описывают другими терминами. То, что их оппоненты характеризуют как беззаконие и хаос, для них — приоритет совести перед законом и теплые неформальные отношения. Главенство закона и рынка их скорее пугает: «Раньше все-таки судили по совести, а сейчас ведь по закону <с притворным благоговением>, а закон как дышло, да?»⁹. Приоритет частной собственности, по их мнению, влечет за собой пренебрежение коллективным благом.

Пожалуй, наиболее ярко эта позиция проявляется в отношении этих людей к заборам вокруг участков — одной из наиболее бросающихся в глаза примет новых экономических отношений в СНТ. Забор связан не только с нарушением привычной панорамы или появлением затененной территории на участке, но и с приватизацией земли, когда становится актуальной граница между участками, которой в советское время, когда земельный рынок отсутствовал, не придавалось большого значения. До перестройки Устав садоводств запрещал ставить забор между участками¹⁰. Сейчас разрешен только прозрачный, сетчатый, забор¹¹, но за выполнением норм на участках никто не следит. Противники новых, «несоветских», ценностей очень эмоционально относятся к возникающим заборам, считают их чуждым, уродливым проявлением новой идеологии

---

⁹ Полевая фонограмма: 2011_М_1947 — мужчина, 1947 г. р., Волховский район.

¹⁰ Типовой устав садоводческого товарищества 1966 г.

¹¹ Строительные нормы и правила СНиП 30.02.1997.

частной собственности, поощряющей «куркулизм»¹². Человек, отгородившийся от соседа забором, в особенности сплошным, по их мнению, пренебрегает коллективным благом ради своего личного. С ностальгией они вспоминают советское время коллективных ценностей, когда никаких заборов не было и царили теплые товарищеские отношения. Если сторонники описанных противоположных позиций оказываются соседями, между ними неизбежны бесконечные конфликты и непонимание.

Надо сказать, что большинство моих информантов тем не менее занимают разные позиции между этими двумя полярными точками зрения. Так, даже люди, скорее приветствующие переход к рыночным отношениям, нередко испытывают неловкость, если огораживают свой участок забором, и приводят в свое оправдание аргументы, доказывающие их лояльность сообществу: «Ну, он [забор] у нас же не глухой, у нас, например, въезд широченный, у нас ни ворот, ничего, заходи, если хочешь. И собаки — забегай, если хочешь, и ворот мы пока делать не... Не потому что мы хотели отгородиться как-то, это все равно как-то... лучше. Всем. Организует как-то пространство»¹³. Некоторые мои информанты, особенно председатели или члены правлений, не проявляли в разговоре со мной выраженной склонности к какой-либо из двух позиций. Зато они много внимания уделяли насущному для них вопросу о том, как можно примирить внутреннее устройство СНТ, унаследованное от советского законодательства и советских реалий, и современные российские законы.

Категория «советское» — это часть сложной мозаики представлений и оценок, которые актуализируются в современных садоводческих сообществах. Она придает особое историческое измерение происходящим там процессам. Современная ситуация в СНТ отражает продолжающуюся творческую адаптацию постсоветского российского общества к новым условиям и поиски преодоления разрыва между прошлым и настоящим.

---

¹² Полевая фонограмма: 2011_Ж_1946 — женщина, 1946 г. р., Волховский район.

¹³ Полевая фонограмма: 2007_Ж_1938 — женщина, 1938 г. р., Приозерский район.

Клименко Оксана

Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
факультет гуманитарных наук, студентка, 4 курс
KlymenkoOksana@ukr.net

СОВЕТСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАЗДНИКИ В 1918–1929 ГГ.: ПРАЗДНОВАНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В УССР

Праздники — важный элемент любого календаря, который используется для структуризации времени. Праздники выделяются на фоне повседневной рутины, они служат временными вехами, напоминают о минувших событиях и представляются точками отсчета в планах на будущее¹.

Советские празднования были инсценировкой нового мира. Они — составная часть общего проекта строительства нового общества и воспитания «нового человека». Официальные праздники изображали реальность, которую еще было нужно создать. Праздник стал средством для выполнения этой цели. Можно сказать, что массовые советские празднования исполняли двоякую роль: они показывали перспективу обещанного социалистического общества и служили инструментом приведения действительности в соответствие с представлениями о ней.

Наше исследование охватывает период с 1918 по 1929 г. Выбор нижнего хронологического предела обусловлен проведением календарной реформы: внедрения нового, красного календаря. Верхний предел — 1929 г. — это время пересмотра политики власти в отношении празднований, связанного с окончанием периода НЭПа и поворотом к индустриализации и коллективизации.

Вопросы советской обрядности и в частности празднования годовщин Октябрьской революции в УССР в этот период остаются малоисследованными. Вопросы советских празднований исследовали в своих трудах Мальте Рольф, Штефан Плаггенборг и Джеймс фон Гельдерн². Среди украинских исследователей эту тему изучали Валентина Бори-

---

¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 139.

² Рольф М. Советские массовые праздники; Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой Сталинизма. СПб., 2000; Von Geldern J. Bolshevik festivals, 1917–1920. Berkeley; Los Angeles; London. 1993.

сенко, Василий Балушок и Валентина Келембетова³. Однако главным нашим источником стали материалы из фондов Центрального государственного архива высших органов власти Украины (протоколы заседаний Всеукраинской комиссии по празднованию 10-летия Октябрьской революции при ВУЦВК, докладные записки, программы, переписки и тому подобное).

Благодаря советской обрядности, СССР в 1920-х гг. сформировался как «пропагандистское государство»⁴. Основная миссия такого государства состояла в перевоспитании своих граждан, создании из них новых советских людей. Пропаганда — главный инструмент в решении задачи по насаждению на территории СССР стандартной советской монокультуры для всего населения. Целью пропаганды как средства перевоспитания было формирование поведения и мышления людей в соответствии с новыми критериями⁵.

Знаковым в становлении советской обрядности стал 1918 г., когда была проведена календарная реформа. Декрет 24 декабря в 1918 г. ознаменовал переход на григорианский календарь. Этот декрет исполнял двойную роль. С одной стороны, это был акт модернизации, адаптации России к стандартам Запада. С другой — символический разрыв с эпохой царизма. В сущности, Декрет означал приход новой советской эпохи, которая нуждалась в новой хронологической системе. Как утверждает исследователь Мальте Рольф, «официальная ритмизация праздников была направлена на советизацию пространства и времени»⁶. Сами празднования должны были стать важным средством для изменения этих двух категорий.

Календарная реформа внедрила новые праздничные даты, однако они условно разделялись на три уровня. К первому принадлежали самые главные, которые назывались также праздниками «первого уровня». Их численность была небольшой. До 1929 г. к ним относились лишь три: 1 Мая, день смерти Ленина и годовщина Октябрьской революции. Главной их отличительной особенностью было то, что они являлись вы-

---

³ Балушок В.Г., Борисенко В.К. Свята та обряди трудящих Києва. К., 1982; Келембетова В.Ю. Краса нових обрядів. К., 1983.; Радянські свята і обряди в комуністичному вихованні / В.К. Борисенко, В.Ю. Келембетова, А.П. Обертинська та ін. К., 1978; Суспільно-побутові функції радянської обрядовості / В.Ю. Келембетова. К., 1984.

⁴ Цит. по: Шліхта Н. Історія радянського суспільства: навч. посібник. К., 2010. С. 73.

⁵ Рольф М. Советские массовые праздники. С. 253.

⁶ Там же. С. 138.

ходными днями. В частности празднование Октябрьской революции длилось не один, как обычно, а два дня⁷.

Ко второму уровню принадлежали всесоюзные праздники. Эти праздники значились в календаре, но, в отличие от праздников первого уровня, дни, на которые они выпадали, были рабочими. К этой группе принадлежали такие праздники, как Международный женский день, День Красной армии, День Конституции, годовщина революции 1905 г., День урожая⁸.

К третьему уровню иерархии принадлежали праздники по большей части регионального значения, с узкой тематикой, но имеющие все же политический оттенок. Временами такие праздники отмечались лишь один год. Примерами таких праздников являются День борьбы против военной опасности, День борьбы с неграмотностью, Международный день борьбы против империалистической войны, День советского авиаконструктора, День печати⁹. В новый календарь входили и праздники, проведение которых являлось составляющей антирелигиозной политики. Много новых праздников должны были заменить религиозные, например Новый год вместо Рождества, Первомайские празднования вместо Пасхи и т. п.

В первые послевоенные годы организация празднований оставалась похожей на царскую: сочетание торжеств и веселья. Для большевистских празднований, как и для царских, было характерным проведение утром парадов, а вечером — игр, фейерверков и тому подобного. Для граждан, которые родились до Первой мировой войны, празднования без парадов или игр казались неполными¹⁰.

В первые же послереволюционные годы сформировался стиль декоративно-художественного оформления праздников: на Первомайских праздниках колонны украшались изображением земного шара с портретом Карла Маркса и красными лентами¹¹. Часто плакаты и транспаранты готовили рабочие на заводах, потому они выглядели несколько грубо и по-любительски. Однако это только способствовало созданию настроения спонтанности¹². В 1920-е гг. стали использовать эмблемы труда и производственные эмблемы¹³.

---

⁷ Рольф М. Советские массовые праздники. С. 141.

⁸ Там же. С. 142.

⁹ Там же.

¹⁰ Von Geldern. Bolshevik festivals. P. 41.

¹¹ Радянські свята і обряди в комуністичному вихованні. С. 16.

¹² Von Geldern. Bolshevik festivals. P. 8.

¹³ Радянські свята і обряди в комуністичному вихованні. С. 16.

Главные празднования проводились в Ленинграде и Москве. Регионы пытались следовать инструкциям и подражать столице. Между городами даже организовывались «социалистические соревнования» в проведении празднований и заключались договоры о соревновании такого рода¹⁴.

Масштаб празднований зависел от даты годовщин. Начиная с 1927 г. празднования изменились, с этого момента они должны были «показать ход социалистического строительства», «обеспечить наиболее полное отображение результатов социалистического строительства как в местном масштабе, так и по возможности во всеоюзном»¹⁵.

Среди праздников 1918–1929 гг. центральное место занимала годовщина Октябрьской революции. Празднование годовщины революции было делом государственного значения. Для этого создавались специальные комиссии, в обязанности которых входила подготовка и непосредственное его проведение. Была учреждена сеть комиссий, которая действовала по иерархическому принципу: Центральная комиссия, губернские и местные. В работе региональных комиссий принимали участие комсомол, профсоюзы, армия, краеведческие организации¹⁶.

Образование подобных учреждений характерно для городов. Однако празднования должны были проводиться и в селах. Там их организацией занимались сельские советы, а точнее сформированные ими комитеты¹⁷.

Октябрьские празднования в течение всего рассматриваемого периода отличались своей массовостью. Активность масс должна была обеспечить веселый характер празднования. Многочисленным небольшим кружкам предприятий, организаций, школ уделялось значительное внимание¹⁸. Однако такие кружки постепенно превращались в «винтики» системы, интегрировались в общую организационную схему подготовки празднования и должны были выполнять свою четко определенную функцию.

Организация октябрьских праздников проводилась по образцам военных парадов. Поэтому в ежегодных октябрьских празднованиях важная роль принадлежала Красной армии. Она принимала участие в организации массовых театральных зрелищ, праздничных парадов и демонстраций. Как правило, массовые празднования годовщины Октябрю-

---

¹⁴ Рольф М. Советские массовые праздники. С. 122.

¹⁵ Плаггенборг Ш. Революция и культура... С. 314.

¹⁶ Рольф М. Советские массовые праздники. С. 106.

¹⁷ Там же. С. 108.

¹⁸ Плаггенборг Ш. Революция и культура... С. 314.

ской революции начинались парадом красноармейских частей¹⁹. Привлечение армии в праздничную программу имело целью показать военную силу Красной армии, а соответственно, и страны в целом.

В празднованиях активно участвовали спортсмены и физкультурники. Их задачей было оживление праздника и объединение масс благодаря проведению игр²⁰.

О том, как проводились октябрьские празднования в УССР в первые годы после революции, свидетельствует программа празднования 4-й годовщины Октября, утвержденная Киевской губернской октябрьской комиссией: 5 ноября — общие собрания на предприятиях, 6 ноября — вечера воспоминаний из художественно-литературным отделением, 7 ноября — детские спектакли, доклады²¹.

Для отмечания 10-й годовщины революции выдавались специальные брошюры, посвященные вопросам, как и почему нужно проводить 10-ю годовщину празднования, где давались достаточно детальные инструкции. Например, в труде Виталия Жемчужного «Как организовать Октябрьскую демонстрацию» указывалось, как нужно готовиться к празднику и каким образом его проводить²².

Издавалась литература, посвященная проведению клубной и массовой работы, например: «Рабочим клубам к 10-летию Октября» (сборник статей и материалов); Орест Цехновицер «Демонстрация и карнавал»; Николай Демьянов «Массовая хоровая работа»; Михаил Данилевский «Улица и площадь в Октябрьскую годовщину»²³.

Для празднования годовщины Октябрьской революции привлекались разнообразные научные учреждения. Например, Всенародная библиотека Украины должна была организовывать в общей читальне книжную выставку на тему «Наука в Украине за годы 1917–1927»²⁴. Украинский институт книговедения должен был организовать «Выставку украинского плаката». Ее целью было выявить роль, которую сыграл плакат во время революции, выяснить современное состояние плакатно-

---

¹⁹ Цехновицер О. Демонстрация и карнавал. К десятой годовщине Октябрьской революции. Л., 1973. С. 79.

²⁰ Плаггенборг Ш. Революция и культура... С. 317.

²¹ Свята та обряди Радянської України / О.Ф. Кувеньова, О.М. Кравець, Т.Д. Гірник, В.Т. Зінич. К., 1971. С. 34.

²² Жемчужный В. Как организовать Октябрьскую демонстрацию. М., 1927.

²³ Бюллетень Комиссии при Президиуме ЦИК Союза ССР по организации и проведению празднования 10-летия Октябрьской революции. № 3, 1927. С. 52–53.

²⁴ Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВОВУ). Ф. 166. Оп. 6. Д. 1130. Л. 579.

го искусства²⁵. Научно-исследовательская кафедра истории Украины занималась проведением выставки, посвященной достижениям исторической науки в Украине за 10 лет²⁶.

В течение трех праздничных дней должны были бесплатно демонстрироваться фильмы во всех кинотеатрах, рабочих клубах и киноустановках, по селам — в День 10-летия Октября²⁷. На площадях предусматривалась постановка инсценировок, подготовленных гостеатрами, кружками, театрами самодеятельных представлений. 7 ноября должны были проводиться инсценировки Октябрьских дней или других революционных событий²⁸.

В праздничные дни в УССР приезжали с визитами иностранные делегации. Всеукраинской комиссией для них были разработаны специальные маршруты²⁹. При составлении маршрута целью было показать посетителям развитие сельского хозяйства, государственные мероприятия для его развития, кооперативное строительство, быт села, а также связь Красной армии с селом³⁰.

Таким образом, главным заданием октябрьских празднований в каждой из отраслей была демонстрация достижений. Все конкурсы, выставки, фильмы, представления, были пропагандистскими. Они должны были показать, что жизнь изменилась в лучшую сторону. Привлечение разнообразных учреждений свидетельствует о том, что со стороны государства осуществлялся жесткий контроль за их деятельностью. Каждая из организаций и отраслей в целом была «кирпичиком» в подготовке «великомасштабного» празднования.

---

²⁵ Там же. Л. 580.

²⁶ Там же. Л. 672.

²⁷ ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 18.

²⁸ Там же. Л. 113.

²⁹ Там же. Л. 27.

³⁰ Там же. Л. 28

Козлов Дмитрий

Северный (Арктический) федеральный университет
кафедра отечественной истории, аспирант 3 года обучения
dmitrys.kozlov@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»

В своем выступлении я хотел бы коснуться проблемы, возникающей перед исследователем общественной жизни СССР. Как и почему поступки, по форме и содержанию не расходившиеся с советским законодательством и нормами морали советского общества, интерпретировались партийными и комсомольскими органами как «аморальные», «антиобщественные» и даже «антисоветские»?

Особенно ярко эта проблема раскрывается в документах рубежа 1950–1960-х гг., когда концепт «советский» подвергся серьезному переосмыслению в условиях идеологической борьбы попеременно со «сталинизмом» и «ревизионизмом». С другой стороны, интерпретация тех или иных случаев производилась конкретным человеком, который исходил из своих собственных представлений о «советском» и «несоветском». Понимание проблемы партийным чиновником областного уровня могло существенно отличаться от взглядов идеологов из аппарата ЦК КПСС. Вдобавок период оттепели — это и время обострения конфликта поколений в СССР: представления молодежи о допустимом для советского человека поведении начали существенно отличаться от убеждений старших поколений. На примере конфликта архангельских студентов с партийным начальством, произошедшего летом 1957 г. во время сельскохозяйственных работ, представляется возможным проанализировать, почему убеждения советских молодых людей могли быть названы «чуждыми советскому комсомолу»¹.

На VI Пленуме архангельского обкома ВЛКСМ, проходившем в августе 1957 г., рассматривались конкретные недостатки работы комсомольских организаций области. Одна из выступавших участниц призы-

---

¹ Протокол VI общеинститутской конференции ВЛКСМ. 30 октября 1957 года // Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГААО). Ф. 6811 (Комитет ВЛКСМ АЛТИ). Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

вала «серьезно разобраться в отношении группы студентов, направленных в колхоз имени Сталина Холмогорского района в летние каникулы и бездельничавших там»². Действительно, события лета 1957 г. заслуживают пристального внимания, теперь уже — историков.

Стенограмма пленума содержит подробное описание поведения студентов Архангельского лесотехнического института (АЛТИ) на сельхозработах. В детали эксцесса участников пленума посвятил первый секретарь Архангельского обкома КПСС С.П. Логинов:

«...Некоторые группы студентов вели себя вызывающе... хулиганили, терроризировали сельскую молодежь. Так, например, в колхозе им. Сталина... группа студентов в количестве 17 человек вывесила на дверях своего общежития бумагу следующего содержания: “Осторожно, остерегайтесь голодных студентов”. Затем эти “голодные” студенты повесили на стенах ярко написанные порнографические изображения... подвесили бутылку с молоком к электрическому патрону и одели на бутылку соску. Этим они хотели сказать, что их нужно кормить не молоком и хлебом, а мясом и салом. А сами не работали. Потом эти “голодные” студенты начали пьянствовать»³.

Вызванные на беседу в райком КПСС комсорг и староста группы заявили: «Вы изложите свои замечания и требования письменно... мы их обсудим на комсомольском собрании и дадим письменный ответ»⁴.

Кажется, перед нами картина изошренного хулиганства и хамского поведения молодых людей. Еще в 1956 г. в обкоме КПСС отмечали, что «очень неприглядная “слава” идет о студентах Лесотехнического института как о любителях спиртных напитков и дебоширах»⁵. Сигналы о пьяных выходках студентов поступали в обком из разных источников, поэтому инцидент лета 1957 г. также можно списать на дурное воспитание молодых людей, не желавших работать во время каникул. Это предпо-

---

² Стенографический отчет VII пленума Архангельского обкома ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций области по выполнению постановления VII Пленума ЦК ВЛКСМ “Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди молодежи”» 29 августа 1957 // ОДСПИ ГААО. Ф. 1740 (Архангельский областной комитет ВЛКСМ). Оп. 1 Д. 2434. Л. 34.

³ Там же. Л. 82 об. Описание выходки студентов содержится и в других документах, но за исключением деталей повторяет приведенное здесь.

⁴ Там же. Л. 82 об.–83.

⁵ Стенограмма собрания Архангельского обкома КПСС 26 декабря 1956 // ОДСПИ ГААО Ф. 296 (Архангельский областной комитет КПСС). Оп. 3. Д. 40. Л. 26 об.

ложение может подтвердить и вышедшая за год до этого в областной молодежной газете статья «И им не было стыдно»⁶ о поведении студентов АЛТИ на уборке урожая.

Действительно, студенты, особенно старшекурсники, не стремились трагить часть лета на то, чтобы «помочь колхозам догнать США в про-изв.[одстве] мяса, молока»⁷. Ситуация обострялась тем, что городская молодежь, не знакомая с особенностями сельского труда, оказывалась фактически бесполезной на уборке урожая. Обкому партии периодически приходилось выслушивать жалобы местных руководителей на то, что присланные из города студенты работают спустя рукава. Секретарь Холмогорской парторганизации Елсаков на заседании пленума обкома сетовал:

«Девушки так работали, что половину картофеля на глазах у колхозников оставляли в земле... И вот подхожу я к одной девушке и говорю, зачем же вы половину картофеля в земле оставляете, а она мне в ответ: “Без жертв не бывает” — и пошла дальше. Я опять к ней. Она и слушать не хочет»⁸.

Тем не менее даже на основании только газетных публикаций можно составить иное представление о конфликтах между студентами и районным начальством. 22 июня 1956 г. на первой полосе «Северного комсомольца» была опубликована статья Н. Бутина, в которой он от лица студентов Архангельского пединститута просит обком ВЛКСМ «организовать поездку, не так, как в прошлом году, когда бывали случаи, что студенческие бригады не знали, куда едут, а руководители колхозов не ведали, откуда приезжают люди»⁹. Также автор требовал обеспечить студентов транспортом и питанием.

К осени 1956 г. относится статья Л. Скепнер под острым заголовком «Так ли нужно встречать горожан?»¹⁰, обличавшая руководство колхозов и районные власти, не способные организовать работу молодежи, отправленной на уборку урожая. Материал вышел всего за неделю до принятия постановления бюро обкома КПСС «О серьезных недостатках в

---

⁶ Кулакина А. И им не было стыдно! // Северный комсомолец. 1956. 22 июля.

⁷ Протокол № VI... Л. 15.

⁸ Стенограмма VII пленума Архангельского обкома КПСС «Об улучшении идеологической работы на селе» // ОДСПИ ГААО Ф. 296. Оп. 3. Д. 120. Л. 46.

⁹ Бутин Н. Студенты едут в колхоз // Северный комсомолец. 1956. 22 июня.

¹⁰ Скепнер Л. Так ли нужно встречать горожан? // Северный комсомолец. 1956. 23 сентября.

использовании на уборке урожая учащихся средних специальных учебных заведений и студентов ВУЗов». Текст постановления содержит примеры вопиющего безразличия к учащимся как со стороны председателей колхозов и районных руководителей, ответственных за прием и организацию работ, так и со стороны руководства учебных заведений:

«Имеют место факты, когда студенты живут в холодных, непригодных помещениях, спят на голом полу, плохо питаются, не обеспечиваются газетами. Отдельные руководители колхозов под всякими предложениями не оплачивают труд...

Не проявляется нужного внимания и к организации труда. <...> В результате производительность труда студентов на уборке крайне низкая... допущены случаи увечья студентов.

Безответственность руководителей Коммунально-строительного техникума дошла до того, что один из студентов неизвестно куда и как пропал по пути следования в Пинежский район, к розыску которого в течение недели не принималось необходимых мер»¹¹.

Учитывая подобные факты, не единичные, если к ним было привлечено внимание областной парторганизации, можно предположить, что и инцидент в колхозе имени Сталина был не просто пьяной выходкой или хулиганством, а попыткой привлечь внимание к проблемам организации труда с помощью забастовки. На пленуме обкома КПСС секретарь Холмогорского райкома партии признавал, что «дело обошлось не без шероховатостей по созданию условий...»¹², а на созванном уже 2(!) сентября 1957 г. заседании комитета ВЛКСМ АЛТИ секретарь комсомольской организации института прямо заявляла: «Данная группа... приехав в колхоз, встретила временные затруднения (не выдавали продуктов), повела себя неправильно»¹³.

Материалы данного заседания дают важные подробности к коллективному портрету студенческой группы. В институтский комитет комсомола были вызваны комсорг и староста группы, от них потребовали рассказать суть дела и назвать зачинщиков забастовки¹⁴. Студенты попросили немедленно провести групповое комсомольское собрание, но

---

¹¹ Протокол № 40 заседания бюро Архангельского обкома КПСС. 28 сентября 1956 // ОДСПИ ГААО Ф. 296. Оп. 3. Д. 23 Л. 148.

¹² Стенограмма VII пленума Архангельского обкома КПСС ... Л. 48.

¹³ Протокол № 1 заседания комитета ВЛКСМ [АЛТИ] от 2 сентября 1957 года // ОДСПИ ГААО. Ф. 6811. Оп. 1. Д. 43. Л. 26.

¹⁴ К сожалению, протокол не содержит записи ответов старосты и комсорга.

по возвращению с него зачинщиков не назвали. Комитет ВЛКСМ осудил «грубое и развязное поведение комсорга и бригадира, а также всех студентов группы»¹⁵. К этим обвинениям было добавлено «укрывательство виновных», и молодые люди голосованием были исключены из института. Надо полагать, они были к этому готовы, поскольку, по словам секретаря комитета ВЛКСМ, еще в Холмогорском райкоме партии, куда их вызвали для переговоров, заявили: «...если нас двоих будут исключать из института, то мы уйдем все 17 человек»¹⁶. Пока не обнаружено никаких подробностей «ультиматума профессуре»¹⁷, поставленного студентами в 1956 г., но описания конфликта на сельхозработках и его обсуждения в комитете комсомола достаточно, чтобы сделать вывод о высокой степени сплоченности группы и готовности студентов защищать свои интересы до конца.

Поведение студентов АЛТИ не вписывалось в господствовавшие в советском дискурсе представления о коллективе как о группе людей, объединенных общими, официально одобренными целями¹⁸. Не было советским и поведение старосты и комсорга (руководителей студенческого коллектива), ответственных за организованность коллектива и поддержку взаимоконтроля внутри него. Тем не менее в своих действиях студенты руководствовались прописанными в официальных документах и воспетыми в советской культуре идеями товарищества и взаимопомощи. Оценка событий в колхозе имени Сталина вписывается в рамки проходившей в хрущевское время дискуссии о коллективе: в условиях новой «коллективизации жизни»¹⁹ узы «ложного товарищества» действительно казались угрозой социалистическому общежитию.

Для завершения анализа инцидента на сельхозработках необходимо определить его место среди различных форм общественного протеста времен «оттепели». 1950-е гг. характеризуются возрождением стачек и

---

¹⁵ Протокол № 1... Л. 26.

¹⁶ Там же. «Все 17 человек» исключены не были, помимо старосты и комсорга жертвой конфликта стала одна из преподавателей АЛТИ, вступившая за студентов. После обсуждения ее персонального дела на парткоме она уволилась по собственному желанию. Хотя документы не содержат прямого указания на связь этих событий, можно предположить, что внутриинститутская критика стала одной из причин для ухода с этого места работы.

¹⁷ Стенограмма VII пленума Архангельского обкома КПСС... Л. 48.

¹⁸ Подробно советский дискурс о коллективе, коллективные и коллективно-образующие практики проанализированы в 3-й, 4-й и 7-й главах *Хархордин О. Обличать и лицемерить*. СПб.; М., 2005.

¹⁹ *Хархордин О. Обличать и лицемерить*. С. 364.

бойкотов как метода защиты экономических прав и как попытки вызвать власти на диалог, когда другие формы общения становились недоступны. С одной стороны, это свидетельствует не столько о либерализации политического режима, сколько о его отказе от права на тотальное насилие. С другой стороны, выступления никогда не признавались легитимными: сообщений о забастовках не было в советской прессе, в особо серьезных случаях для их подавления использовались силы органов внутренних дел и армии.

Трудовые конфликты, вызванные тяжелыми условиями работ и неустроенностью быта, происходили в 1950-е гг. на целине²⁰. Как и в случае с архангельскими студентами, причиной волнений обычно становились перебои в снабжении молодых рабочих питанием и питьевой водой. Но проводить знак равенства между забастовкой в Холмогорском районе и событиями на целине нельзя. Большинство известных волнений в казахской степи (самыми громкими стали беспорядки в Темиртау летом 1959 г.) принимали форму массовых драк, хулиганства, погромов, столкновений с милицией и вооруженными силами, в то время как архангельские студенты выбрали ненасильственную форму протеста. «Безобразия», приписываемые им: «драка с местными жителями на танцплощадке, ... в воскресный день, напившись пьяными, безобразили ... и сквернословили»²¹ — как кажется, имели иную природу, нежели отказ от работ. Тем не менее в оценке действий студентов собственно забастовка была поставлена в один ряд с нетактичным поведением по отношению к сельским девушкам, очевидно, для того, чтобы, нарисовав портрет дебоширов, не упоминать о сути их протеста.

Иной характер носил бойкот студенческой столовой МГУ в мае 1956 г. Неудовлетворенные качеством пищи и уровнем обслуживания студенты отказались питаться в столовой общезития на Стромынке, выставили у ее дверей пикеты и не пускали туда желающих пообедать. Присоединиться к бойкоту призывали объявления и листовки, распространявшиеся по общезитию²². Акция протеста была одобрена студсо-

---

²⁰ Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). 3-е изд. М., 2010. С. 113–138.

²¹ Протокол № 1... Л. 26. Нельзя исключать, что и документы о массовых беспорядках на целине, введенные в научный оборот В.А. Козловым, искажают реальность, представляя целинников исключительно пьяными хулиганами и не обращающая внимания на экономическую или социальную суть их протестов.

²² См., например: Герасимова О.Г. Общественно-политическая жизнь студенчества МГУ в 1950-е — сер. 1960-х гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 2008. С. 92–106.

ветом, к ней планировали примкнуть жители других общежитий. В течение недели руководство университета, представители горкома и райкома КПСС посещали общежитие и вели переговоры со студентами. В результате качество питания и обслуживания в столовых МГУ несколько улучшилось, по данным исследователя О.Г. Герасимовой, никто из студентов не понес существенного наказания²³. Тем не менее партийное руководство объявило бойкот «неприемлемой формой действий», «политическим вызовом» и «провокацией», предположив, что зачинщиками протеста являлись иностранные студенты²⁴.

Важно не то, какой ярлык («политическая провокация» или «хулиганские выходки») навешивали партийные органы на действия студентов. Важно, что в обоих случаях в партийных документах не обозначалась действительная природа акций протеста. В официальном советском дискурсе слова «забастовка», «стачка», «бойкот» могли относиться либо к дореволюционному прошлому России, либо к современным проблемам буржуазного общества. Применить их по отношению к внутривнутриполитическим событиям — значило поставить под сомнение завоевания социалистического государства, в котором не было места трудовым конфликтам.

Есть еще одна важная черта, отличающая события на Стромынке от забастовки в Архангельской области. Если верить О.Г. Герасимовой, только один из участников бойкота был исключен из МГУ. Но это произошло только в следующем семестре, и «стромынский эпизод» был лишь одной из нескольких причин для этого²⁵. Незамедлительное же исключение из института архангельских студентов демонстрирует разницу в реакции на сходные явления в столице и регионах СССР. То, что могли стерпеть московские власти, оказывалось недопустимым на периферии. Представляется, что здесь сыграло свою роль и то, что московские события происходили непосредственно после XX съезда, а архангельские — более года спустя, когда власть после подавления Венгерского восстания пошла курсом на сворачивание общественных инициатив. Имели значение также провинциальная боязнь отступить от этого курса и приверженность архангельского руководства консервативным идеям. На принятие решения могло повлиять и раскрытие в августе 1957 г. в Архангельске «антисоветской группы молодежи» Сергея Пирогова.

---

²³ Герасимова О.Г. Общественно-политическая жизнь... С. 101–103.

²⁴ Там же. С. 99.

²⁵ Там же С. 101.

Таким образом, комсомольцы, по уставу ВЛКСМ обладавшие правом критики, на деле не имели механизма для того, чтобы заставить чиновников адекватно воспринимать ее. В ситуации, когда комсомол оставался «верным помощником партии», нельзя было рассчитывать на равноправный диалог между рядовыми комсомольцами и органами КПСС. Попытки вызвать его протестными акциями пресекались, поскольку устоявшееся понимание коллектива не допускало за ним право на действия, не одобряемые официально. Видя в советской молодежи единую социально-демографическую группу, партийные и комсомольские идеологи не признавали существования каких бы то ни было предпосылок протеста, конфликта поколений, изменений в культуре поведения молодежи и ее интересах. Сами протестные явления не могли быть адекватно проинтерпретированы в партийно-советском дискурсе — для этого порой просто не хватало необходимых понятий. Соответственно, им приписывался низший статус (хулиганство, а не социальный протест), в них обнаруживалась отсутствовавшая политическая подоплека, их корни выискивались в тлетворном влиянии запада. Ощущая противоречивость ситуации, когда действия молодых людей, основанные на советских убеждениях, все же не являются в полной мере советскими, их старшие товарищи в лучшем случае могли предложить казуистический вывод о том, что «отстаивать надо не всякие убеждения»²⁶.

---

²⁶ Протокол VI... Л. 15.

Кочеткова Елена

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, 2 курс
ekochetkova@eu.spb.ru

ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ В СОВЕТСКУЮ ЛЕСНУЮ ОТРАСЛЬ В РАМКАХ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В 1953–1964 ГГ.

После смерти И.В. Сталина в советской внешней политике обозначился постепенный переход к разрядке напряжения в отношениях с капиталистическим блоком. На пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. Г.М. Маленков заявил о необходимости мирного разрешения спорных вопросов, а также выступил «за мирное сосуществование двух систем»¹. Последнее было взято на вооружение Н.С. Хрущевым, который на XX съезде партии выразил уверенность в том, что разговор о капиталистическом окружении более не актуален². Новая концепция внешней политики была напрямую связана с идеей усиления государства в технологическом отношении и подразумевала стремление СССР к выигрышу времени, за которое государство должно было провести серию мероприятий, позволявших «догнать» Запад.

К середине 1950-х гг. СССР обнаруживал неравномерность технологического развития: явный успех в военной сфере, активные исследования в области космоса и физики сочетались с отсталостью целого ряда отраслей — металлургии, легкой промышленности, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей отраслей и т. д. На XX съезде партии 1956 г. было заявлено о том, что страна нуждается в обновлении «парка оборудования, совершенствовании технологического производства, внедрении механизации и автоматизации», стремлении к тому, чтобы машины и оборудование «отвечали последним достижениям науки и техники»³. Это было осознанием необходимости технической модернизации.

---

¹ *Егорова Н.И.* Понятие «разрядка» в 1950-е годы // Холодная война и политика разрядки. Т. 1. М., 2003. С. 72.

² *Whelan J.G.* Khrushchev and the Balance of World Power // The Review of Politics. Vol. 23. N 2, 1961. P. 135.

³ XX съезд (14–25 февраля 1956 г.). Т. 1. М., 1956. С. 30.

защиты, преодоления экономической и технической отсталости, ставшим одним из ключевых направлений внутренней политики государства.

Одной из важнейших для научно-технического прогресса сфер была лесная отрасль. По решению XX съезда партии, в 1956 г. предусматривался «значительный рост производства в лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности»⁴. Эта задача не давала конкретных указаний, и, в целом, детальной программы создания научно-технического прогресса в отрасли разработано не было. Но, несмотря на это, в лесной сфере возник целый ряд новых явлений и произошел поворот в политике и принципах ведения отрасли, что позволяет говорить о попытках модернизации.

Лесная промышленность имела большое значение для СССР как государства, обладавшего значительными лесными ресурсами. Однако число предприятий, занимавшихся деревообработкой и производством материалов, было невелико. К началу 1950-х гг. большая часть их имела устаревшее оборудование, т. к. была оснащена импортной техникой, завезенной в годы сталинской индустриализации и в Советском Союзе не производившейся⁵. Кроме того, отсутствие ряда производств приводило к необходимости импорта таких высокосложных продуктов, как сульфитная целлюлоза, картон и т. п. При существовавшей нехватке специалистов, отсутствии производства требовавшейся техники модернизировать отрасль за счет внутренних ресурсов было невозможно. Выход виделся во внешнем факторе — сотрудничестве с государствами, по техническим характеристикам превосходившими уровень развития СССР. В число таких потенциальных партнеров не входили США: в 1949 г. Америкой был издан список товаров, на продажу которых в СССР было наложено эмбарго. Это создавало определенные сложности для сотрудничества с Западной Европой, в отличие от США видевшей выгоды в кооперации с СССР. Одной из альтернатив стала кооперация с Финляндией, имевшей высокоразвитую деревообрабатывающую промышленность и ориентированной на Запад, но не подчинявшейся эмбарго 1949 г.⁶ Финны традиционно занимались лесопилением, достигли большого успеха в целлюлозно-бумажном производстве и целом ряде на-

---

⁴ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 2. М., 1956. С. 482.

⁵ Впервые производство машинного оборудования было запущено в СССР в 1932 г., однако техника для лесной отрасли в стране не производилась.

⁶ *Androsova T. Economic Interest in Soviet Post-War Policy on Finland // Reassessing Cold War Europe. London, 2011. P. 37.*

правлений лесной промышленности, а также в методах ведения лесного хозяйства.

В хрущевский период Финляндия рассматривалась в первую очередь как проводник американских и западноевропейских технологий, своего рода «окно в Европу». «Ознакомление с промышленностью Финляндии открывает большие возможности по использованию последних технических достижений не только финляндской промышленности, но и промышленности США, Канады и Швеции, с которыми Финляндия имеет длительные отношения» — таким было представление о «миссии» финнов в их отношениях с восточным соседом⁷.

15 августа 1955 г. было заключено советско-финляндское соглашение о научно-техническом сотрудничестве, по которому стороны должны были осуществлять обмен опытом и достижениями в промышленности, сельском хозяйстве и науке. Соглашением определялись формы сотрудничества: обмен информацией, литературой, командировки специалистов, ученых и студентов, приглашения лекторов и совместные научно-технические совещания, а также в форме «добровольных контрактов между заинтересованными советскими организациями и финскими фирмами»⁸.

Для осуществления кооперации была создана сеть как советских, так и совместных советско-финляндских институтов, а также были вовлечены уже существовавшие предприятия, академические, научно-исследовательские учреждения и лесхозы. В 1957 г. был создан Государственный комитет науки и техники (или ГКНТ), отвечавший за разработку основных направлений в развитии науки и техники, которому подчинялись советники в советских посольствах, являвшиеся инженерами и специалистами технических специальностей⁹. По договору 1955 г. учреждалась совместная советско-финляндская комиссия — по шесть человек с каждой стороны, — которая не реже раза в год собиралась поочередно в Москве и Хельсинки на сессии. Комиссия должна была обсуждать «конкретные вопросы научно-технического сотрудничества» и принимать «решения по взаимным обязательствам сторон, связанным с обменом передовым производственным опытом и научно-

---

⁷ Сообщение главного специалиста ГНТК П.Г. Истомина на 5-й сессии советско-финляндской комиссии // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 136.

⁸ Советско-финляндские отношения 1948–1983 гг. М., 1983. С. 22.

⁹ *Autio-Sarasmo S.* Knowledge through the Iron Curtain. Soviet Scientific-technical Cooperation with Finland and West Germany // *Reassessing Cold War Europe*. P. 69.

техническими достижениями... в интересующих стороны отраслях промышленности и сельского хозяйства»¹⁰. Эти институты были непосредственно связаны с организацией обменов учеными и специалистами. В своем докладе я рассматриваю поездки советских ученых и специалистов в Финляндию как одну из форм технологического трансфера в лесную отрасль.

Всего за 1956–1968 гг. в Финляндию выехала 401 группа, или 1072 человека; финнов прибыло в СССР — 357 групп, или 1190 человек¹¹. Хотя советских специалистов в целом выезжало меньше, чем приезжало финских, число советских делегаций было больше, так как, как правило, в состав советских групп входило не более двух человек, однако они пребывали гораздо дольше в Финляндии, чем финские специалисты — в СССР.

Единой, заранее спланированной программы сотрудничества в лесной отрасли не было, и вопросы для изучения, называвшиеся техническими заданиями, определялись, вероятно, с некоторой долей спонтанности, на каждой сессии отдельно. Советская сторона интересовалась прежде всего практическим изучением вопросов и, конкретнее, посещением предприятий и опытных станций, делянок, мест строительства лесных автодорог, лесных станций, образовательных учреждений, выставок, научно-исследовательских учреждений. Советские специалисты проводили персональные встречи с финскими учеными, беседы, которые после пересказывались в отчетах. Поездки советских делегатов охватывали широкую географию, практически все крупные предприятия Финляндии.

Для утверждения тем поездок обе части советско-финляндской комиссии рассматривали вопросы, предлагавшиеся сторонами, вносили предложения, проводили совместное обсуждение, принимали итоговый список рекомендованных тем, затем подбирали специалистов для командировок. Как правило, отдел внешних сношений советской части комиссии направлял приглашения на предприятия или в институты, указывая наличие свободных мест в делегации по определенной теме с просьбой подобрать специалиста. Иногда ГКТН обязывал институты подобрать нужных специалистов; в других случаях сами институты и предприятия направляли заявки в советскую часть комиссии, которые обязательно со-

---

¹⁰ Сообщение главного специалиста ГНТК П.Г. Истомина... Л. 134.

¹¹ *Kaukonen V. Kaksi vuosikymmentä tieteellis-teknillistä yhteistoimintaa Suomen ja Neuvostoliiton välillä. Helsinki, 1975. S. 51.*

держали «техническое обоснование целесообразности поездки»¹². Обоснование представляло собой положения о тех или иных отраслях, имеющих достоинства направлений в Финляндии и требующих улучшения вопросах в СССР, а также о необходимости «осмотреть», «изучить» объекты¹³.

Основным источником информации о состоянии отрасли, применении тех или иных технологий и т. д. в Финляндии являлись зарубежные печатные издания. Наиболее весомым обоснованием была информация о предполагаемом повышении производительности труда, выпуска и пр. после возможного внедрения тех или иных финляндских технологий¹⁴. Таким образом, решение о формировании делегаций могло быть указанием или рекомендацией сверху или инициативой снизу. Одобренные просьбы институтов вызвали необходимость ГКТН решить, куда поедут финны в ответный визит, что подразумевало поиск предприятий, готовых организовать прием. Причины отказов приема могли быть разными, однако для советской стороны важным было то, чтобы сотрудничество укладывалось в рамки вежливости: как указывал ГКТН, «отказ от взаимной поездки советских специалистов может быть истолкован в нежелательном духе»¹⁵.

Поездки ученых строились на принципе партнерского обмена, что означало организацию командировок двух сторон по схожим вопросам. В деревообрабатывающей промышленности, однако, до 1960 г. существовала договоренность о том, что только советские специалисты будут посещать Финляндию. Поездки осуществлялись на безвалютной основе. На практике это означало, что оплату расходов несла принимающая либо направляющая сторона, и финансирование могло вестись как органами, созданными для сотрудничества, например ГКТН, так и предприятиями. Большая часть советских специалистов не владела финским языком или плохо владела английским, что влекло существенные финансовые затраты на услуги переводчиков.

---

¹² Переписка Отдела внешних сношений ГНТК с Карельским СНХ // ГА РФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 912. Л. 125.

¹³ См., например: Программа работы д. т. н. В.А. Баженова и др. в командировке в Финляндии // Архив АН СССР. Ф. 579. Оп. 1. Д. 395. Л. 1.

¹⁴ Заседание Отдела изучения и использования передового опыта... Госкомитета СМ СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство // ГА РФ. Ф. 9430. Оп. 2. Д. 633. Л. 91.

¹⁵ Сообщение главного специалиста ГНТК П.Г. Истомина... Л. 122.

Советские специалисты часто делали фотографии, которые потом использовали в отчетах, привозили торговые проспекты, рекламные брошюры, реже — научную литературу¹⁶. В целом делегаты отмечали дружелюбие и открытость финнов, однако иногда указывалось, что финские фирмы скрывали информацию, либо по ошибке направляли советских специалистов на ненужные объекты¹⁷.

По возвращении командированные должны были предоставлять отчеты и рекомендации, некоторые из которых публиковались в ведущих журналах по лесной отрасли — «Лесная промышленность», «Лесное хозяйство» и др. Например, отчет начальника Главлесхоза РСФСР о поездке в Финляндию, опубликованный в журнале «Лесное хозяйство» в 1964 г., содержит детальное описание площади, количества лесов, их видов, основанное на личных наблюдениях и интервью с лесничими. В отчете приводится статистика, не подкрепленная ссылками и, видимо, записанная со слов респондентов¹⁸. Можно предположить, что четких требований к отчетам не предъявлялось, и их качество зависело от полноты программы поездки, и, во многом, от добросовестности делегата. Срок предоставления отчетных текстов определялся в один месяц.

Очевидно, технологии, привозимые советскими специалистами, не были точными копиями, поскольку такие данные получались ими, как правило, через переводчиков, часто из бесед, в пересказах. Фотографии, сделанные некоторыми участниками таких визитов, имеют косвенное отношение к специальным вопросам и отражают, скорее, влияние культурного шока — так, например, в одном из отчетов из 20 фотографий на большей части были запечатлены цветочные киоски, окна домов, дворы и здания.

В целом можно отметить эволюцию поездок от хаотичности и спонтанности к определенной степени организации. 28 мая 1955 г. ЦК партии и Совета министров СССР издали постановление «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники». Однако в 1956 г. на обсуждении недостатков международных связей по поводу заграничных командировок на заседании Президиума АН СССР отмечалось, что перед советскими специалистами часто не ставятся конкретные задачи, редко

---

¹⁶ Отчет группы советских специалистов // ГА РФ. Ф. 9430. Оп. 3. Д. 1611. Л. 36.

¹⁷ Рекомендации группы специалистов, 1958 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9480. Оп. 7. Д. 925. Л. 223.

¹⁸ Бочкарев М.М. 15 дней по лесам Финляндии // Лесное хозяйство. 1964. № 4. С. 88–93.

обсуждаются их отчеты, не оцениваются результаты проведенной работы, не практикуется обмен привезенными материалами, командируемые по возвращении часто задерживают у себя привезенный материал. Также указывалось на то, что необходимо проводить более тщательный отбор делегатов. Обращалось внимание и на случаи, когда ради изучения второстепенных вопросов пренебрегали техническим заданием¹⁹.

В сентябре 1959 г. ГКТН решила ввести в практику работы комиссии заслушивание отчетов отдельных специалистов, выезжавших в Финляндию, о результатах поездки. С конца 1950-х гг. стал осуществляться более тщательный контроль за исполнением рекомендаций специалистов, использованием их для повышения квалификации молодых специалистов²⁰. Лишь в 1960-е гг. визиты стали более целеориентированными.

---

¹⁹ Постановление АН СССР «О мерах по упорядочению международных научных связей» // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 35. Д. 22. Л. 41.

²⁰ Неозаглавленный отчет ГКНТ // ГА РФ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 879. Л. 86.

Кривоноженко Александр

Санкт-Петербургский государственный университет
исторический факультет, аспирант 2 года обучения
krivfed@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ БОЙКОТА ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Октябрьская революция 1917 г. стала началом коренных изменений в жизни России. Страна находилась в состоянии глубокого системного кризиса. Идеалы Февральской революции, с которыми люди жили первые несколько месяцев после свержения самодержавия, довольно быстро остались в прошлом. Идея Учредительного собрания, на некоторое время сплотившая население измученной войной страны, с каждым месяцем становилась все призрачней, как и авторитет Временного правительства. В этих условиях государственная власть перешла к наиболее организованной, целеустремленной и объединенной в то время силе — большевикам. Как известно, Октябрьская революция, в отличие от революции Февральской, была встречена населением страны неоднозначно. Целью данной статьи будет рассмотрение отношения Петроградского университета к новой власти в первые месяцы после Октябрьской революции.

К осени 1917 г. Петроградский университет продолжал считаться крупнейшим высшим учебным заведением страны. Трудности Первой мировой войны затронули его напрямую: универсанты гибли на фронте, постоянно снижались размеры суммы, выделяемой из казны на содержание вуза, наконец, в 1917 г. университет даже начал готовиться к эвакуации¹. В итоге, к 1917 г. в Петроградском университете училось всего 2261 чел., в то время как в 1914 г. эта цифра составляла 7608 студентов². Общий размер дефицита бюджета к 1917 г. составлял 1017905 руб.³

---

¹ Дело об эвакуации Петроградского университета // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 27. Д. 98.

² Протокол заседания Совета Петроградского Университета 24 апреля 1917 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 46.

³ Там же Л. 47 об.

Февральская революция была встречена в университете с большим подъемом, академическая корпорация обещала Временному правительству всякую посильную помощь⁴. Последовавшая затем Октябрьская революция была воспринята Петроградским университетом болезненно. На экстренном заседании Совета университета 26 ноября 1917 г. было решено присоединиться к воззванию, составленному Академией наук. В нем новое правительство было обвинено в захвате и узурпировании власти. Ученое сообщество по-прежнему обращало все свои взоры на Учредительное собрание как на спасителя России⁵. Таков был ответ научного сообщества воззванию Совнаркома «Ко всем учащим» от 15 ноября, где содержался призыв быть с народом «во всех его переживаниях и даже в блужданиях»⁶.

Стратегия бойкота советской власти, к которой присоединился столичный университет, стала основной формой протеста интеллигенции против прихода к власти большевиков зимой 1917–1918 гг. Более того, если вузы ограничивались простым прекращением отношений с Совнаркомом, многие другие учреждения и ведомства перешли к тактике открытого саботажа⁷.

Не замечая новой власти, Петроградский университет старался продолжать учебный год. Протоколы заседания Правления вуза в этот период не содержат ни тени беспокойства по поводу последних событий. Например, на экстренном заседании Правления 26 ноября 1917 г. обсуждалась не сложившаяся обстановка в столице, а неотложный отъезд ректора на ближайшее время из Петрограда по вопросам возможной эвакуации университета⁸. Большая часть профессуры была уверена, что в обстановке бойкота большевиков чиновниками прежних министерств

---

⁴ Протокол заседания Совета Петроградского университета 3 марта 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 30 об.

⁵ Протокол экстренного заседания Совета Петроградского университета 26 ноября 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 111 об.

⁶ Луначарский А. В. От народного комиссара по просвещению // А. В. Луначарский о народном образовании / под ред. Н. К. Гончарова. М., 1958. С. 517.

⁷ Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 44.

⁸ Протокол заседания Правления Петроградского университета 26 ноября 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 2. Л. 476 об. На самом деле Э. Д. Grimm отправился на Дон, где уже начала формироваться Добровольческая армия (Подробнее см. Беляева О. М. Эрвин Давидович Grimm в Петербургском университете: академическое сообщество позднимперского периода: дис... кан-та исторических наук: 07.00.02 — Отечественная история; РАН СПБ ИИ. СПб, 2011. С. 267).

власть большевиков не продержится и 2–3 недель⁹, после чего она обязательно будет передана Учредительному собранию.

Нужно отметить, что, несмотря на революцию и создание СНК, Правление университета по-прежнему продолжало работать с Министерством народного просвещения, была подготовлена смета на 1918 г.¹⁰ При расчете вознаграждения служащим университета, которое планировалось выплатить к Рождеству 1917 г., Правление по-прежнему исходило из постановлений Временного правительства от 1 июня 1917 г. о размере вознаграждения штатных служащих¹¹. Надеясь на скорое восстановление законного правительства, университетский Совет стал самостоятельно утверждать в должности профессоров или приват-доцентов¹². Вновь войти в сношения с Министерством народного просвещения планировалось, «как только явится к тому возможность»¹³. Таким образом, как верно подмечает О.М. Беляева, во время бойкота советской власти университет наконец-то на практике мог применить те принципы автономии, за которые он боролся с царским правительством¹⁴.

Говоря о том, что Петроградский университет проводил консультации с упраздненным Министерством народного просвещения, следует помнить, что, во-первых, Правление считало именно министерство, а не Наркомпрос носителем законной власти. Во-вторых, довольно долгое время вуз имел практическую возможность сотрудничать с министерством, поскольку, как признавался сам А.В. Луначарский¹⁵, Наркомпрос смог занять помещение министерства на Чернышевой площади только в январе 1918 г. До этого там по-прежнему находились прежние служащие.

Серьезные опасения руководства Петроградского университета вызывало финансовое состояние вуза. Как уже отмечалось, к 1917 г. размер дефицита бюджета университета был чрезвычайно велик. Запрашиваемые

---

⁹ 275 лет Санкт-Петербургский государственный университет / под ред. Л.А. Вербицкой. СПб, 1999. С. 293.

¹⁰ Протокол заседания Совета Петроградского университета от 18 декабря 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 122 об.

¹¹ Протокол заседания Правления Петроградского университета 26 ноября 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 2. Л. 476 об.

¹² Протокол заседания Совета Петроградского университета от 18 декабря 1918 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 122 об.

¹³ Там же Л. 123 об.

¹⁴ Беляева О.М. Эрвин Давидович Гримм... С. 266

¹⁵ Луначарский А.В. К 200-летию Всесоюзной Академии наук // Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 204.

у Министерства народного просвещения суммы так и не были переведены на счета вуза до октябрьских событий. Видимо, какое-то время Правление могло рассчитывать на те средства, которые взимались со студентов в качестве платы за обучение — так называемые «специальные средства». Об этом свидетельствует то, что в декабре 1917 г. Правление уделяло особое внимание вопросу, где хранить эти поступающие в казну университета дополнительные ресурсы. Тогда было решено, что «ввиду особых обстоятельств настоящего времени» и «впредь до восстановления нормального порядка» поступления специальных средств оставлять в казне университета, а не отдавать в губернское казначейство. Именно из этих сумм планировалось покрывать неотложные расходы¹⁶. Так или иначе, но указанного источника финансирования оказалось явно недостаточно для автономного существования вуза. В декабре 1917 г. проректор А.А. Иванов докладывал Совету университета о плачевном состоянии финансов, которых только-только хватило, чтобы выплатить жалование сотрудникам университета за конец года. Дальнейшая неопределенность с источником финансирования, по словам проректора, грозила сделать ситуацию для университета критической уже в начале 1918 г.¹⁷

Петроградский университет продолжал оставаться наиболее авторитетным вузом в стране, о чем свидетельствует то, что именно с его руководством сверяли и координировали свои действия другие высшие учебные заведения, присоединившиеся к бойкоту советской власти. Видимо, здесь также не последнюю роль играло месторасположение Петроградского университета — в столице страны, где находился СНК и готовилось проведение Учредительного собрания. Это все вносило свою лепту в авторитет и значимость университета в глазах нестоличных вузов. Так, с начала зимы 1917 г. на имя ректора Петроградского университета Э.Д. Гримма постоянно приходили письма с просьбами проконсультировать руководство того или иного университета по вопросам, касающимся выстраивания отношений с советской властью. Так, ректор Томского университета В.В. Сапожников просил сообщить Э.Д. Гримма, вступал ли Петроградский университет в деловые отношения с советской властью, делались ли университетом представления на вновь избранных профессоров, каковы планы вуза в отношении составления

---

¹⁶ Протокол заседания Правления Петроградского университета 21 декабря 1917 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 2. Л. 552 об.

¹⁷ Протокол заседания Совета Петроградского университета 18 декабря 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 122 об.

сметы специальных средств на 1918 г. Наконец, ректор Томского университета интересовался какой именно политики вообще придерживается Петроградский университет в отношении советской власти¹⁸. Казанский университет 16 января 1918 г. просил пояснить ректора Петроградского университета, какие меры принимаются в столичном университете для закупки дров и выплаты зарплаты.¹⁹

Роспуск Учредительного собрания большевиками, который не вызвал масштабных протестов среди населения страны, заставил поверить вузовскую интеллигенцию в то, что новая власть не потерпит того быстрого фиаско, на который многие рассчитывали в конце октября 1917 г. На заседании Совета университета 25 (10) февраля ректор Э.Д. Гримм доложил о том, что на совместном совещании Академии наук с руководителями вузов было констатировано, что советская власть владеет финансами страны. Ввиду тяжелого экономического положения университета невозможно было не замечать этого факта. Соответственно, продолжать игнорировать новую власть больше было уже невозможно²⁰. Несмотря на это, Петроградский университет заявил в начале марта 1918 г. о том, что «в виду переживаемого момента» он продолжит отказываться от деловых отношений с Совнаркомом. Одновременно вопрос о возможности налаживания контактов с Наркомпросом Совет университета возложил на Правление и ректора²¹.

Смысл многозначительной формулировки «в виду переживаемого момента» раскрывается довольно легко, учитывая события начала весны 1918 г., когда интеллигенция, вместе со значительной частью населения страны, крайне болезненно восприняла новость о заключении мира с Германией. Впрочем, несмотря на глубокое возмущение, новой волны бойкотов со стороны высшей школы уже не последовало. Вузы были измотаны хроническим дефицитом средств к существованию. Петроградский университет, несмотря на свои заверения воздержаться от контактов с советской властью, постепенно начал переговоры с Наркомпросом о выделении средств на выплату пенсий профессорам и стипендий оставленным при университете студентам²².

---

¹⁸ Переписка с университетами РСФСР об отношении к советской власти // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 30. Л. 3.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Протокол заседания Совета Петроградского университета 25 (10) февраля 1917 г. // ЦГА СПб Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 3.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 2.

Начало контактов руководства университета с СНК в марте 1918 г., даже пока на полуофициальном уровне, стало сигналом для Наркомата просвещения к началу работы по обсуждению реформы высшей школы. Примечательно, что Наркомпрос обратился именно к Петроградскому университету с просьбой стать инициатором совещания представителей вузов по обсуждению этого вопроса 5 (18) марта 1918 г. Совет Петроградского университета принял это предложение²³. Стратегия Наркомпроса по привлечению профессуры к обсуждению реформы высшей школы вполне отвечала общей политике Совнаркома весной 1918 г. Она выражалась в словах В.И. Ленина: «... привлечение к работе буржуазной интеллигенции является теперь очередной, назревшей и необходимой задачей дня»²⁴.

Весной деловые отношения между университетом и правительственными структурами продолжали расширяться. В апреле 1918 г. вышло постановление Петроградского отдела Народного комиссариата по просвещению за подписью правительственного комиссара Э. Гринберга о перемещении архивных дел Петроградского университета из архива окружной канцелярии в помещение комиссариата по просвещению. Одновременно Э. Гринберг обратился к ректору университета с просьбой командировать представителя вуза для приема и перевозки документации на новое место хранения. Для выяснения всех деталей, Э.Д. Grimm вступил в переписку с начальником архива комиссариата народного просвещения²⁵.

Чуть позже Э.Д. Grimm обратился в комиссариат народного просвещения с вопросом об облегчении учащимся выезда из Петрограда на время как пасхальных, так и летних каникул²⁶.

Постепенно деловые отношения начали складываться и по проблемам собственно университетского характера. Так, 18 апреля 1918 г. из Отдела вузов Наркомпроса в университет пришло письмо с просьбой выслать обзор преподавания на факультете восточных языков за последние 3 года. Уже 24 апреля ректор Э.Д. Grimm выслал в Москву запрашиваемую информацию²⁷. Таким образом, можно констатировать,

---

²³ Протокол заседания... Л. 3 об.

²⁴ Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи советской власти» // Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 159.

²⁵ Переписка с университетами РСФСР об отношении к советской власти // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 30. Л. 36.

²⁶ Там же. Л. 43.

²⁷ Там же. Л. 47.

что к середине весны 1918 г. Петроградский университет окончательно отказался от стратегии бойкота новой власти, перейдя к деловому и равноправному обсуждению текущих проблем.

Проанализировав характер изменения отношения Петроградского университета к советской власти в первые месяцы после Октябрьской революции, можно сделать несколько выводов. Во-первых, бойкотирование СНК, которое вуз стал применять после революции, не было уникальным явлением осени 1917 — зимы 1918 г., поскольку сходную позицию тогда заняли многие учреждения и организации. Во-вторых, одна из особенностей стратегии бойкота, применяемого университетом, заключалась в том, что до января 1918 г. он продолжал взаимоотношения с уже упраздненным Министерством народного просвещения, штат которого также не подчинялся СНК. В-третьих, период бойкота и автономного существования как Петроградского университета, так и других вузов страны продемонстрировал тот вес, который столичный университет имел в среде высшей школы России. Наконец, главным является вывод о том, что полностью автономное существование университета было невозможно без государственного финансирования, что и стало главной причиной для постепенного признания советской власти.

Кулигина Елена

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, 1 курс магистратура
esidorova@eu.spb.ru

СОВЕТСКИЙ СЕВЕР В ФОКУСЕ ИНТЕРЕСА ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ: ТЕРЕНС АРМСТРОНГ, СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ И ЦИРКУЛЯЦИЯ ЗНАНИЙ В 1960-Е ГГ.¹

В настоящее время Арктика находится в фокусе национальной политики всех северных стран, таких как США, Канада, Дания, Норвегия, Швеция и Россия. Для того чтобы проводить скоординированную политику, в регионе активно работают международные организации, например такие, как Арктический совет (Arctic Council). Благодаря международным организациям, как политическим, так и научным, в настоящее время новые знания об Арктике, полученные в одной стране, быстро распространяются в другие страны. Сам процесс получения этих знаний в значительной мере принял международный характер. До окончания «холодной войны» международных организаций подобного уровня не существовало, но потребность в обмене знаниями об Арктике между разными государствами была. Международное сотрудничество в освоении Арктики имеет длительную историю: наиболее ярко она отражена в опыте проведения Международных полярных годов — скоординированных научных исследованиях Арктики, проводившихся в 1882–1883, 1932–1933, 1957–1958 и 2007–2008 гг.

В 1930-е гг. в изучении Арктики СССР продвигался вперед быстрее других государств, но в 1950-е гг. соотношение сил начинает меняться. В 1950-е гг. Арктика становится гораздо доступнее технически благодаря развитию авиации и подводного флота. С этих пор она рассматривается как возможная арена боевых действий и противостояния во время «холодной войны». США, Канада и Великобритания начинают еще более активно осваивать и изучать Арктику, основываясь во многом на достигнутом СССР к этому времени: знаниях, исследованиях, открытиях, способах проведения экспедиций, осуществления научной деятельности в непростых арктических условиях. Информация об этом становится бо-

---

¹ Исследование выполняется в рамках международного проекта «Оценивая будущее Арктики: ресурсы, люди, нарративы», поддержанного Фондом стратегических исследований в области окружающей среды (МИСТРА) Швеции.

лее доступной для других стран. На этом основании мы можем говорить о существовании трансфера знаний об Арктике из СССР за рубеж.

В своем исследовании я рассматриваю возможность трансфера знаний об Арктике, а также трудности, которые при этом возникали, на примере деятельности доктора Теренса Эдварда Армстронга, ведущего специалиста Великобритании по российской Арктике. В течение 36 лет Армстронг работал в Кэмбридже в Институте полярных исследований им. Скотта. В 1957 г. он был назначен заместителем директора института. Армстронг начал изучать Советский Север в тот период, когда за рубежом информации об этом регионе было доступно крайне мало. Его диссертация посвящена развитию Северного морского пути. Армстронг много путешествовал по канадскому Северу и советской Арктике. Свободное владение русским языком позволяло ему легко устанавливать контакты с учеными СССР². Одним из них был председатель Комиссии по проблемам Севера Совета по изучению производительных сил (СОПС) при АН СССР, экономический географ С.В. Славин. С ним у Армстронга сложились довольно тесные коллегиальные, а с течением времени, возможно, и дружеские отношения. В своем исследовании я использую как опубликованные материалы, так и переписку Армстронга со Славиным, обнаруженную в личном фонде последнего в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

Главную задачу своей деятельности Армстронг видел в том, чтобы знание об Арктике, накопленное в СССР, стало доступно за рубежом. Армстронг неоднократно подчеркивал, что каждый должен считать СССР мировым лидером в деле освоения Арктики, обладающим огромным опытом решения проблем, связанных с этим регионом. Так, в письме к Славину Армстронг пишет о том, что у него «вызывают особый интерес коренные преобразования на Севере СССР»³.

Армстронг подчеркивал, что необходимость его работы связана с тем, что Советский Союз воздвиг барьеры, которые скрывали деятельность по освоению Севера и материалы по его исследованию. И если бы кроме СССР было бы еще другое государство, которое могло располагать таким же объемом знаний об Арктике, то необходимости в работе ученого не было бы⁴.

В книге «Заселение Севера русскими», вышедшей в 1965 г., Армстронг упоминает о том, что он смог побывать в СССР в 1957 и 1960 гг. Таким

---

² King H. The Obituary (<http://www.spri.cam.ac.uk/people/armstrong/>).

³ РГАЭ. Ф. 746. Д. 90. Л. 3.

⁴ Armstrong T. The Russians in the Arctic: aspects of Soviet exploration and exploitation of the Far North, 1937–1957. Fair Lawn, 1958.

образом, он был одним из не очень многочисленных зарубежных исследователей в период «холодной войны», кто был приглашен с визитом. В 1967 г. он снова приезжал в СССР, причем посетил Якутск⁵. Несомненно, посетить северные районы страны было совсем не просто. Еще сложнее было добиться возможности совместной работы с советскими учеными по вопросам, касающимся Севера, что было одной из задач Армстронга.

В одном из писем Славину Армстронг излагает идею о совместном проекте Великобритании с Канадой и СССР. Он пишет о том, что «экономические и административные проблемы в северных районах СССР и Северной Америке имеют много общего, и людям, занимающимся их разработкой, есть чему поучиться друг у друга»⁶. Поэтому он хотел бы найти возможность для того, чтобы ученые этих стран совместно изучали общие проблемы. Полярный исследовательский институт имени Скотта должен был стать центром этого проекта, а Армстронг — его руководителем. Армстронг считал, что этот план можно будет осуществить в течение 1968 г. в рамках Англо-советского культурного соглашения 1967–1969 гг.

Несомненно, ученые СССР понимали необходимость такого сотрудничества. И мы могли бы говорить о двухстороннем трансфере знаний, если бы данный проект состоялся. С.В. Славин писал, что предложение Армстронга представляет «несомненный интерес»⁷. Однако он прекрасно понимал, что на осуществление такого проекта необходимо получить разрешение вышестоящих инстанций. По неизвестным нам пока причинам проект так и не был воплощен в жизнь. Итогом его обсуждения стало заключение о том, что сотрудничество в первую очередь должно выразиться в обмене изданиями и материалами по интересующим вопросам. В частности, было предложено публиковать переводы статей исследователей Института имени Скотта, а также ученых из Канады, Скандинавских стран в советском периодическом сборнике «Проблемы Севера». Несмотря на попытки Армстронга предложить осуществление проекта совместных исследований через другие организации, ему так и не удалось повлиять на ситуацию, как, впрочем, и Славину, который открыто говорил о том, что «вопрос разрешения выездов для ознакомления с практикой освоения в северные районы разных стран находится не в его компетенции»⁸.

Какие же именно регионы, территории и аспекты деятельности СССР на Севере интересовали Армстронга? В первую очередь необхо-

---

⁵ РГАЭ. Ф. 746. Д. 90. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. Л. 10.

⁸ Там же. Л. 28.

можно сказать о самом понятии *Север*. С письмом от 9 августа 1974 г. он прислал Славину свою статью «Понятие “Север” в специальной советской литературе»⁹. В ней Армстронг ссылается на работы Славина¹⁰, а в письмах просит прислать комментарии по данному вопросу. В переписке ученых можно найти много примеров обсуждения этого понятия и его применения в экономической политике СССР. В одном из писем Славин резюмирует все изменения, касающиеся понятия *Север* в СССР, и анализирует его трансформацию за несколько десятков лет¹¹.

Но гораздо больше, чем теоретические вопросы районирования, важные для географов, Армстронга интересовала возможность увидеть своими глазами достижения Советского Союза в освоении Севера. Как уже отмечалось ранее, Армстронг не раз бывал в СССР, но, тем не менее, многие районы, которые его интересовали, ему так и не удалось увидеть. В письме от 8 января 1965 г. С.В. Славину Армстронг пишет, что поездка по многим северным районам страны для ознакомления с достижениями в области их экономического развития представила бы для него «огромный интерес»¹². Особенно ученый выделял два района: нижнего Енисея (Норильск, Игарка, Дудинка и Кантайская энергосистема) и бассейна средней Лены (Якутск, район добычи алмазов, Вилюйский энергетический комплекс, Алданский и Индигирский золотые прииски). Насколько трудно было осуществить такое путешествие, мы можем увидеть из этого же письма: «С просьбой о предоставлении мне возможности совершить поездку в Советский Союз я обращался и в посольство Великобритании в Москве и в Министерство иностранных дел СССР, но моя просьба оставалась без внимания»¹³.

Наибольшую информацию об интересах Армстронга и трансфере знаний о Советском Севере мы можем получить из опубликованных им книг. Наиболее важными являются три из них. Это книга «Северный морской путь»¹⁴, написанная с привлечением большого числа источников на русском языке, относящихся к 1930–1940-м гг.; книга «Русские в Арктике»¹⁵, вышедшая в 1958 г., после первого путешествия ученого по

---

⁹ Там же. Л. 33.

¹⁰ Славин С.В. Проблемы развития производительных сил Магаданской области. М., 1961.

¹¹ РГАЭ. Ф. 746. Д. 90. Л. 42.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же.

¹⁴ Armstrong T. The northern sea route: Soviet exploitation of the North East Passage. Cambridge, 1952.

¹⁵ Armstrong T. The Russians in the Arctic...

СССР; и, наконец, книга «Заселение Севера русскими»¹⁶, увидевшая свет в 1965 г., после второго его приезда в СССР.

Как пишет сам автор, «выбор сюжетов случаен и обоснован тем, что было опубликовано в Советском Союзе. Некоторые события были отражены в иностранной прессе, но большинство не получило освещения за рубежом»¹⁷.

Много страниц посвящено географическим открытиям: дрейфу «Седова», экспедициям к Северному полюсу, воздушным экспедициям в высоких широтах. Из них зарубежные читатели могли узнать о масштабах, общем фоне и буднях работы ученых в советской Арктике, о том, как происходило получение знаний об Арктике в СССР, и возможностях советских исследователей, какие имелись далеко не во всех странах.

Кроме собственно изучения Арктики, Армстронга интересовала эксплуатация ее природных богатств. Его волновал вопрос о будущем Арктики: каким образом советские разработки, проводимые в течение последних двадцати лет, могут быть использованы для получения экономического эффекта? В связи с этим ему особенно было интересно освоение Северного морского пути. Ученый посвятил этому сюжету целую книгу, вышедшую гораздо раньше, чем остальные его труды, касающиеся советской Арктики, еще до его поездок в СССР. Открытие Северного морского пути вдоль побережья СССР было объектом широкого обсуждения в СССР и скептицизма за рубежом. Однако Армстронг утверждает, что огромные капиталовложения СССР в освоение этого пути были оправданы и возвратились сполна.

Несомненно, для Армстронга изучение и освоение Арктики — это в первую очередь процесс взаимодействия человека с окружающей средой. Он считает, следуя в этом за советскими коллегами, что термин *освоение* является более подходящим для этого процесса, нежели *колонизация*.

Рассматриваемый частный случай из истории советско-британских научных связей может служить иллюстрацией наличия трансфера знаний, преодолевающего идеологические барьеры и имеющего возможности пробиваться сквозь сложные межгосударственные отношения. Вопрос о трансфере, и более широко — о циркуляции знаний, как о возможности преодоления политических и идеологических барьеров на сегодняшний момент является очень актуальным и требующим серьезного изучения на материалах советской истории¹⁸.

---

¹⁶ *Armstrong T.* Russian settlement in the north. Cambridge, 1965.

¹⁷ *Armstrong T.* The Russians in the Arctic... P. 15.

¹⁸ *David-Fox M.* The Implications of Transnationalism // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* Fall 2011. №12, 4. P. 885–904.

Липянина Марина

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, 3 курс
mlipyanina@gmail.com

ИЛЛЮМИНАЦИЯ ЛЕНИНГРАДА В 20–30-Е ГГ. XX ВЕКА КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Восприятие искусственного света как важного формообразующего фактора в архитектуре городов стало складываться в 20-е гг. XX в. В настоящее время не подвергается сомнению тезис о том, что важнейшим элементом моделирования и трансформации городского пространства служит свет. Без света архитектурное пространство, объем и пластика существуют реально, но не воспринимаются, так как источник света, как бы мал он ни был, психологически создает пространство¹. Есть смысл говорить о сложившемся в рамках теории архитектуры направлении, которое изучает иллюминацию архитектурных сооружений, как о самостоятельном виде искусства, обладающем собственным понятийным аппаратом. Наряду с бытовавшим с начала 1920-х гг. термином «архитектурное освещение», емкость которого ограничивается выявлением с помощью света архитектурного замысла², все большее значение приобретает понятие «световая архитектура», акцентирующее внимание на создании и функционировании зрительного образа архитектурного сооружения, возникающего при искусственном освещении.

И.А. Азизян, рассматривавшая в своих работах влияние искусственного освещения на восприятие архитектурного объекта, считает необходимым говорить о существовании в современном урбанистическом пространстве «световой среды», которая включает в себя формирование

---

¹ Подробнее об этом см. *Козырева Е.И.* Архитектурно-эстетическое преобразование среды исторических кварталов Санкт-Петербурга. Автореф. дисс. на соиск. ст. канд. архитектуры. СПб., 1996; *Азизян И.А.* Скульптура и свет. Проблемы освещения городской скульптуры // Советская скульптура. М., 1971; *Гусев Н.М., Иванов В.В.* Научно-технический прогресс и пути совершенствования световой архитектуры // Синтез архитектуры с другими видами искусств в условиях «технизации» архитектуры. М., 1972; *Щенеткова Н.И.* Световая архитектура городских комплексов. М., 1974. и др.

² *Азизян И.А.* Световая композиция города // Декоративное искусство СССР. №11. 1972. С. 12.

светопанорамы города — визуальной градостроительной светопространственной композиции — в темное время суток³. Очевидно, что внешний вид предмета, определяемый как сочетание визуальных элементов внешнего вида (линии, контура, плоскости, объема, света и тени) «прочитывается» глазом как сочетание, чередование света и теней. Направленное освещение, таким образом, позволяет вычлени из цельной объемно-пространственной градостроительной ткани отдельные архитектурные сооружения, которые образуют вокруг себя островное светопространство, контрастно выявляющееся в окружающей более темной среде.

Облик современных крупных городов показывает, что дискуссия о приоритете функциональной или художественной стороны иллюминации городского пространства, разгоревшаяся в 1970–80-х гг., решилась в пользу последней. В связи с этим особенно важно исследование возникновения именно такого восприятия «световой среды»⁴, складывавшееся на протяжении 1920–1930-х гг. Интересно проследить этот процесс на примере Петрограда–Ленинграда довоенного периода. Исследование основано на анализе фотографий, сделанных в Ленинграде в период с 1924 по 1941 г.⁵ во время государственных праздников, посвященных годовщинам Октябрьской революции и 1 мая.

Электрическая лампочка произвела революцию в технологии украшения архитектурных зданий в начале XX века, и переломным в этом процессе можно считать 1917 г. При сравнении декорирования здания Городской думы в 1913 г.⁶ (украшение по случаю празднования 300-летия дома Романовых) и в 1924 г.⁷ (к празднованию 1 мая) становится очевидно, что технологические изменения украшения зданий привели к трансформации художественной техники. В первом случае здание украшено гирляндами, спускавшимися от верхнего этажа к нижнему, полотнищами ткани, образующими своеобразный «занавес» в арках, и флагами, отчего архитектурное сооружение в стиле классицизма приобретает

---

³ Азизян И.А. Скульптура и свет. Проблемы освещения городской скульптуры // Советская скульптура. М., 1971. С. 101.

⁴ Азизян И.А. Искусство освещения. Заметки о появлении нового вида декоративного искусства // Советское декоративное искусство. М., 1978.

⁵ Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга (ЦГА КФФД СПб). Ф. Р 150.

⁶ Невский проспект. Образы времени (Каталог выставки в Смольном соборе). СПб., 2003. С. 71.

⁷ ЦГА КФФД СПб. Ф. Р-150. Фото: Гр 39226.

«барочный» вид. В 1924 г. это здание было украшено электрическими лампочками, крепившимися к карнизам и углам, разбивая объем фасада на правильные четырехугольники, придавая ему в темноте едва ли не «конструктивистские» очертания. Очевидно, что отказ от декорирования здания «гирляндами» связан с теми сложностями, которые возникали при данном развитии технологии иллюминации, однако вслед за этим изменяется и художественная техника декорирования.

Создание «лампового производства» в Северной столице началось в 1922 г. на заводе «Светлана» при непосредственном контроле Главного управления электротехнической промышленности «Главэлектро» ВСНХ РСФСР⁸. В 1926 г. четыре электростанции, существовавшие еще с дореволюционного времени, и пущенная в марте того года станция «Красный Октябрь» были объединены, и их суммарная среднегодовая мощность составила около 95000 киловатт⁹. В качестве топлива для электростанций использовался в основном уголь и мазут¹⁰. К 1927 г. иллюминация зданий в Ленинграде стала неотъемлемой частью украшения города к праздникам. План работы по «декорированию зданий, помещений предприятий, особенно центральных и прилегающих к ним улиц», составляемый ежегодно агитационно-зрелищной комиссией¹¹, обязательно включал в себя «украшение фасада здания» иллюминацией наряду с «зеленью и плакатами с лозунгами»¹². Украшением занималась специальная комиссия, составленная из представителей месткома РКП(б) и коллектива учреждения, находившегося в данном здании.

Декоративную функцию иллюминации Ленинграда в 1920–1930-е гг., имевшую ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер, можно условно разделить на два вида: акцентирование внимания на лозунгах и символах новой власти и моделирование световой среды через трансформацию визуального образа архитектурного сооружения. К первому можно отнести подсветку политических лозунгов, портретов важнейших для советского государства политических деятелей, символов нового государства (звезда, герб СССР и т. д.), ко второму — формирование новой визуальной градостроительной светопрозрачной

---

⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 16. Оп. 1. Д. 473. Л. 43.

⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 1151. Оп. 2. Д. 27. Л. 171.

¹⁰ Там же. Л. 171 об.

¹¹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 95.

композиции города в темное время суток, сопровождавшееся ретушированием «имперского» облика бывшей столицы.

В первом рассматриваемом нами случае иллюминация лишь усиливает эффект подсвечиваемого объекта, никоим образом не изменяя его смысла. Наиболее распространены в этот период подсвечиваемые рядами лампочек политические лозунги и «1 мая», установленные на верхних этажах или крышах зданий. Нередко подобным образом украшали проходные заводов. Кроме этого, иллюминировались символы новой власти (звезда, серп и молот, герб СССР) и фигуры, символизировавшие новую социалистическую эру (трактор, паровоз, подъемный кран, макет завода). В начале 1930-х гг. здания иллюминировались с помощью гирлянд лампочек (кинотеатр «Колизей», 1932 г.), однако подобная техника декорирования не получила в довоенный период широкого распространения.

Отдельно следует сказать об иллюминации портретов политических деятелей. На всем протяжении рассматриваемого нами периода происходят количественные и качественные изменения. До начала 1930-х гг. портреты располагаются на уровне верхнего этажа здания, подсветка осуществляется с помощью лампочек, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга по всему периметру портрета, что создает эффект светящейся рамки. В выставляемый пантеон помимо Ленина, Сталина и других членов советского правительства включались Маркс и Энгельс. С середины 1930-х гг. происходят качественные изменения: наиболее часто используемым становится портрет Сталина, иногда соседствующий с портретом Ленина и создающий симметричную композицию. Наряду с этим происходит «увеличение» средних размеров портрета, который начинает занимать два этажа или даже располагается во всю высоту здания. Поясное изображение сменяется ростовым. Меняется и характер подсветки: портреты освещаются прожекторами, заставляя таким образом фигуру на портрете «выступать» из темноты.

В качестве наглядного примера, иллюстрирующего второй вид использования иллюминации, рассмотрим технику освещения Казанского собора (годовщина Октябрьской Революции — 1933 г.). Фасад здания в этот период не был освещен, иллюминированы были лишь купол, фронтон и галерея. Купол выделялся световым пятном на фоне темного неба, с обеих сторон его обрамляли идеологически важные даты: «1917» и «1933»; в центре ярко подсвеченного треугольника фронтона выделялось изображение серпа и молота в окружении лучей. Таким образом совершенно «стирались» очертания собора, взгляд горожанина выделял из темноты только важные для нового государства даты и символы.

Еще одним примером изменения визуального образа с помощью применения иллюминации может служить декорирование Государственного театра драмы (Александринский театр): на фоне неосвещенного фасада выделялись лишь ярко иллюминированные и прикрепленные к фронтому звезды, серп и молот, «парящие» над зданием, у которого подсвечен только ряд колонн. Первая колонна превращена в цифру «1», вторая закрыта, что создает интервал между символами, остальные четыре колонны стали опорами для букв в слове «мая». Таким образом, человеческий глаз вместо очертаний императорского театра видит гигантские по размеру символы и лозунги, «выступающие» из темноты.

В целом иллюминации подвергались идеологически значимые для советского государства здания: проходные заводы и фабрик, кинотеатры, клубы, монументы и памятники «революционной славы» (крейсер «Аврора»); архитектурно значимые доминанты: здания вокзалов, театры, соборы, мосты и т. д. Агитационная направленность иллюминации в первом случае не вызывает сомнений, однако политическая подоплека во втором менее очевидна. Горожанин «видел» город как объединение общественно значимых доминант, поэтому иллюминация архитектурных сооружений, воспринимавшихся как символ города, позволяла включить их, таким образом, в пропагандистское поле. Не следует забывать, что электрификацию, наглядным выражением которой и являлась иллюминация, советский человек ассоциировал с новой властью («Коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны»).

Таким образом, иллюминация в Ленинграде в довоенный период была важным формообразующим фактором в архитектуре города. Она выступала не только как еще одно средство наглядной агитации, но и как самостоятельное художественное направление, способное вносить в сформировавшийся еще до революции «имперский» характер внешнего облика города значительные коррективы.

Любавский Роман

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина
исторический факультет, аспирант
Lubavsky@mail.ru

«В КЛУБ РАБОЧИЙ ОТ СТАНКА МЕТАЛЛИСТ ШАГАЕТ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛУБОВ ДЛЯ РАБОЧИХ В ХАРЬКОВЕ В 1920-Е ГГ.

Лидеры партии большевиков в своих публичных речах и выступлениях неоднократно заявляли, что революция 1917 г. была совершена с целью построения нового справедливого общества. Для достижения этой цели революционеры, руководствуясь социалистическими идеалами о государственном устройстве, целенаправленно воздействовали на общественные структуры, стремились их реорганизовать. Английский философ Б. Рассел во время пребывания в Москве в 1920 г. заметил, что отличительной чертой большевизма была вера в возможность преобразования человеческой природы¹. Партийные идеологи понимали, что «рождение» нового советского человека возможно лишь при изменении жизненного уклада социума, его ценностных ориентиров и повседневных практик. Для этого обществу необходимо было усвоить комплекс новых общественно-политических и морально-нравственных идеалов. По мнению Л. Троцкого, для того, чтобы люди восприняли политические лозунги и партийные директивы как нечто свое, они должны были подойти к ним по ступеням повседневного опыта. Ключевая роль в этом процессе принадлежала клубам для рабочих². Объектом моего исследования является функционирование клубов для рабочих города Харькова в 1920-е гг. как ретранслятора *властных* идеологем. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что Харьков, столица Советской Украины, на протяжении 1920-х гг. имел имидж прогрессивного советского города.

Исследование деятельности клубов осуществлялось по материалам делопроизводственной документации профсоюзных организаций и предприятий (отчетной, организационной и др.), а также по публикации-ям в центральных и региональных периодических изданиях.

---

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 100.

² Троцкий Л. Ленинизм и рабочие клубы (<http://knigosite.ru/>).

Клубы для рабочих появились в Харькове в первые месяцы после Февральской революции 1917 г. Ведущая роль в их организации принадлежала профсоюзам. Так, клуб профсоюза «Металлист», созданный на базе существовавшего еще до революции «Дома рабочих», считался образцовым³. Кроме профсоюзных, в городе были открыты государственные и ведомственные клубы. По данным статистики, во второй половине 1920-х гг. в Харькове функционировало 52 клуба для рабочих⁴, 18 из них принадлежали профсоюзным организациям, 12 были организованы при предприятиях (указаны только те учреждения, которые имели фиксированное членство)⁵.

Клубы были местом проведения политических акций и «ритуалов» советской системы, где режим власти принимал облик «инсценирующей диктатуры»⁶. Они являлись полифункциональным инструментом популяризации идей нового быта и одним из каналов их внедрения. В клубах проходили церемонии празднования календарных праздников и советских «обрядов» жизненного цикла, юбилеев революционных событий, годовщин лидеров государства и классиков марксизма-ленинизма.

Все эти виды деятельности клубов мы можем изучить на примере Харькова. Тут были и свои открытия «новых» форм работы. С целью популяризации политических лозунгов в клубах устраивались выступления «живых» газет, проводились вечера вопросов и ответов, литературные суды над пьесами, книгами, газетными статьями. Немало внимания клубные работники уделяли организации семейных вечеров, которые являлись образцом публичного рационально организованного отдыха.

Рассмотрим практики проведения календарных праздников и советских «обрядов» жизненного цикла как наиболее показательные. Излюбленным приемом советской власти было наполнение традиционных праздников новым смыслом. Так, в 1927 г. накануне нового года в некоторых клубах были установлены «советские елки». Клубные работники украшали их игрушечными пионерами, которые держали политические лозунги⁷. Таким образом, «старое» торжество проходило в новом, искусственно созданном визуально-коммуникативном пространстве. Целью мероприятия было укоренение в быту новой системы обществен-

---

³ Антухин В. Первые шаги культработы на Харьковщине // Культработник. 1927. № 19. С. 20.

⁴ Коваленко І. Установи політосвіти на Харківщині. Харьков, 1927. С. 16.

⁵ Очерки истории профсоюзов Харьковщины. Харьков, 1999. С. 79.

⁶ См. об этом понятии: Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 7.

⁷ Гец С. Советизация елки // Культработник. 1927. № 3. С. 36.

но-политических ценностей. Примечательно, что в части дарения детям подарков дал о себе знать товарный дефицит: так как количество желающих получить призы оказалось больше, чем предполагали организаторы, родителям пришлось немало «поработать локтями», чтобы добыть подарок.

Советская власть уделяла особое внимание подготовке и организации показательных мероприятий в преддверии значительных религиозных праздников. Так, в Харькове в середине 1920-х гг. государственное издательство Украины опубликовало специальный сборник инструкций и материалов по проведению антирелигиозной работы в клубах в канун Пасхи⁸. Согласно плану, разработанному агитаторами, вечером перед праздником в клубе должен был читаться доклад «о классовой сущности религии». После него авторы предлагали поставить комедийную пьесу, в которой высмеивались основные догматы церкви. Во время перерыва актеры на сцене должны были петь антирелигиозные частушки. Клуб следовало украсить лозунгами, плакатами с цитатами К. Маркса и В. Ленина, карикатурами на священников⁹. Как свидетельствуют материалы периодической прессы, по такому сценарию в харьковских клубах для рабочих проходили антирелигиозные мероприятия и во время рождественских праздников¹⁰.

Дизайнеры новой культуры понимали, что вытеснить из повседневной жизни традиционные обряды жизненного цикла достаточно трудно, обществу необходимо предлагать альтернативы («пролетарские» свадьбы, «красные» крестины). Хотя источники не дают ответа на вопрос, как часто проводились «пролетарские» свадьбы, анализ единичных случаев дает возможность понять, каким образом власть использовала рабочие клубы для демонстрации новых общественных ценностей и их распространения через повседневные практики. Так, образцовая «красная» свадьба была сыграна 15 января 1924 г. в клубе рабочих пищевой промышленности. На следующий день об этом событии вышла статья в местной прессе. Редакторы делали акцент на символическом значении проведения свадебной церемонии не в церкви, а в клубе¹¹. Власть демонстрировала обществу наличие альтернативы устоявшимся традициям, образцы новых социальных отношений, примеры для подражания. Корреспонденты изображали молодоженов новыми советскими людьми

---

⁸ Пасха в рабочем клубе: сборник материалов. Харьков, 1925.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ В ответ на поповское рождество // Харьковский пролетарий. 1928. 24 дек. С. 1.

¹¹ Не в церкви, а в клубе (пролетарская свадьба) // Пролетарий. 1924. 16 янв. С. 2.

ми, которые отказались от существующих норм и вступили в брак по новому революционному ритуалу. Проведение свадебной церемонии было похоже на заседание комиссии, которая разбирала вопрос о вступлении в брак. Руководство клуба выступило с поздравительным словом, в котором рассказало о сути и значении нового быта. Молодожены, члены профсоюза рабочих харьковской промышленности, торжественно вступили в брак и взяли на себя обязательство вступить в Коммунистический союз молодежи.

Итак, советская власть использовала клубы для рабочих, чтобы продемонстрировать новый порядок вещей, но не только представить, а и укоренить его в повседневной жизни рабочих. Идеи переустройства общественного строя обкатывались в клубах в форме торжественных презентаций. Таким способом клуб выполнял возложенную на него функцию социалистического перевоспитания рабочих.

При всей идеологической важности советских показательных «ритуалов» их проведение было скорее исключительным, чем повседневным явлением. Руководство осознавало необходимость в разработке серии мероприятий, которые составили бы основу клубной работы. Эти вопросы неоднократно ставили перед собой и руководители клубов. Так, делегаты городской конференции клубных работников пришли к выводу, что они уделяли недостаточно внимания политическим кампаниям, что революционные праздники проводились по шаблону¹². Как свидетельствуют результаты обследования деятельности харьковских клубов, инициированного их руководством, наиболее популярным видом работы была организация спектаклей, концертов и киносеансов¹³. Советская власть стремилась использовать эти мероприятия в своих целях. Это отразилось в делопроизводственной документации Харьковского райкома Всероссийского союза рабочих металлистов. Так, в 1922 г. в месячном плане проведения культработы было указано на необходимость выступления культработника перед началом спектаклей, который объяснял бы аудитории смысл той или иной пьесы¹⁴. Власть старалась не допустить вольных интерпретаций сюжета, рабочие должны были правильно его воспринять. Типичным было явление, когда руководство клуба для того, чтобы привлечь внимание трудящихся к заседанию, на котором обгова-

---

¹² Как отдыхает рабочий // Харьковский пролетарий. 1928. 5 декабря. С. 3.

¹³ Отчет Харьковского окружного исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов. Харьков, 1926. С. 201.

¹⁴ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 1010. Оп. 1. Д. 67. Л. 60.

ривались проблемы оптимизации клубной работы, перевыборы администрации и прочее, по окончании мероприятия обещало устроить киносеанс. Не удивительно, что посетители постоянно прерывали докладчиков выкриками: «Хватит! Давай кино!»¹⁵.

На протяжении 1920-х гг. «культурный менеджмент» советской власти был направлен на воспитание у людей чувства коллективизма, маркера нового человека¹⁶. Это обусловило возникновение новых форм клубной работы. В клубах для рабочих проходили так называемые семейные вечера. Идея мероприятия заключалась в том, что рабочие приходили в клуб вместе со своими семьями. В этот вечер культработники не проводили мероприятий познавательного характера (лекций, докладов и т. п.). Культурная программа подобного заурядного семейного вечера отражена в отчетной документации Харьковского паровозостроительного завода. Во время проведения семейных вечеров члены кружков самодеятельности устраивали в клубе концерт¹⁷. Материалы периодической печати свидетельствуют о возможности проведения во время таких вечеров шахматно-шашечных турниров, театральных постановок¹⁸. Организация семейных вечеров иллюстрирует стремление власти перенести практику проведения досуга в круг семьи из приватной сферы в публичную.

Советская власть на протяжении 1920-х гг. вела активную борьбу с социальными болезнями (пьянством, хулиганством), которые давно укоренились в повседневной жизни рабочих. По мнению партийных деятелей, одним из инструментов их искоренения должны были стать клубы для рабочих, «центры пролетарской культуры»¹⁹. На профсоюзных конференциях клубных работников звучали призывы организовать работу клубов таким образом, чтобы пролетарии не шли отдыхать в пивную. Профсоюзные организации для этой цели разрабатывали ряд мероприятий по вовлечению рабочих в клубы и красные уголки в дни зарплаты²⁰. При этом продажа алкогольных напитков часто осуществлялась непо-

---

¹⁵ Нам А. Работу клубов — под контроль рабочих // Харьковский пролетарий. 1928. 16 декабря. С. 3.

¹⁶ Керженцев П. Человек новой эпохи // Революция и культура. 1927. № 3–4. С. 19.

¹⁷ ГАХО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 54. Л. 90.

¹⁸ Сжатые итоги посещения заводов «ВЭК» и «Серп и Молот» // Культработник. № 1. С. 21.

¹⁹ Каким должен быть рабочий клуб. Доклад Н. Крупской на всеукраинском съезде клубных работников в Харькове. 1925. 30 сентября. С. 3.

²⁰ Отчет Харьковского окружного совета профсоюзов к VIII окружному съезду профсоюзов. Харьков, 1928. С. 103.

средственно в клубах. Так, в клубе имени П. Моисеенка, расположенном на окраине Харькова, драки и скандалы были привычным делом для посетителей его буфета. 75 % членов клуба являлись рабочими промышленных предприятий города. Не удивительно, что в местной прессе постоянно печатались статьи об эпизодах пьянства и хулиганства рабочих, происходивших именно в клубах. Представители руководства клубов не предпринимали попыток изменить ситуацию, поскольку, как следует из источников, и сами нередко злоупотребляли спиртным. Наверно, именно поэтому, когда часть рабочих инициировала перевыборы правления клуба, большинство его членов высказались в поддержку действующей администрации²¹.

Итак, можем утверждать, что советская власть на протяжении 1920-х гг. придавала огромное значение клубам для рабочих как институтам популяризации социально-политических идей нового быта, воспитания нового человека. Клубы должны были стать местом проведения специфических ритуалов нового общественного строя («красные» свадьбы и т. п.), посредником между политическими лозунгами и миром повседневности рабочих. Именно с помощью таких акций власть стремилась укоренить в общественном сознании представление о социальных практиках, которые являлись маркерами поведения нового советского человека.

---

²¹ Почему скучно в клубах? // Харьковский пролетарий. 1928. 18 декабря. С. 3.

Мухаматулин Тимур

Институт российской истории РАН
младший научный сотрудник
tmukhamatulin@gmail.com

«ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ САМОЛЕТЫ В ИСПАНИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ АРМИЯ — ЭТО НАША АРМИЯ И НАШИ САМОЛЕТЫ»: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Крупнейший вооруженный конфликт межвоенной Европы — Гражданская война в Испании (1936–1939) — не мог не найти отражения в массовом сознании советского общества. Однако долгое время эта тема оказывалась за пределами изучения: советские исследователи фокусировали внимание лишь на внешних проявлениях «международной пролетарской солидарности» с народом «героической Испании»¹. Их зарубежные коллеги до 1970-х гг., находясь в русле тоталитарного подхода, рассматривали советское общество как монолитную структуру, в которой не могло существовать никакого общественного мнения. Однако затем, по мере формирования так называемого «ревизионистского» подхода, ситуация изменилась².

Реакция обычного советского человека в первую очередь нашла отражение в специальных сводках о настроениях, которые формировались местными органами НКВД и партийными структурами. Эти документы труднодоступны для исследователя, но, несмотря на кажущуюся эклектичность, определенные представления о мнении «пассивного большинства» получить по ним можно. Помогают в этом и документы Политического управления РККА, которое контролировало «политико-моральное состояние» советских солдат — как находившихся в Испании, так и служивших на территории СССР.

Несмотря на то что в подобных документах внимание создателя сводок зачастую концентрируется на «отрицательных настроениях», поло-

---

¹ См., например: *Львунин Ю.А.* Интернационализм в действии: интернациональные связи советского рабочего класса в годы социалистического строительства. М., 1985. В этой монографии солидарности с Испанией посвящена целая глава.

² Подробное, хотя и несколько пристрастное описание становления ревизионизма как подхода к изучению советской истории см. *Fitzpatrick Sh.* Revisionism in retrospect: a personal View // *Slavic Review*. 2008. Vol. 67. N 3. P. 682–704.

жительные суждения, указанные в сводках, также демонстрируют реальные мнения людей — поскольку информационные сводки, как правило, шли под грифом «секретно», разнообразные пропагандистские задачи перед их авторами не ставились.

Опираясь на их анализ, можно утверждать, что массовая поддержка советскими людьми событий в Испании не была пропагандистским мифом. Нет никаких сомнений, что беспартийная работница мармеладной фабрики в Ленинграде Ларичева искренне говорила, что «испанский народ — это наши братья по классу, и им надо помочь в борьбе», а стахановец Вохромеев «с нетерпением ждал газеты», а затем вносил 20 рублей в фонд помощи³.

Появление подписных листов вызывало энтузиазм, люди массово расставались с деньгами. Это также стало поводом для недопонимания и, возможно, мошенничества. Так, например, в декабре 1937 г. «поп в Каланчевском сельсовете Макаровского района (Московская область) решил “открыть” церковь, давно переоборудованную под кино. В этих целях он пустил среди колхозников подписной лист сбора средств, якобы “детям республиканской Испании”. Когда быстро набрались сотни подписей, поп изменил заголовок листа на “список верующих, ходатайствующих на основании ст. 124 новой Конституции перед Советской властью об открытии новой церкви”»⁴.

О массовом принятии этой поддержки говорит и то, что на митингах не желавшие участвовать в сборе средств зачастую меняли свое мнение. Например, осенью 1936 г. рабочий графитокорундового комбината в Кыштымском районе Попов заявил, что «нам во время революции никто не помогал, а поэтому и нам помогать кому-то не следует». Однако ему ответил токарь Архипов: «что мы фашисты что ли, давайте испанцам поможем... Мы передовая страна, на нас весь мир смотрит...», и это, по видимому, возымело действие⁵. Сравнения с Гражданской войной в России не случайны — ведь многочисленные параллели с событиями 1917–1922 гг. проводились в советской прессе, и сама кампания солидарности частично опиралась на эти лозунги⁶.

---

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА ИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2064. Л. 41–42.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1854. Л. 221.

⁵ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. С. 230.

⁶ Подробнее о взгляде на испанские события сквозь призму Гражданской войны

Несмотря на это принятие, многое в ситуации на Пиренейском полуострове для советского человека оставалось непонятным и вызывало множество вопросов. На партсобраниях на низовом уровне — в парторганизациях заводов — задавалось множество вопросов об Испании, о чем свидетельствуют заметки в рубрике «Обмен опытом» в специальном журнале Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) «Пропаганда и агитация». Можно выделить определенный круг вопросов, которые чаще всего волновали людей.

Например, рабочие спрашивали: «будет ли мобилизация добровольцев в Испанию? Можно ли записаться добровольцами и идти на помощь республиканцам в Испании?»⁷.

Но более популярным в массовом сознании был вопрос о достаточности помощи испанцам со стороны советского Союза — ведь в прессе не было никаких сообщений о советском военном вмешательстве в конфликт на Пиренеях. Так, рабочие машиностроительного завода № 7 заявляли, что «мы мало помогаем Испании продовольствием и одеждой. Испанскому народу нужно помочь другим, а именно — послать нашу продукцию, которую мы изготавливаем». Мало сомнений, что речь идет об отправке туда оружия. Некоторые, правда, догадывались, что на пароходах в Испанию плывет не только сгущенное молоко — в списке заданных вопросов был и такой: «Помогает ли СССР оружием Испанской республике нелегальным путем?». Иногда вопросы об этом выглядели риторическими: «Почему рабочих бьют, а мы терпим, нельзя ли послать туда какой-либо полк?».

Правда, можно заметить, что далеко не все пропагандистские идеи, которые транслировались властью, понимались и принимались массами. Так, можно утверждать уверенно, что идея о «демократии нового типа» в Испании не привилась, так как люди часто задавали вопросы о том, «что будет в Испании после победы республиканцев»⁸.

Зато общество усвоило идею, что Гражданская война — это война с фашизмом на чужой территории. Об этом говорили побывавшие «в командировке» солдаты. Например, командир башни танка Леонид Савич отмечает в конце своего отчета: «При возвращении на место прошу на-

---

в Испании см. Мухаматулин Т.А. «Мадрид 1936 года — это Петроград 1919 года» // Родина. 2011. № 6. С. 79–81.

⁷ Там же. Д. 2064. Л. 41–46.

⁸ ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2064. Л. 41–46. Впервые об этих сводках сообщает Ш. Фитцпатрик. (Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 1930-е годы. Город. М., 2008. С. 205).

править меня в школу комсостава, для того, чтобы я мог быть и дальше способен в (неразборчиво. — *Т.М.*) своей Родины»⁹. Эта идея звучала не только от солдат, рабочие Меркушов и Попов на строительстве Крымского моста говорили: «правительственные самолеты в Испании и правительственная армия — это наша армия и наши самолеты»¹⁰.

Советские солдаты в Испании, действительно, демонстрировали и другие советские стереотипы, касавшиеся как испанских событий, так и отношения к войне в целом. Например, лейтенант танкового взвода Беляев пишет, в полном соответствии с тезисом о войне «малой кровью на чужой территории»: «Мы ехали... на башне танка с открытыми люками (что было, как показывают документы, вообще-то советским танкистам категорически запрещено. — *Т.М.*) и чувствовали себя как на простом небольшом тактическом учении... Справа от нас двигалась наша пехота, которая очень мало напоминала о предстоящих боях...». Такие настроения были у людей в октябре 1936 г., когда бои уже шли в районе Мадрида¹¹.

Такое восприятие Испании как «близкой заграницы», объединение Испании и СССР в едином пространстве в массовом сознании носило не только позитивный характер. Некоторые люди считали, что у Испании и СССР общие беды — например, евреи. Так, например, рабочий Новиков «в разговоре с товарищами по работе доказывал: “В Испании жидов много, а потому рабочие и проигрывают, жида предают рабочих”». При том что людей с ярко выраженным еврейским происхождением в испанском правительстве в тот момент не было, ясно, что речь шла о переносе на Испанию советского антисемитского стереотипа.

Популярны были также опасения, что собранные деньги не пойдут по назначению. Так, рабочий одного из ленинградских заводов Сеньков переживает, что «деньги, которые собирают испанским рабочим, не дойдут до Испании, а разойдутся по карманам»¹².

Стоит, однако, заметить, что большинство «отрицательных суждений» об Испании *не носят политического характера*. Главная претензия их — экономическая, что приходится отдавать деньги на помощь испанцам. Часть рабочих считали, что это надолго и что дальнейшие сборы будут только добавляться к тому, что уже собирается сейчас. Рабочий

---

⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35082. Оп. 1. Д. 75. ЛЛ. 219, 232.

¹⁰ Голубев А.В., Поршинева О.С. Образ союзника... С. 234.

¹¹ РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 221. Л. 130.

¹² ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2064. Л. 45.

Трунов например, утверждал, что «скоро будет такая же волынка в Болгарии и тоже будут высчитывать, нечего будет получать рабочим»¹³. Некоторые рабочие пытались протестовать. Так, верстальщик Федоров на Печатном дворе «отказался от подписки», а рабочий Кампус сдал, но «проворчал: опять деньги». Рабочий мотального цеха на фабрике «Красное знамя» «член ВКП(б) в присутствии беспартийных сказал, что ничего на испанских рабочих не даст, “нам-то много не дают”, и, указав на ботинки, сказал: “я сам без сапог хожу”. А когда ему сборщик напомнил о Гражданской войне, он повернулся и сказал: “хочешь один рубль бери, а не хочешь — ничего не получишь”»¹⁴.

В данном случае обращает на себя внимание то, что подобное заявление было сделано «в присутствии беспартийных», что, очевидно, выглядело отягчающим обстоятельством.

Жаловались на поборы не только рабочие, но и служащие. В Сельскохозяйственном музее Ленинграда у служащих были нарекания, «почему собирают по подписному листу дополнительно, когда уже ранее отчислили полудневный заработок»¹⁵. А секретарь начальник АХО «Печатного двора» Червенская на предложение подписаться ответила: «Пусть подохнут, кто нам будет помогать»¹⁶.

Некоторые возмущались составом продовольственных посылок: «Твои дети не видят шоколада и масла, а мы испанским рабочим посылаем», — говорила работница мотальной фабрики Серегина. В разговорах на испанские темы проблема голода вообще поднималась часто и была очень острой. Так, на одном собрании работница Кулицкая мало того, что сказала: «вот теперь нам навязывают испанских ребят, здесь сделали всех голодными, хотят, чтобы и там были все голодные», но также ушла с собрания и увела с собой еще трех работниц¹⁷. В хлебных очередях во время кризиса с продовольствием осенью-зимой 1937 г. также гулял слух о том, что весь хлеб из страны вывезли в Испанию¹⁸.

Конечно, были и политические аспекты недовольства ситуацией в Испании. Иногда неудачный ход войны в Испании становится еще одной

---

¹³ По-видимому, поводом для таких суждений стало появление в октябре 1936 г. в центральных газетах сообщений о готовящемся перевороте в Болгарии, см. Правда. 14.10.1936. С. 5.

¹⁴ ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2063. Л. 82–83.

¹⁵ Там же. Д. 2064. Л. 3.

¹⁶ Там же. Д. 2063. Л. 82.

¹⁷ Там же. ЛЛ. 45–47.

¹⁸ *Осокина Е.А.* За фасадом сталинского «изобилия». М., 2001. С. 269.

причиной для недовольства у разочарованных людей. Студент Финансово-экономического института Трофимов, видимо, скептически относился ко всему, и поражения республиканцев лишь добавляли ему неприязни к действительности, судя по тому, в какой ряд они поставлены: «У нас свободы нет, какая может быть свобода, если нельзя уехать за границу. За границей рабочие живут хорошо, лучше нашего одеты. Советским патриотом я не буду. Как единый фронт в Испании не борется, все же мятежники в Мадриде. Женщина в работе не заменит мужчину. Она как была ничтожное существо, так и осталась»¹⁹.

Стоит заметить, что испанские события становились иногда поводом для критики власти «справа». Так, бухгалтер спичечной фабрики Музалев отмечал, что «фашисты уже не настолько глупы, как о них думают. Они, пожалуй, поумнее нас, и в Испании они едва ли не победят. Ведь кричали тогда, что Абиссинию не победит Италия, ... а в результате этого видим, что Абиссинию прибрали к своим рукам, тоже получится и с Испанией, а там возьмется и за других...». Его земляк, некий гражданин Немченко, считал, что «после победы в Испании Германия, Италия и Япония пойдут на Россию и уничтожат коммунистов, и будет конец Советской власти»²⁰. Картины современной жизни в СССР заставили колхозника из Днепропетровской области при изучении «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» заметить, что «Если бы рабочие Испании знали, как мы живем, они не боролись бы за свободу»²¹. Ленинградский рабочий утверждал, что «если в СССР раздать оружие, 50–60 % рабочих пошли бы против Советов»²². В результате любое упоминание фашизма или его символов, — например, свастики, — становилось делом с «политическими последствиями». Более того, на местном уровне партийные и комсомольские руководители боялись этого слова как огня. Например, когда в Бакинском военном училище курсант Сергеев сказал, что «если германский и итальянский фашизм объединятся, то они могут задушить рабочий класс Испании», реакцией на это последовало его исключение из комсомола с формулировкой ««За поддержку германского и итальянского фашизма и неверие в силы рабочего класса Испании». Правда, на более высоком уровне эта позиция была охарактеризована как «извращение», но боязнь любого положительного упоминания о фашизме со стороны

---

¹⁹ ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2063. Л. 57.

²⁰ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника... С. 231.

²¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1854. Л. 210.

²² Там же.

местных партийных и комсомольских деятелей эта история показывает очень четко²³.

Критика «слева», то есть обвинения в «предательстве» Испанской республики, звучала крайне редко. Так, беспартийный рабочий Шварц (с механического завода «Вулкан») говорил, что «Советское правительство вошло в соглашение с другими правительствами и комитетом о невмешательстве прикрывается как ширмой», но такие мнения были редки.

Изучение общественного мнения «пассивного большинства» показывает, что советское общество в массе приняло те идеологические установки по поводу событий в Испании, которые транслировались властью. Основные отрицательные отклики не носили политического характера, а были вызваны экономическими причинами — нехваткой продуктов питания, низкими зарплатами.

Изредка можно столкнуться с политической критикой режима «справа». Поражение республиканцев виделось как начало крушения коммунистической власти в целом. Однако это говорит лишь об укоренении и массовом принятии идеи о близости Испании и СССР, о сходстве их революций, а следовательно — о том, что пропагандистский проект «присоединения Испании» оказался успешным.

---

²³ РГВА. Ф. 9. Оп. 34. Д. 2. Л. 14.

Перлиев-Цюрхер Нина

Цюрихский университет
Институт восточноевропейской истории, аспирантка
nina.zuercher@bluewin.ch

СОВЕТСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ 1930-Х ГГ. — ЗАРОЖДЕНИЕ, ПРОСЛАВЛЕНИЕ, ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Исследователи сталинского периода истории СССР со временем изменили точку зрения на события этого времени, и с наступлением ревизионизма внимание все более фокусировалось в основном на коллективах внутри сталинского общества¹. Далее речь пойдет о коллективе в самом широком смысле этого слова: о так называемой «технической интеллигенции»². Ограничение техническими специальностями основывается на том, что профессия инженера во время первых пятилеток являлась одной из самых популярных и что советское правительство сильно способствовало образованию технического специалиста³.

После революции 1917 г. отношения большевиков с интеллигенцией оказались амбивалентными. Время между 1922/1923 и 1928 гг. отличалось взаимными компромиссами: представители интеллигенции находили способы договариваться с правительством и пользовались в большинстве случаев признанием благодаря своим профессиональным знаниям⁴. К тому же многие инженеры в первое время одобряли государственное планирование экономики⁵. Несмотря на более или менее ста-

---

¹ *Hildermeier M.* Revision der Revision? Herrschaft, Anpassung und Glaube im Stalinismus // *Hildermeier M.* Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg. Neue Wege der Forschung. München, 1998. S. 29.

² Термин «интеллигенция» лишь с трудом определяется и не представляет точных предел значения. В зависимости от того, в связи с каким историческим периодом он употребляется, оборот может охватывать более узкое или широкое значение. Чтобы избежать недорозумений, мы используем термин исключительно по отношению к лицам, получившим образование в высшем учебном заведении.

³ *Schattenberg S.*, Stalinismus in den Köpfen. Ingenieure konstruieren ihre Welt // *Geschichte und Gesellschaft* 30. 2004. S. 94–117.

⁴ *Beyrau.* Intelligenz und Dissens. S. 39.

⁵ *Schattenberg S.* Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren, München, 2002. S. 73; *Mick Ch.* Wissenschaft und Wissenschaftler im Stalinismus // *Plaggenborg, S.* Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte. Berlin, 1998. S. 356.

бильную ситуацию, режим пытался подчинить буржуазную интеллигенцию и перевоспитать ее представителей. Однако среди старой интеллигенции не получилось найти большого количества приверженцев новой власти. В 1928 г. из приблизительно 47000 инженеров только 128 были членами партии⁶, поэтому Сталин видел в представителях интеллигенции угрозу и требовал, чтобы коммунисты приобрели технические знания с целью устранить противоположность между «красными» и так называемыми «экспертами»⁷. Основной задачей в культурной сфере и в гуманитарных науках являлось приспособление к идеологическим, постоянно меняющимся директивам⁸. Сверх того, способы выражения стандартизировались. Творческая индивидуальность отсутствовала — видимо, из-за внутренней и внешней цензуры⁹. Репрессии против старых специалистов были разными — начиная от простых политических нападков, заканчивая показательными судебными процессами¹⁰. Профессиональные знания образованного слоя населения разрешалось использовать только в пользу государства и под сильным, строгим и социальным контролем.

Репрессии сопровождалась реорганизацией системы образования. Впоследствии в разных высших учебных заведениях, в том числе и в Академии наук, многих сотрудников уволили или арестовали и заменили членами партии. С 1929 по 1933 гг. в многочисленных высших учебных заведениях проводили реорганизации и осуществляли структурные изменения с целью прикрепить учебные и научные центры к производству и использовать образовательные учреждения как плацдарм для политической агитации. К осуществлению этих намерений не всегда приступали согласованно и координированно, что приводило иногда к хаосу в сфере образования. Из-за постоянных политических агитаций научная деятельность чуть ли не остановилась вовсе.¹¹ В реорганизацию также входила работа по массовому формированию студентов и научной смены — в основном из необразованных слоев, чтобы создать новое поколе-

---

⁶ *Beyrau D.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1991. S. 39.

⁷ *Fitzpatrick S.* Stalin and the Making of a New Elite, 1928–1939 // *Slavic Review*. 38/3. 1979. P. 380.

⁸ *Beyrau D.* Die russische Intelligenz in der sowjetischen Gesellschaft // *Geyer D.* Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Göttingen, 1991. S. 193.

⁹ Там же. S. 197.

¹⁰ Там же S. 77.

¹¹ *Beyrau.* Intelligenz und Dissens... S. 73–75.

ние интеллигенции, которое могло заменить окончательно старых специалистов. В 1934 г. доля студентов пролетарского и крестьянского происхождения, так называемых «выдвиженцев», составляла 65 %¹².

В процессе массового формирования студентов также возникла идея создать новый тип инженера. Этот новый инженер должен был обладать не только необходимой компетенцией, но и мировоззрением большевиков. Идеальный представитель нового инженера имел пролетарское происхождение, готов был полностью отдаться работе и строительству социализма.¹³ Задачи новых инженеров были и технической, и политической природы. Интересы новой технической интеллигенции обязательно должны были совпадать с интересами партии и руководства страны. Другой важной характеристикой, которой должны были обладать новые технические специалисты, являлась манера «восторженно» работать. Предполагалось, что инженеры, словно солдаты на фронте, полные энтузиазма боролись за новые технические достижения («инженеры... будут работать на фронте строения социализма» — сказал В.М. Молотов на V съезде ВКП(б) в 1937 г.)¹⁴. Новый, идеальный инженер, таким образом, имел значительную роль в осуществлении социалистической утопии, но в то же время оказывался и ее продуктом. Он стал не только «изобретателем» в технической сфере, но и строителем новой страны, нового поколения¹⁵. Инженерам отводилось главное место в конструкции социализма, что привело к тому, что технические специалисты приравнивались к новым героям Советского Союза. Пропагандировалась картина выбритого, хорошо одетого инженера, который тем не менее всегда был готов браться за труд и не боялся грязных рук¹⁶.

Но насколько совпадал распропагандированный облик нового инженера с реальностью? Молодые женщины и мужчины в большом числе последовали приглашению партии на учебу. У многих было сильное стремление к знаниям и цель стать после окончания учебы «новым человеком». Во время первой пятилетки, однако, учебные программы и требования к новым инженерам складывались противоречиво и подвергались постоянным изменениям. Сталин и верхушка партии сошлись на том, что государство нуждается в высококвалифицированных инжене-

---

¹² Там же S. 76.

¹³ Там же.

¹⁴ *Lampert N., The Technical Intelligentsia and the Soviet state. A Study of Soviet Managers and Technicians 1928–1935. London, 1979. P. 48–49.*

¹⁵ *Schattenberg. Stalins Ingenieure...* S. 11, 140.

¹⁶ *Schattenberg. Stalinismus in den Köpfen...* S. 96.

рах. Но вопрос о том, какое именно обучение должны были получать будущие эксперты — специализированное и целенаправленное или более общее — остался нерешенным. Вследствие этих бесконечных споров учебные планы все время менялись, и прежние формы образования воспринимались как устаревшие¹⁷. Кроме того, в общежитиях и аудиториях не хватало мест для такого количества новых студентов. Недостаточно квалифицированные профессора и, вообще, недостаток преподавателей, учебного материала и лабораторного оборудования препятствовали хорошему обучению¹⁸. К тому же нельзя упускать из виду, что студенты, только являясь членами комсомола или даже партии, имели шансы на хорошее место работы после окончания учебы (между 1929 и 1933 гг. 56–71 % студентов были комсомольцами или членами партии).¹⁹ Это означало нередко большую дополнительную нагрузку, так как участие в обязательных мероприятиях занимало много времени.

Из-за большого недостатка инженеров большинство новых специалистов первой пятилетки отправляли сразу после окончания учебы на предприятие или даже заставляли уйти из института до диплома. В большинстве случаев выпускники с большим энтузиазмом приступали к выполнению планового задания и к разработке новых достижений. Но молодые инженеры оказывались перед сложной задачей индустриализировать за очень короткий срок целую страну²⁰. Работая на предприятии, они испытывали большое давление, к которому во время учебы их готовили лишь в недостаточной мере или не готовили вообще²¹. Ситуация осложнялась еще тем фактом, что многие техники получили плохое или только частичное образование. Проблемы, возникшие при осуществлении пятилеток, были огромные. С одной стороны, было необходимо относиться небрежно к качеству, если новые эксперты хотели достичь высоко поставленных целей. С другой стороны, государством были установлены регулярные проверки качества. В то же время от новых инженеров требовалось придерживаться предписаний о стандартах и нормах. При нарушении им грозило строгое наказание, в худшем случае тюремное заключение²². Тем не менее в середине 30-х гг. уровень жизни

---

¹⁷ Schattenberg. *Stalins Ingenieure...* S. 152–157.

¹⁸ Там же. S. 152–157; *Bailes K., Technology and Society under Lenin and Stalin. Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941.* Princeton, 1978. S. 222.

¹⁹ *Bailes. Technology and Society...* S. 252–255.

²⁰ *Schattenberg. Stalins Ingenieure...* S. 209.

²¹ *Bailes. Technology and Society...* S. 265.

²² Там же. S. 300.

инженеров был относительно высоким. Представители технической интеллигенции пользовались разными привилегиями, ибо советским правительством все еще признавались их успехи и важная роль в строительстве социализма²³.

Большинство «выдвиженцев», учившихся во время первой пятилетки, делали карьеру и извлекали выгоду из большого террора следующих 1937–1938 гг. в том смысле, что они могли занимать освободившиеся массовыми репрессиями и политическими преследованиями рабочие места²⁴. Несмотря на большое стремление руководства СССР (репрессии и массовое формирование), полностью уничтожить старую интеллигенцию не вышло. В науке и некоторых технических областях старые специалисты были незаменимы, и нередко новое поколение брало пример со старых инженеров²⁵. Через некоторое время как старые, так и новые эксперты стали подозрительными для правительства, и положение многих инженеров снова ухудшалась: чтобы объяснить проблемы второй пятилетки, понадобились виноватые. Пропаганда формировала представление об инженере как об идеологическом противнике. Достижение Стаханова и следующее из него стахановское движение создавали нового героя — стахановца. Работа инженера перестала быть престижной, он теперь действовал в качестве прислужника стахановца, чтобы тот мог совершать свои подвиги. В случае если инженер отказывался подчиняться, что, должно быть, происходило нередко, его запросто обвиняли в контрреволюционной деятельности. Показательный судебный процесс против 11 старших инженеров в январе 1937 г. стал началом массовых арестов среди технических специалистов²⁶. Официальным основанием арестов послужили обвинения в саботаже или шпионской деятельности. Однако, на самом деле, сталинские чистки проводились в соответствии со списками, т. е. по установленным квотам²⁷. Донесение на коллег часто являлось единственным способом доказать собственную невинность. Кроме того, некоторые пользовались ситуацией, чтобы очистить путь вверх и ускорить карьеру.

В конце 1938 г. период большого террора закончился, и положение инженеров опять резко поменялось. Технические профессии по-насто-

---

²³ *Schattenberg*. *Stalins Ingenieure...* S. 288; *Mick*. *Wissenschaft und Wissenschaftler...* S. 355.

²⁴ *Fitzpatrick*. *Stalin and the Making...* S. 398.

²⁵ *Beyrau*. *Intelligenz und Dissens...* S. 79.

²⁶ *Schattenberg*. *Stalins Ingenieure...* S. 362.

²⁷ *Ibid.* S. 365.

ящему снова «открыли», и советское правительство вновь начало содействовать получению инженерного образования²⁸.

Подводя итоги, можем констатировать, что молодые инженеры — хотя бы в начале профессиональной деятельности — отличались манерой работать с полным энтузиазмом. Вопреки эйфории, непомерно установленные задачи и плохое качество образования мешали инженерам соответствовать требованиям. Если учесть трудности в выполнении плановых заданий и давление накануне большого террора, кажется сомнительным, что инженеры могли уделять времени еще и политическим обязательствам. Участие инженеров в перевоспитании общества ограничивалось, скорее, донесением на коллег. Так называемый *новый инженер* создавался и обучался в ходе первой пятилетки, но только после репрессий 1937–1938 гг. окончательно получил признание. В 30-х гг., пожалуй, никакую другую профессиональную группу не встречали с таким восторгом и в то же время так сильно не преследовали, как инженеров²⁹.

---

²⁸ Schattenberg. *Stalins Ingenieure...* S. 398.

²⁹ Ibid. S. 97–98.

Резник Александр

Европейский университет в Санкт-Петербурге
факультет истории, слушатель, 3 курс
Санкт-Петербургский институт истории РАН, аспирант
areznik@eu.spb.ru

ЛЕВ ТРОЦКИЙ И ДИСКУССИЯ О «НОВОМ БЫТЕ» В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ 1923–1924 ГГ.

12 июля 1923 г. Л.Д. Троцкий, народный комиссар военно-морских дел, председатель Реввоенсовета и член Политбюро ЦК РКП(б), распорядился «послать во все газеты» небольшое письмо под заголовком «Вопросы быта». В органе Центрального и Московского комитетов партии, газете «Правда», объявление появилось в тот же день. Это был не просто анонс выходящей «на днях» книги, посвященной «вопросам рабочего быта и коммунистического “культурничества”»¹; высказывание носило явно перформативный характер — автором была обозначена цель: сделать эти вопросы «предметом широкого организованного обсуждения — прежде всего в нашей собственной партии». Немаловажно, что призыв Троцкого был обращен персонально к читателям, а не к институциям, что выстраивало более тесную intersубъективную связь: «Я очень прошу товарищей, которые заинтересуются поднятыми в книжке вопросами, а также и другими, родственными и смежными темами, присылать мне имеющиеся в их распоряжении материалы и соображения, не стесняясь формой изложения»².

Важно, что большинство материалов, вошедших в книгу, публиковались также на страницах «Правды» начиная с 10 июля, когда появилась статья «Не о “политике” единой жив человек». Статьи Троцкого содержались в нескольких последующих номерах главной партийной газеты,

---

¹ *Троцкий Л.* Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М., 1923.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4 (Управление делами НКО). Оп. 14. Д. 13. Л. 106. Секретарь отправил письма в редакции «Известий ЦИК...», «Правду», «Рабочую газету», «Рабочую Москву», «Бедноту», «Труд», «Гудок», «Экономическую жизнь», «Дар эмес», московское отделение «Петроградской правды» и Российское телеграфное агентство (Там же. Л. 107). Предположительно газеты не могли проигнорировать просьбу Троцкого, однако факт отказа какой-нибудь из них мог бы стать «симптомом» разгоравшегося внутривнутрипартийного конфликта.

что не могло не «прочитываться» как знак новой кампании. Размечалось пространство политической коммуникации.

Если Троцкий был в первую очередь политиком, в чем была политико-практическая прагматика издания книги о быте? Как это ни странно, но даже советские партийные историки, специализировавшиеся на всестороннем «разоблачении» «троцкизма», не рассматривали вопрос в этой плоскости³. Осенью 1922 г. Троцкий, по собственным словам, заключил с В.И. Лениным «блок для борьбы с бюрократизмом вообще и против Оргбюро [ЦК РКП(б)] в частности», в первую очередь с «тройкой» И.В. Сталина, Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева. Но к лету 1923 г. стало очевидно, что в вялотекущем противостоянии с оппонентами Троцкий и его сторонники теряют позиции. В то же время разгорался экономический кризис, в условиях которого особенно остро переживался конфликт между «верхами» и «низами» партии, отсутствие «внутрипартийной рабочей демократии» на фоне «бюрократизма». Борьба в «верхах» развернулась в октябре, а в ноябре-декабре в нее были вовлечены и «низы» — началась дискуссия о «внутрипартийном положении»; к Январскому пленуму ЦК 1924 г. и смерти Ленина она завершилась поражением оппозиционеров⁴. Внутрипартийный режим, установившийся после X съезда в 1921 г., сделал фактически невозможной «свободу слова» для коммунистов даже в области обсуждения положения в партии. Троцкий, по образному выражению его наиболее известного биографа, «превратил борьбу за власть в борьбу за “душу” революции, и тем самым придал новые измерения и новую глубину тому конфликту, в котором участвовал»⁵. Представляется, что дискуссия по вопросам быта могла выполнять форму как замены, так и «разведки», подготовки пространства к дискуссии политической.

Троцкий также был одним из наиболее талантливых публицистов партии. На третьем году отдыха от полномасштабной гражданской войны его публицистическая активность возросла. Среди прочих книг и брошюр особенно примечательным, в контексте «Вопросов быта», было появление книги «Литература и революция», содержавшей, наряду с

---

³ См., например: Павлов В.С. Борьба Коммунистической партии против троцкизма по вопросам культурного строительства (1921–1927 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1986.

⁴ См. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы. 1923. М., 2004; Классическое и актуальное исследование: Carr E.H. The Interregnum: 1923–1924. London, 1954.

⁵ Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929 гг. М., 2006. С. 182.

прочим, полемику по вопросам «пролетарской культуры». Не случайно, что Троцкий посвятил ее своему личному другу Христиану Раковскому, незадолго до того снятому «тройкой» с поста главы правительства Украины и назначенному послом в Великобританию. Примечательно, что 12 июля 1923 г. Политбюро предложило редакции «Правды» не публиковать «дискуссионных статей по вопросу о [свободной] продаже водки», главной причиной чему послужила публикация статьи Троцкого по этому вопросу, также вошедшей в книгу о быте⁶. Статья Раковского «Вырождение нэпа» на эту же тему была запрещена к печати по распоряжению секретаря ЦК⁷. 27 июля из редакции «Правды» решением Политбюро был выведен крупнейший сторонник Троцкого Е.А. Преображенский, потребовавший «всестороннего и публичного обсуждения вопроса» о водке⁸.

Существует как минимум один документ, демонстрирующий политическую прагматику решения Троцкого заняться «литературой». 2 февраля 1923 г. Д. Светлов, член правления клуба 1-го МГУ, объединявшего рабфак, медфак, факультет общественных наук и физмат, четко аргументировал практическую значимость вопроса в своем письме к Троцкому: «Проводник идеологии *литература* (это не единственный, но важный) в наше нынешнее время путает нас часто и даже сбивает с толку. Кроме того, в искусстве почти такое же положение. <...> Нам необходима ваша одна лекция “О новой литературе”. Она нам уже ясно покажет физиономию свою» (так в тексте)⁹. Если дискуссия в области литературы могла увеличить популярность Троцкого в среде коммунистической и даже беспартийной интеллигенции, то вопросы быта интересовали более широкую аудиторию: «советские» массы всех национальностей. Так, Троцкий откликнулся на просьбу Центриздата Народов Востока написать предисловие к татарскому изданию своей книги¹⁰. В предисловии к первому изданию Троцкий отметил, что книга «ни в коем случае не есть популярная брошюрка, мысль о которой явилась исходной точкой работы», но «предназначается в первую голову для членов партии, для руко-

---

⁶ См. РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 123–124; *Троцкий Л.* Водка, церковь и кинематограф // *Правда.* 1923. 12 июля.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 607. Л. 80–86.

⁸ РКП(б): Внутрипартийная борьба в двадцатые годы... С. 124.

⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 15. Л. 131.

¹⁰ Там же. Д. 54. Л. 33; *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. XXI. Культура переходного периода. М.; Л., 1927. С. 365.

водящих элементов в профсоюзах, в кооперативах и культурно-просветительских организациях»¹¹. Уже 9 сентября, в предисловии ко второму изданию, дополненном новыми статьями, Троцкий поблагодарил «откликнувшихся на мой призыв о присылке своих замечаний, предложений и других материалов...». Примечательно и замечание автора, что его работа «может иметь лишь коллективный характер — все более и более широкого захвата»¹².

Если верить одному из авторов письма, Троцкий дал импульс коммуникации на эту тему даже до публикации анонса. «Вопрос от “старого к новому” стал очередным во всех областях», — начал свое письмо С. Шадунц из г. Шуша (Нагорный Карабах), обозначивший свою причастность к обкому Азербайджанской компартии. Постскриптом он добавил: «Письмо это было уже готово, когда прочел в “Правде” от 18-го июля в № 159 (следовательно, через 13 дней после того, как оно появилось). Материал имеется достаточный, но он будет касаться народов и парторганизаций Закавказья. Если угодно будет, можно писать...»¹³

Иллюстрацией практических результатов обращения Троцкого является письмо «организатора рабкоров по Грозненскому району». Уже 25 июля он сообщал, что теперь рабкоры «лихорадочно торопились» восполнить «пробел» в деле более внимательного изучения рабочего быта: в частности, «организатор» отправил «дневники рабочих», собранные за две недели¹⁴. В данном случае можно оставить за скобками дискуссию о том, были ли в 1923 г. рабкоры подлинными выразителями настроений «низов»¹⁵. Действия этого или другого «организатора» могли определяться сугубым прагматизмом или даже «карьеризмом». Обретение могущественного патрона — привлекательная цель, тем более что создание такой формы патрон-клиентских отношений, как «шефство», могло прямо ассоциироваться с Троцким¹⁶. Как бы то ни было, рабкоры сочли необходимым откликнуться на импульс, заданный наркомвоенмором¹⁷.

---

¹¹ Троцкий Л. Вопросы быта. С. 4.

¹² Троцкий Л. Вопросы быта. 2-е изд. М., 1923. С. 3.

¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 23, 25.

¹⁴ Там же. Л. 101–102.

¹⁵ См. Hicks J. From Conduits to Commanders: Shifting Views of Workers Correspondents, 1924–1926 // *Revolutionary Russia*. Vol. 19. N 2. 2006. P. 131–150.

¹⁶ Stone D.R. Shefstvo: Lev Trotsky and the military origins of revolutionary patronage // *Revolutionary Russia*. Vol. 19. N 1. 2006. P. 21–36.

¹⁷ См. Правда. 1923. 24 июля.

29 июля состоялось совещание «по вопросам быта» при журнале «Коммунистка», центральном органе отдела работниц ЦК РКП(б), на котором высказывались студентки, работницы и служащие, в том числе беспартийные. Были приняты решения разработать и распространить анкету для исследования быта, осветить содержание совещания в печати, а также созвать совещание при журнале для обсуждения книги Троцкого¹⁸. А в Баку комсомольцы, вдохновившись статьей Троцкого, организовали «диспут о борьбе с руганью», продолжавшийся два дня¹⁹.

Коммуникация с Троцким выстраивалась и по традиционным лекалам «пишем во власть»²⁰. Кто-то мог увидеть в Троцком политика, способного практически изменить привычный уклад жизни. Так, «с искренним рабочим приветом», петроградец П. Филиппов, перечислив ряд предложений, выплеснул эмоции: «Хотелось бы все верх дном перевернуть, чтобы нам жилось лучше. И хочется воскликнуть вам в Москву: тов. Троцкий, Красный Генерал Великой Республики! Ты должен нам помочь улучшить нашу жизнь! Нам надоела нищета, наша отсталость, долой их к черту. Мы заслужили лучшую жизнь. Ведь правда заслужили? Ответь и преврати наши мысли в дела!»²¹.

Я. Трахтман из Саратова предложил включить свое стихотворение в книгу Троцкого «в виде вступительного агитклича»:

Контр-революция бита?
 Бита.
 Тиф? Бит.
 Голод? Бит.
 Ну, а как относительно быта?
 Быт?
 Быт забыт.
 Красное знамя
 Над нами
 Мается,
 В красное красит завод...
 А извозчик ругается?
 Ругается.
 А грузчик пьет?
 Пьет.

¹⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 91–93.

¹⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 140.

²⁰ См. *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010. С. 22–43.

²¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 96–97.

<...>

Молот наш все дробит.

Выкинем лозунг:

“На фронт быта.”

И быт

Будет

Бит²².

Примечательно то, что призыв Троцкого был «прочитан» искаженно — как мобилизация на очередной «фронт» борьбы, в то время как автор «Вопросов быта» не использовал риторику эпохи «военного коммунизма». Но, так или иначе, определенная часть «активистов» вовлеклась в коммуникацию.

Прислали Троцкому примечательную журналистскую зарисовку конкретного заседания домового комитета²³. Еще один беспартийный, не забывший, правда, упомянуть свое пятилетнее пребывание в РККА, «преклоняясь перед... гением» адресата, описывал ужасы проституции в Орехо-Зуевском²⁴. Отложилось в архиве и письмо беспартийного петроградского пекаря И.Г. Ларионова, «сознательного», говоря языком эпохи, указавшего на изъяны партийной системы. Копия письма была отпечатана секретарями на машинке, как будто под влиянием его собственных строк: «Может, все сказанное мною покажется бессмысленным Вашим секретарям, которые, вероятно, раньше Вас прочитают это письмо и вместо того, чтобы передать его Вам, бросят его в корзину, но тот прохвост, который осмелится сделать это, пусть помнит, что он совершает преступление против тех, кому не так-то тепло и сладко живется на Руси». Свое письмо пекарь начал с заверения в своей преданности «Советской власти» словами: «За резкость прошу извинить и врагом не считать...»²⁵. Впрочем, Троцкий просил «присылать... соображения, не стесняясь формой изложения».

Заслуживает внимания письмо, автор которого объяснял его анонимность тем, что это его «первый литературный опыт». В действительности, как представляется, «опыт» являлся всего лишь проявлением желания быть вовлеченным в процесс «борьбы за быт». Автор подчеркивал:

---

²² РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 18. Л. 26, 27.

²³ Там же. Л. 146–150.

²⁴ Там же. Л. 159–160.

²⁵ Там же. Л. 18.

«В прошлом я три года был в Красной Армии... занимал военно-политические должности. Сейчас я учусь и служу»²⁶.

Как видно из этих писем, определенный коммуникативный процесс был запущен, и это привлекло внимание противников Троцкого. На Октябрьском пленуме ЦК, когда борьба в «верхах» была в разгаре, кто-то затронул и публицистическую активность оппозиционера. «Я отнюдь не вижу причин оправдываться перед партией в том, что использовал два летних отпуска не только для лечения, но и для написания книг о литературе и быте», — заявил Троцкий²⁷.

Симптоматичным является и следующий факт: «...испуганный “нездоровым налетом” дискуссии, агитпроп Юго-Восточного бюро [ЦК] пошел по пути запрещения обсуждения вопросов быта. Циркуляром от 6 сентября 1923 г. объявлялось, что любая дискуссия могла проходить не иначе как под руководством “опытных товарищей”, хорошо изучивших брошюру Л. Троцкого»²⁸. Нельзя с уверенностью сказать, что это было явным проявлением фракционной борьбы, но бюро ЦК возглавляли Анастас Микоян и Климент Ворошилов — сторонники Сталина.

По той или иной причине, непосредственная политическая борьба «в верхах» разгорелась в конце сентября, и Троцкий полностью погрузился в нее. Если 21 сентября он рассказывает редактору журнала «Красная Новь», своему стороннику, о дискуссии с Н. Горловым о футуризме²⁹, то 1 октября он пишет пролеткультовцу В.Ф. Плетневу: «Благодарю за приглашение на читку пьес. К сожалению обстановка так круто изменилась, что я лишен возможности заниматься литературными вопросами»³⁰.

Ярким источником, демонстрирующим результаты политической коммуникации Троцкого, является его переписка с молодым поэтом А.И. Безыменским. Как свидетельствуют письма 6 и 11 января 1924 г., поэт являлся связующим звеном между лидером оппозиции и его сторонниками в комсомоле, одним из основателей которого он являлся. Троцкий поблагодарил Безыменского за документ, в котором известные

---

²⁶ Там же. Л. 145.

²⁷ РКП(б)... С. 241.

²⁸ Турицын И.В. Кадровая политика РКП(б) и периодическая печать (1921–1925 гг.). Армавир, 1998. С. 108.

²⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 54. Л. 185.

³⁰ Там же. Л. 160. Однако 30 октября Троцкий, по собственным словам, «продиктовал чуть-чуть не статью» Безыменскому о партийной политике в литературе (Там же. Л. 245–247).

активисты комсомола вступились за оппозиционера, и поместил его в качестве приложения в брошюре «Новый курс», опубликованной через несколько дней³¹.

Поддержка Троцкого в московской парторганизации, в особенности среди студентов-коммунистов, хорошо изучена³². Очевидно, он не мог не пользоваться той или иной симпатией со стороны «красной» интеллигенции вообще. Сам нарком просвещения А.В. Луначарский, патрон — по меньшей мере, по должности — всей советской интеллигенции, несмотря на свою активную роль в борьбе за «линию большинства ЦК», написал теплое письмо гонимому оппозиционеру³³. Поражение Троцкого во внутривнутрипартийной борьбе, ставшее очевидным к январю 1924 г., не привело к тотальной стигматизации наркомвоенмора — в глазах целых групп партийцев он был обладателем большого политического авторитета. Троцкий продолжил свои выступления по вопросам культуры, а рассылка им текстов в советские и партийные газеты стало рутинным делом³⁴. Как инициатор широкого обсуждения вопросов нового быта, Троцкий пользовался вниманием. «Большое спасибо за привет, — писал Троцкий в газету профсоюза железнодорожников “Гудок” 24 марта 1924 г. — С особенным интересом читаю всегда страничку “рабочего быта”. Вопросам быта суждено, несомненно, занимать все большее и большее место в нашей печати и в нашей работе»³⁵. В 1924 г. вышло 3-е издание «Вопросов быта» и сборник новых статей на близкие темы³⁶. Секретарь редакции Юношеского отдела издательства «Новая Москва» сообщал, что в начале лета был издан отдельной брошюрой доклад «О новом быте и задачах деревенской молодежи» и к моменту написания письма 25 октября 1924 г. «книжка моментально разошлась»³⁷. Однако

---

³¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 30. Л. 10, 14.

³² См., например: *David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca, 1997.* Дэвид-Фокс глубоко анализирует широкий контекст дискуссий о «быте», не затрагивая (более узкий) предмет данного исследования.

³³ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 30. Л. 11. Письмо Луначарского не обнаружено, однако, контекст ответа Троцкого располагает к предположению, что глава Наркомпроса не был последовательным сторонником «большинства ЦК».

³⁴ См. примеры за 1924 г.: Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 32. Л. 8, 11, 13, 15, 18, 20, 27 и др.

³⁵ Там же. Д. 30. Л. 33.

³⁶ *Троцкий Л. Вопросы культурной работы. М., 1924.*

³⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 54. Л. 36.

коммуникативное пространство все более сужалось, в первую очередь из-за отсутствия инициативы со стороны Троцкого.

Таким образом, можно выдвинуть следующие выводы и предположения.

Литературные аспекты политической деятельности Троцкого открывают более широкую панораму политической борьбы и общественно-культурных реалий, в которых она протекала. Границы ее хронологии расширяются: наряду с фокусировкой на политическом противостоянии в традиционном его понимании (октябрь 1923 — январь 1924 гг.), обращают на себя внимание «фоновые», закулисные практики формирования общественного мнения, аккумуляции политического капитала, авторитета и мобилизации сторонников.

Троцкий попытался обратиться к широким слоям партии, образуя пространство коммуникации по таким вопросам, по которым его было наиболее сложно переиграть или заставить молчать. Он успешно конкурировал за место ведущего интеллектуала и вождя партии, думающего об аспектах *повседневности*. Однако отпускной период с июля по сентябрь был не лучшим временем для политической мобилизации, а к концу сентября Троцкий был вынужден сфокусироваться на непосредственной политической борьбе. В многомерной структуре властных позиций (аппараты партии, государства, армии) Троцкий попытался колонизировать пространство культуры, но дискуссия о новом быте как форма коммуникации не успела — или не могла — развернуться и едва ли могла компенсировать отсутствие административных ресурсов.

Соколов Юрий

Вологодский государственный педагогический университет
кафедра отечественной истории
sokol-85@yandex.ru

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ АГИТАТОР НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: МЕЖДУ ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬЮ И ПАРТДИСЦИПЛИНОЙ (НА МАТЕРИАЛАХ СЕВЕРО-ДВИНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В сфере научных интересов историков, изучающих на основе историко-социологических и историко-антропологических подходов советское общество, лежит анализ усвоения современниками культурного кода, систем аргументации и ценностей нового советского общества¹. Тема, выбранная для этого исследования, дает возможность поставить вопрос о стратегиях и практиках демонстрации профессиональных качеств большевистских агитаторов, а также о мотивах их заинтересованности в политической пропаганде. Наше исследование построено на материалах Северо-Двинской губернии, территория которой в годы Гражданской войны в целом находилась в тылу активных боевых действий. Однако население Северо-Двинской губернии не избежало испытаний времен политики «военного коммунизма», массового голода, трудовых и военных мобилизаций, последствия которых проявились в волне крестьянских восстаний 1918–1920 гг. В нашем исследовании мы изучили анкету и два отчета, составленные агитатором А.И. Малакутой по итогам его работы в одной из волостей Северо-Двинской губернии.

Характеризуя такую категорию политработников, как пропагандисты, мы можем констатировать, что портрет типичного провинциального агитатора в первые годы советской власти выглядел следующим образом: это был молодой мужчина (до 30 лет), малограмотный, служивший в армии, вступивший в партию в период 1918–1921 гг. и не порвавший своих связей с деревней².

---

¹ См., например: *Журавлев С.В.* «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы Московского Электростанции в советском обществе 1920–1930-х гг. М., 2000; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003; *Яров С.В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006.

² *Соколов Ю.А.* К вопросу о социокультурном облике агитаторов и пропагандистов в годы Гражданской войны (на материалах Вологодской губернии) //

Сведения об Антоне Ивановиче Малакуте мы находим в анкетах внештатных агитаторов, лекторов и пропагандистов, являвшихся членами низовых ячеек РКП(б) в Северо-Двинской губернии. Малакуте было в 1922 г. не более 30–35 лет. В своей анкете он упоминал о том, что женат, по образованию был «самоучкой», специальность имел «сельско-хозяйственную» (соответственно, имел крестьянское происхождение), вступил в партию в феврале 1918 г. и работал заведующим соляным складом.

Подчеркнем, что Малакута в 1922 г. был партийным агитатором, не открепленным от основного места работы и привлекавшимся к пропаганде в свободное от работы время. Кроме того, Антон Иванович в своей анкете упомянул следующее: «Агитационно-культурно просветительскую работу вести не могу за отсутствием знания». Тем самым он фактически отказывался от участия в агитационно-пропагандистской работе агитпропа (АПО) губкома, объясняя это своей профнепригодностью. Однако в его анкете мы находим приписку, сделанную партийным бюро № 3 губисполкома: «По мнению бюро т. Малакута может быть пропагандистом в особенности по общеполитическим вопросам»³. В результате, несмотря на все отказы, Малакуту периодически привлекали к проведению агитационных мероприятий. Среди анкет агитаторов-внештатников нами также была найдена анкета супруги Антона Ивановича, Марии Константиновны. Она имела «низшее» образование, по специальности была портнихой и жила на иждивении мужа. Как член РКП(б) она состояла на учете в АПО Северо-Двинского губкома в качестве пропагандиста. Однако от возможности выполнения пропагандистской работы она, как и ее муж, отказывалась⁴.

Между тем, по нашим подсчетам, 36,8% коммунистов, взятых Северо-Двинским губкомом на учет в качестве лекторов и пропагандистов, отметили в своих анкетах, что заниматься агитаторской деятельностью они не могут⁵. То есть мотивированность членов партии в отношении выполнения обязанностей пропагандиста-внештатника была

Власть и общество на Европейском Севере России: исторический опыт и современность: Сборник материалов межрегиональной научной конференции. Вологда, 2010. С. 173.

³ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ) Ф. 2. ОП. 1. Д. 864. Л. 50.

⁴ Там же. Д. 867. Л. 146.

⁵ Подсчитано по: ВОАНПИ Ф. 2. ОП. 1 Д. 864. Л. 2–4, 9, 11–26, 28–46, 48–58, 61–87, 89–97; Д. 867. Л. 2–26, 28–70, 72–98, 100–105, 107–110, 112–123, 126–129, 131–166; Д. 1128. Л. 2–6, 8–12.

очень низкой. В то же время гарантии материального обеспечения штатного агитатора, особенно в обстановке «военного коммунизма», являлись важным стимулом, мотивировавшим становиться пропагандистом⁶. Следование партийной дисциплине, занятость на ответственных постах в советских учреждениях обязывали коммунистов проявлять формальную активность, в том числе состоять на учете в АПО губкома в качестве пропагандистов и лекторов. Однако партийцы использовали все возможные средства, чтобы избежать участия в пропагандистских мероприятиях в качестве агитаторов и лекторов-внештатников. В данной тенденции можно усмотреть совокупность как объективных (отсутствие образования и опыта), так и субъективных причин (нежелание тратить время на подготовку к мероприятиям, отсутствие денежных поощрений внештатным работникам, а также ответственность за каноничность и идеологическую безупречность содержания агитационных мероприятий).

Работа с архивными документами и опубликованными источниками определила наш интерес к более подробному изучению судьбы и профессиональных практик А.И. Малакуты. Мы можем предположить, что Антон Иванович примерно до 1920 г. являлся штатным агитатором АПО Северо-Двинского губернского исполкома, а затем был переведен (видимо, по линии того же губисполкома) на ответственную хозяйственную должность заведующего соляным складом в г. Великий Устюг и продолжал привлекаться АПО губернского комитета партии для проведения агитации в качестве пропагандиста-внештатника.

Анализируя отчетную документацию, вышедшую из-под пера А.И. Малакуты, по его собственному признанию, являвшегося «самочкой», мы отмечаем инициативный и самостоятельный характер работы пропагандиста. В своих отчетах в АПО губисполкома Антон Иванович действительно демонстрирует минимальную азбучную грамотность, однако при этом умело использует большевистские штампы и идеологические клише. Как справедливо отмечают исследователи И.В. Самойлова и С.В. Яров, практика создания или ретуширования собственной партийной судьбы в анкетных данных, а также умение составлять конъюнктурные отчеты были важны не столько для партийных комитетов, сколько именно для партработников, утверждавшихся во время составления подобных документов в собственной идентичности в качестве «коммуниста» и «агитатора»⁷.

---

⁶ Соколов Ю.А. К вопросу о социокультурном облике агитаторов... С. 172–173.

⁷ Самойлова И.В. Идеологическое воздействие на крестьян в 1921–1925 гг.:

Профессиональные практики, использовавшиеся агитатором, выявляются в документах, составленных А.И. Малакутой по итогам его пропагандистской и инспекторской работы в Аргуновской волости Никольского уезда Северо-Двинской губернии в ноябре 1918 г. В этой волости произошли крестьянские волнения, непосредственным очевидцем которых стал агитатор. У нас есть возможность сравнить несколько свидетельств о событиях в Аргуновской волости: доклад комиссии Прибыткова и Серанова, расследовавших эти события⁸, и два доклада агитатора А. Малакуты⁹.

Суть событий, произошедших в Аргуновской волости, состояла в следующем: после произведенной членами Северо-Двинского губкома реорганизации комбедов местными крестьянами был созван сход, который своими решениями отменил обязательства волости по хлебным поставкам. Для подтверждения данных решений планировалось организовать еще один сход, не согласованный с местным исполкомом. Последний для противодействия сбору крестьян выставил заслоны из красноармейских патрулей. Между крестьянами и красноармейцами завязалась потасовка.

Сопоставляя данные нескольких источников, мы узнаем более полную картину произошедших событий. Аргуновские волнения нельзя в полной мере назвать «восстанием», так как столкновения местных крестьян с красноармейцами были не более чем стычками армейских постов, выставленных для противодействия сбору селян на второй, «самовольный» волостной сход. Однако именно эти события стали причиной массовых крестьянских выступлений за пределами волости. Агитатор Малакута утверждал, что после инцидента в Аргуновской волости зачинщики беспорядков — «кулаки и правые эсеры» — распространили «ложные провокационные слухи» по всему Никольскому уезду. Вполне оправданное негодование крестьянства по поводу стычек, произошедших между их односельчанами и красноармейскими отрядами, действительно обросло новыми «подробностями», и в уезде распространились определенные толки¹⁰.

формы и средства. (По материалам Новгородской губернии): дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2008. С. 25–57; Яров С.В. Конформизм в Советской России... С. 236–237.

⁸ ВОАНПИ. Ф. 1853. ОП. 3. Д. 4. Л. 1 об.

⁹ Там же. Ф. 2. ОП. 1. Д. 93. Л. 22–22 об; Саблин В.А. Крестьянство Северо-Двинской губернии в 1918–1920 годах (Характер политических настроений) // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2007. С. 355–358.

¹⁰ Саблин В.А. Крестьянство Северо-Двинской губернии... С. 355–358.

Свою убежденность в антисоветском характере волнений Малакута подтверждает следующим аргументом: «Нет никакого сомнения, что в распространении ложных слухов принимали участие кулаки и правые эсеры, так как одного уличили и арестовали — некоего Медведева». Как мы видим, эту информацию агитатор получил с чьих-то слов, в связи с чем закономерно возникает вопрос о том, был ли Малакута очевидцем подавления волнений. Если в начале своего доклада агитатор считал «ложные провокационные слухи» причиной событий, произошедших в уезде, то, описывая разрастание волнений, он объясняет ситуацию уже не «слухами», а организованной агитацией. Отметим, что А. Малакута отменил все экономические стимулы, являвшиеся причинами крестьянских волнений. В своем докладе губкому он пишет: «Крестьяне Никольского уезда находятся в самых лучших (экономических. — Ю.С.) условиях», в связи с чем, по его мнению, невозможно было отрицать влияния «правых эсеров» на «неграмотное и отсталое» население¹¹.

На наш взгляд, можно говорить о том, что данный источник дает четкую картину идеологизации крестьянского протеста в партийных документах периода Гражданской войны. Эта тенденция проявлялась в весьма зыбких обвинениях в организации волнений в уезде мифических «кулаков» и эсеров. Как мы видим, самоорганизация крестьянского социума в форме волостных сходов, организованных без разрешения исполкома, не воспринималась агитатором как легитимная и признавалась априори антисоветской.

Несколько иной ракурс приобретает мысль А.И. Малакуты в его докладе, составленном в деревне Семёнка Аргуновской волости. «Предварительная агитация» и организация комитетов бедноты закончилась в волости 23-го ноября 1918 г., уже после подавления волнений в Никольском уезде. Как отмечает Малакута, произведенная пропаганда была «чисто успокоительного и подготовительного характера, чтобы в дальнейшем предотвратить могущие быть нежелательные эксцессы во время реквизиции излишком (так в оригинале. — Ю.С.) хлеба»¹². Главная ошибка, как считал агитатор, была совершена Вологодским губпродкомом и комиссаром Шекуном. Последний утвердил изменения плана по отчуждению излишков хлеба в Аргуновской волости, основанного на статистических расчетах 1916–1917 гг. Однако Антон Иванович настаивал на том, что начавшееся в волости восстание ни в коем случае нельзя было связывать с отчуждением хлебных излишков. Так, Малакута пи-

¹¹ *Саблин В.А.* Крестьянство Северо-Двинской губернии... С. 358.

¹² ВОАНПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 93. Л. 22.

шет: «По своему характеру оне (аргуновские крестьяне. — Ю.С.) давно готовились можно сказать что оно (восстание. — Ю.С.) было (в) выжидательной форме, а отчуждение излишков хлеба, только для темной массы послужило толчком к последнему т. е. к восстанию»¹³. Тем самым причину данных событий пропагандист видел в действиях крестьян, которые воспользовались удобным предлогом для восстания.

Кроме того, отметим агитаторскую практику, использованную Малакутой в его оценке идеологической атмосферы в Аргуновской волости. Антон Иванович, направленный АПО Северо-Двинского губисполкома для работы в Никольский уезд, счел нужным выразить свое мнение о профессионализме своих коллег агитаторов из реквизиционного отряда, работавших в этой местности. Малакута не связывал произошедшие в уезде события с недостаточным, с его точки зрения, профессионализмом пропагандистов. Тем не менее качество проводившейся в волости агитации Антона Ивановича не устраивало: «Агитаторы... не соответствуют своему назначению: совершенно не имеют ни практических, ни теоретических знаний»¹⁴.

Подчеркнем, что А.И. Малакута не замахивался на обличение идеологических ошибок своих коллег, а обвинял их исключительно в безграмотности и мародерстве. Можно предположить, что задачей подобной критики являлось стремление агитатора продемонстрировать собственный профессионализм, свое видение идеологических проблем в регионе. По мнению Малакуты, низкий уровень агитации, проводившейся в Никольском уезде, не снимал с аргуновских крестьян ответственности за случившееся «восстание». То есть Малакута критиковал своих коллег, но как коммунист поддерживал их: «вышеуказанные дефекты в недостатках агитаторских знаний н[и]сколько не мешают и безвредны». Значение профессии агитатора Малакута видел в деятельности в роли «глаз и ушей революции»¹⁵, подчеркивая в своем докладе важность для советской власти в том числе и его собственной работы.

Попытаемся проинтерпретировать ценностные установки агитатора. Опираясь на работу П.А. Сорокина «Социология революции», в судьбе агитатора А.И. Малакуты мы можем увидеть процесс восстановления «структур социального агрегата» в период «торможения» революции, когда партийный работник, используя свое привилегированное положение, получил ответственный пост (был до революции крестьянином,

---

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 22 об.

¹⁵ *Саблин В.А.* Крестьянство Северо-Двинской губернии... С. 355–358.

впоследствии пропагандистом, а затем получил место заведующего складом), в связи с чем отказался от «души» и «костюма поведения» партийного пропагандиста¹⁶. Как отмечал В.П. Булдаков, к концу Гражданской войны началось «истощение энергии хаоса» революции, следствием чего стало относительное успокоение российского общества¹⁷. Так, Малакута перешел с беспокойной и даже опасной для жизни должности агитатора на работу в сфере народного хозяйства, получить которую он смог, видимо, именно благодаря своим активистским заслугам.

Таким образом, можно отметить набор практик, применявшихся конкретным агитатором с целью показать партийному начальству свою сознательность, профессионализм, партийный опыт, умение использовать идеологические клише в рамках большевистского дискурса, а также стремление ретушировать собственную биографию в силу определенной конъюнктуры. В случае когда конкретный коммунист отказывался исполнять партзадания, он мог получить партвыговор и потерять ответственный пост, доставшийся ему благодаря его партийной активности. А.И. Малакуте после изменения конъюнктуры (переход с агитаторской работы на ответственную хозяйственную должность) все равно приходилось выполнять функции партийного активиста (участвовать в пропагандистской деятельности партии, отвлекаясь от своего основного места работы и не получая за данный вид деятельности материальных вознаграждений). В этой связи интересна именно степень свободы и возможного маневра политработника в конкретных исторических обстоятельствах. Подобные практики партработников и агитаторов, с одной стороны, обеспечивали их принадлежность к элитам нового советского общества и давали потенциальную возможность для вертикального взлета по карьерной лестнице и получения материального достатка, но, с другой стороны, уже в первые годы советской власти они были сопряжены с нежеланием коммуниста заниматься общественной работой и не позволяли ему «выключиться» из подобного рода отношений, ставя активиста «между двух огней» — личной заинтересованностью и необходимостью следовать партдисциплине.

---

¹⁶ Сорокин П.А. Социология революции. М., 2005. С. 220, 255–258.

¹⁷ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 257–292.

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ЧЛЕНОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЕВ (1930-Е ГГ.)

Ленинградское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ЛО ВОПК) было образовано в конце 1923 г. силами деятелей широкого партийного спектра. К этому времени в Советской России все оппозиционные большевикам партии были ликвидированы. Оставшиеся на свободе эсеры, меньшевики, анархисты, бундовцы и бывшие члены других партий были лишены возможности вести деятельность, которая не согласуется с политикой большевиков. Более того, власть на протяжении нескольких лет сделала все возможное, чтобы разрушить ореол революционной романтики и героизма вокруг этих партий, особо жестко расправляясь с потенциальными конкурентами — меньшевиками и эсерами. По меткому замечанию одного из историков, «любая конкуренция, любое сравнение для большевиков были губительны и проигрышны», потому что только они должны были остаться наследниками славных революционных традиций¹. Однако репрессивные действия в отношении тех социалистов, которые были хорошо известны своей борьбой с монархическим режимом, прошли каторгу и ссылку, для власти были затруднительны. В связи с этим важно проследить изменение государственной политики в отношении к представителям ВОПК на протяжении 1920–1930-х гг.: в своем докладе я это покажу, проанализировав причины арестов членов Ленинградского отделения ВОПК в 1931–1938 гг.

В течение 1920-х гг. случаи арестов (по политическим причинам) среди членов Ленинградского отделения были единичными. Репрессиям подвергались те из бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, которые проявляли явное несогласие с политикой партии.

В 1931 г. ЛО ВОПК столкнулось с первыми серьезными репрессивными действиями власти, которые были связаны с организацией массовых показательных процессов. Дело «союзного бюро меньшевиков»

---

¹ *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922-26): Этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 4.

привело к аресту трех членов отделения — Измайлова Петра Григорьевича, Полинковской Грини Львовны (оба — бывшие меньшевики) и Адасинского Антона Ипполитовича (бывший эсер). Все они были арестованы в первых числах марта. В июле 1931 г. Адасинский был освобожден², а Полинковская отправлена в ссылку в Орел³. Измайлов в октябре 1931 г. был приговорен к трем годам ссылки в Сибирь.

Следующая волна арестов в Ленинградском отделении прошла в январе 1933 г. Поводом для их начала стала речь Сталина на январском пленуме ЦК ВКП(б), который полагал, что на фоне усиления классовой борьбы «могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв»⁴. В течение нескольких дней после «адресной» речи Сталина одиннадцать членов ЛО ВОПК были обвинены в создании правоэсеровской группировки и арестованы⁵.

На общем собрании членов отделения (присутствовало 144 чел.) 11 апреля 1933 г. Д.А. Трилиссер (староста, т. е. председатель отделения) сообщил о том, что из всех обвиненных шесть человек освобождены, а пятеро приговорены к разным срокам заключения. Давид Абрамович сделал вывод о том, что антисоветская работа оставшихся в тюрьме «не может быть связана с высоким званием члена О[бщест]ва», и рекомендовал собранию проголосовать за исключение их из отделения. Из протокола заседания становится ясным, что не все участники собрания согла-

---

² Судя по всему, А.И. Адасинский был привлечен к аресту случайно, так как находился на особом учете у органов ОГПУ. Семья Адасинских приехала в Ленинград из Германии в 1927 или 1928 г., и уже в 1929 г. Антон Ипполитович был арестован (по словам его дочери, в 1929 г. его подвергали аресту несколько раз), но вскоре отпущен. Таким образом арест 1931 г. был не первым для Антона Ипполитовича. Воспоминания Галины Антоновны Адасинской и интервью с ней см. здесь: *Adasinskaia, Galina Antonovna* // Orlando Figes [2007] (<http://www.orlandofiges.com/families/Adasinskaia.php>).

³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1426. Оп. 1. Д. 7. Л. 16, 19.

⁴ *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 212.

⁵ Белоусова-Боровская М.К., Завадовский Д.Н., Мишонов И.А., Свежинский А.М., Красиков Адриан, Петров Аф., Папрос Я.Т., Махлин М.В., Органов А.С., Николаев А.И. См. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 533. Оп.2. Д. 1228. Л. 4.

сились с этим выводом. Так, Трилиссеру после его выступления сразу был задан вопрос о том, уверен ли он в том, что обвинение достаточно обосновано (ответ на этот вопрос в протоколе не зафиксирован). Другой из выступавших также заметил, что во время разговора с ним «одним из членов О[бщест]ва высказано сомнение в обоснованности ареста Махлина. Этот случай очень показателен тем, что в нашей среде есть еще сомнения»⁶. Однако попытки оправдать арестантов были робкими. По итогам голосования арестованные, как «предатели рабочего класса», были исключены из Общества (140 человек «за» и 4 человека воздержались)⁷. В резолюции собрания указывалось, что «примиренческое отношение и укрывательство антисоветских вылазок того или иного члена Общества будут рассматриваться как предательство»⁸. По сведениям исследователя М.В. Шкаровского, эту резолюцию не подписали более 60 членов отделения, в том числе народовольцы. А семьям осужденных, по решению старостата, оказывалась материальная помощь⁹.

Сохранилось несколько писем осужденных к Д.А. Трилиссеру. В них они просят о помощи, рассказывают о своей прошлой политической жизни, доказывая, что аресты — недоразумение, а обвинение в создании троцкистского эсеровского центра ошибочно. Автор первого послания — Леонид Сергеевич Органов. С 1917 по 1920 гг., проживая в Красноярске, он был «идейным противником большевизма и советской власти»¹⁰. В то же время он выступал против диктатуры Колчака. Работу в партии эсеров Органов прекратил в 1920 г. в связи с роспуском красноярской организации эсеров. В 1923 г. он был арестован без предъявления обвинений и выслан в Новороссийск на 3 года. С этого времени Органов, по его словам, полностью примиряется с новой властью, однако признается, что «бывали случаи, когда в беседе с товарищами я высказал сомнения в правильности тех или иных правительственных мероприятий, особенно в связи с уклонами и перегибами при применении этих мероприятий на местах... но это было не более как благожелательной крити-

---

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 506. Оп. 1. Д. 520. Л. 86.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 520. Л. 85–86; Д. 54. Л. 27–30 и др.

⁸ Там же. Ф. 507. Д. 54. Л. 29–30.

⁹ *Шкаровский М.В.* Правозащитная, научная, социальная и производственная деятельность Ленинградского отделения ОПК (1923–35 гг.) // Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Образование, развитие, ликвидация: 1921–1935. Материалы международной научной конференции (26–28 октября 2001 г.). М., 2004. С. 155–156.

¹⁰ ЦГА СПб. Ф. 507. Оп. 1. Д. 54. Л. 3 об.

кой, а отнюдь не агитацией»¹¹. В письме Органова указано, что он обвинялся по ст. 58 п. 11 Уголовного кодекса и был приговорен к отправке в Западную Сибирь на три года.

Письмо второго арестанта — Дмитрия Николаевича Завадовского — для исследования причин арестов 1933 г. более информативно. Завадовский проживал в Ленинграде с весны 1931 г.; как член ЛО ВОПК работал в артели «Политкаторжанин», а также в библиотечной и хозяйственной комиссиях. 10 января 1933 г. его арестовали и после четырехмесячного заключения освободили, но в августе последовало постановление о ссылке в Западную Сибирь. Письмо Завадовского можно назвать покаянным: он признавался в том, что во время допросов подписал протокол о существовании в Ленинградском отделении эсеровской группировки, хотя «в действительности только от следствия при допросах услышал о такой группировке»¹². Завадовский писал: «Совершенная потеря остатка моей болезненно-слабой воли, боязнь какой-то ожидающей меня незнакомой боли, если я в чем-либо буду противоречить следователю, — с непреодолимой силой заставляла меня подписывать протоколы допроса, написанные следователем без вопроса или несогласные по существу с моими ответами на вопрос, с моей характеристикой лица»¹³. В конце заявления Завадовский в отчаянии добавляет: «Тяжелое чувство подавляло меня тогда, мучило бессилие восстановить истину. Оно давит меня неослабно и сейчас. Угнетающе болезненные думы не покидают меня, старого политкаторжанина-революционера и социалиста, любящего правду»¹⁴. Заметим здесь, что Завадовский имел инвалидность и тяжелую форму истощения нервной системы, при этом на его плечах была семья с двумя маленькими детьми. Следователям было нетрудно использовать его для фабрикации обвинений против ряда членов Общества. Обвинения заключались в сколачивании антисоветской эсеровской группировки, пропаганде эсеровских идей, дискредитировании партийного руководства и его центральных органов¹⁵.

Судя по личным делам арестованных политкаторжан, их объединяла только принадлежность в прошлом к партии эсеров, а некоторых из них

---

¹¹ ЦГА СПб. Оп. 1. Ф. 507. Д. 54. Л. 4–4 об.

¹² Там же. Л. 6–8.

¹³ Там же. Л. 9. По словам Завадовского, он подписал показания на членов отделения Махлина, Свежинского, Органова, Белоусову, Мишонова, Родионова и других.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же. Ф. 506. Оп. 2. Д. 274. Л. 40.

— еще и сомнительное по тем временам социальное происхождение: Органов, Свежинский и Белоусова в прошлом были дворянами¹⁶.

По документам известно, что из пяти исключенных из ЛО ВОПК членов М.В. Махлин и М.К. Белоусова были реабилитированы к 1934 г., а затем вновь приняты в Ленинградское отделение. Возможно, так же обстояло дело и с остальными исключенными. Причиной арестов бывших эсеров Ленинградского отделения было усиление репрессивного курса сталинского правительства как реакция на обострившиеся в условиях экономического кризиса критические настроения среди населения. В связи с этим возникает вопрос: были ли аресты инициативой сотрудников ОГПУ, регулярно обновлявших списки сомнительных в политическом и социальном отношении лиц и чутко уловивших сигнал сталинской речи о том, что этих «пособников контрреволюции» пора уничтожить; или же аресты представляли собой осознанное и запланированное запугивание руководства Общества со стороны власти, были намеком на то, что Общество недостаточно хорошо справляется с включением в социалистическое строительство? На наш взгляд, более логичной является первая версия. В ее защиту говорит тот факт, что спустя год большинство арестованных (достоверно известно о 8 из 11) были освобождены и реабилитированы. Как бы то ни было, социально-политический портрет членов Ленинградского отделения действительно давал повод для проведения арестов: на протяжении всего времени деятельности отделения бывшие эсеры и меньшевики (теперь числившиеся беспартийными) составляли подавляющее большинство членского состава. И изменить эту ситуацию не смогли ни периодические «чистки», ни «вливания коммунистов»¹⁷. В условиях разжигания классовой борьбы и борьбы с контрреволюционными элементами такая ситуация должна была рано или поздно поставить как Общество, так и его отделение под удар, что и произошло в январе 1933 г.

Пытаясь преодолеть неблагоприятные для Общества последствия арестов, Емельян Ярославский¹⁸ в начале 1933 г. переговорил с Кировым, Струппе и другими ленинградскими партийными деятелями, после чего настоятельно посоветовал Д.А. Трилиссеру выделить 15 квартир в только что отстроеном «доме-коммуне» для членов Всесоюзного общества

---

¹⁶ Там же. Д. 41, 321, 398.

¹⁷ Подробнее об этом см. *Маслова (Суббота) Е.Л.* Ленинградское отделение Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев как феномен многопартийного объединения в советское время: Сб. статей. СПб., 2006. С. 373–378.

¹⁸ Здесь важно отметить, что Ем. Ярославский одновременно являлся председателем Общества политкаторжан (с 1925 г.) и Общества старых большевиков.

старых большевиков (ВОСБ). Мотивировал он это тем, что «в политическом смысле (курсив мой. — Е.С.) это было бы шагом товарищеского сближения с Обществом старых большевиков, а этого сближения Вы сами должны всемерно добиваться во всей своей работе»¹⁹. Другими словами, Ярославский в своем письме ясно указал, что дело с передачей квартир — политический шаг. Трилиссер не понял намека и искренне возмутился тому, что у политкаторжан, на свои средства построивших «дом-коммуну», хотят отнять квартиры²⁰. Но, как прослеживается по другим источникам, 15 квартир для ВОСБ все же было выделено. Вероятно, Давиду Абрамовичу более доходчиво объяснили угрозу, нависшую над Обществом.

С целью преодолеть опасность ликвидации Общества было принято еще одно мероприятие. К XVII съезду ВКП(б) беспартийные политкаторжане всех отделений, в том числе и Ленинградского, приняли декларацию с приветствием съезду и выражением полного одобрения деятельности партии. Однако Общество не получило возможности огласить декларацию на съезде. Также Ленинградскому отделению было отказано в праве послать своих представителей на областную конференцию ВКП(б)²¹. Это, несомненно, было плохим признаком.

Убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. повлекло за собой аресты нескольких членов отделения — на этот раз коммунистов. В январе-марте 1935 г. из отделения были исключены пять человек, в том числе четверо бывших активных сторонников Г. Зиновьева — А.Я. Клявс-Клявин, Э.Х. Король, И.П. Рекстин, Г.К. Клаас. Широкомасштабная проверка партдокументов, которая служила поводом для новой чистки партии, привела к исключению из отделения А.Д. Цветкова (до 1918 г. эсер, затем коммунист), который скрыл при вступлении в партию и в ряде партдокументов свое прошлое, а именно то, что он «активно выступал в войсках Керенского против большевиков, где и получил ранение от большевиков... За время пребывания в партии ничем себя не проявил и занимался лишь шкурными вопросами; используя свою болезнь и ранение, выхлопотал себе персональную пенсию, якобы за революционные заслуги»²². В 1938 г. Цветков был расстрелян.

---

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 507. Д. 55. Л. 31.

²⁰ Там же. Д. 42. Л. 75.

²¹ Шкаровский М.В. Правозащитная, научная, социальная и производственная деятельность Ленинградского отделения ОПК // Там же. С. 159–160.

²² ЦГАИПД СПб. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 11. Л. 20.

25 июня 1935 г. ЦК ВКП(б) постановил распустить Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Для его ликвидации была назначена специальная комиссия под председательством секретаря ЦИК СССР И. Акулова, но фактически во главе с Н. Ежовым²³. Ленинградское отделение продолжало функционировать до сентября 1935 г. Имущество Общества политкаторжан было передано различным ведомствам, наркоматам.

Отношение к бывшим членам Ленинградского отделения Общества отражают протоколы партчасти Дома политкаторжан (расположен на Троицкой пл.) за 1935–1938 гг. На закрытом заседании в августе 1936 г., прошедшем после суда над «троцкистско-зиновьевским центром», коммунист Иозеф призвал присутствующих к повышению бдительности: «Возьмем наш дом — он ненадежен, многие живущие в нем были эсеры-боевики и т. д. Они не дошли до нашего классового сознания. За ними повседневно надо наблюдать, изучать чем живут, прислушиваться что говорится и сообщать, хотя бы в Партком, без всякого отлагательства. Наша задача — быть всегда начеку». Другой участник доверительно сообщил о том, что «в квартире № 6 проживает Боровкова, сестра жены Зиновьева, которая получала от сестры подарки, как то пишущую машину, сапоги мужские, лисью горжетку и т. д. и вела с нею переписку. После убийства тов. Кирова Боровкова распространяли слухи, что убийство это произошло из-за ревности... В отношении живущих у нас было когда-то в прошлом принято не выдавать. Но многие и сейчас не понимают, кому не выдавать — Николаю II или советской власти». Итогом собрания стала резолюция, которая обязывала «каждого члена партии стать действительным чекистом по выявлению всех антисоветских элементов и настроений жильцов дома, доводя об этом до сведения соответствующих организаций»²⁴.

В феврале 1938 г. на очередном заседании коммунистов дома Иозеф сообщил, что за последнее время «было 4 случая исключения (из партчасти. — Е.С.). Ошибок при этом мы не сделали, т. к. все исключенные были арестованы. Но у нас вообще большой дом: из 137 квартир арестованных 36, и нам трудно кого-либо выявить»²⁵. В апреле 1938 г. очередным арестованным стал сам Иозеф. К концу 1938 г. из 145 квартир (по

---

²³ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 34. Ст. 299; Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 671. Оп. 1. Д. 56. Л. 27 и др.

²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 24. Л. 32, 34 и др.

²⁵ Там же. Д. 32. Л. 4 об.

другим данным, квартир было 137) неопечатанными остались лишь 12²⁶. Пустеющий дом, по решению Ленсовета, стал заселяться представителями советской номенклатуры. Член парткома Яунзем на майском заседании 1938 г. высказался за то, что «нельзя отстаивать, чтобы дом и дальше заселялся исключительно политкаторжанами. Это небольшевистская точка зрения, особенно если учесть большое число арестованных политкаторжан. Нечего и возражать против выселения чуждого нам человека... арестованного НКВД и вселения туда партийного ответственного работника»²⁷.

Резюмируя сказанное выше, можно сказать, что в течение 1930-х гг. члены Ленинградского отделения ВОПК подверглись нескольким волнам репрессий. В 1931–1933 гг. аресты затронули тех членов отделения, которые до революции принадлежали к партиям меньшевиков и эсеров. После убийства Кирова и начала очередной чистки партии из отделения стали исключаться коммунисты, участвовавшие в оппозиции 1926–1927 гг. или имевшие связи с оппозиционерами. Также исключению и последующему за ним аресту подлежали те из членов фракции ВКП(б), которые в автобиографиях и при заполнении документов скрывали какие-либо нелицеприятные факты о своем прошлом. Кульминацией репрессивных действий против бывших членов ЛО ВОПК стал период Большого террора 1937–1938 гг. На сегодняшний день исследователи не располагают документами, которые могли бы помочь объективно восстановить ход репрессивных действий против ленинградцев-политкаторжан, но, надеемся, что настоящий доклад станет очередным шагом к продолжению исследований в этой области.

---

²⁶ О выселении из квартир см. ЦГА СПб. Ф. 2554. Оп. 2. Д. 192. Л. 1.

²⁷ ЦГАИПД СПб. Там же. Д. 32. Л. 28.

Чунихин Кирилл

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
факультет истории искусств, 2 курс
k.chunikhin@gmail.com

ДВЕ ВЫСТАВКИ 1959 Г.: ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ ВОЙНА ИДЕОЛОГИЙ? (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЫСТАВКИ В СОКОЛЬНИКАХ И ВЫСТАВКИ СССР В НЬЮ-ЙОРКЕ)

Война при некоторых условиях стимулирует прогресс отчасти в силу того, что повседневные мораль и научная этика в период конфликтов могут игнорироваться. Более того, многие табуированные в мирное время действия становятся допустимыми, так как официальная идеология предоставляет определенный карт-бланш. Военные конфликты могут рассматриваться как беспрецедентный по своей интенсивности контакт культур, иной раз тормозящий развитие, иной раз ускоряющий. Достижения науки и техники в военное время демонстрируются преимущественно на арене боевых действий. В мирное же время аналогичные функции выполняет, помимо прочих, институт выставок, которые суть то же самое состязание за первенство, но без человеческих жертв.

Тот факт, что научный и культурный прогресс XX века во многом стали результатом политического конфликта между СССР и США, не требует доказательств. Своеобразный исторический оксюморон «холодная война» — парадоксальный феномен вооруженного конфликта без прямых боевых действий, — будучи противоречивым по природе, препятствует однозначной интерпретации событий эпохи и побуждает задаться вопросом, *в какой степени две выставки 1959 года являлись одним из этапов войны, а в какой — попыткой примирения. Были ли эти выставки мирным диалогом культур или войной идеологий?* В своем докладе я отвечаю на эти вопросы, рассмотрев две выставки 1959 г. в их историческом, символическом и прагматическом аспектах.

Эти две выставки, прошедшие в период хрущевской оттепели, позиционировались обеими сторонами как шаги на пути к сближению двух сверхдержав¹. Согласно официальной точке зрения, знакомство стран с

---

¹ Материалы переписки по поводу Американской национальной выставки в Сокольниках. Т. 2. Май-июнь 1959 // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9518. Оп. 1. Д. 595.

культурой друг друга должно было позволить подняться на новую ступень диалога². 27 января 1958 г. сторонами-организаторами было принято решение, что по отношению к выставкам не будет применяться никакая цензура, однако политическое содержание должно быть устранено³.

Глава Американской национальной выставки в Сокольниках Гарольд МакКлеллан заявлял, что целью является не пропаганда, а увеличение взаимопонимания, и что следует избегать военно-политической тематики⁴. Технически эта договоренность была соблюдена, поскольку *политическое* и *военное* действительно не демонстрировались, тем не менее именно политика и идеология определили выбор экспонатов, их количество и способ экспонирования. Политика и идеология коснулись всех вещей и предметов, в том числе и произведений искусства. Таким образом, хоть формально выставки и не затрагивали области политического, они остались в высшей степени политизированными. Что касается цензуры, то степень ее присутствия в действиях американской стороны можно проследить по истории формирования экспозиции живописи и скульптуры⁵, представленной в Сокольниках, а искусство СССР не нуждалось в дополнительной цензуре перед выставкой в принципе по известным причинам.

Американская национальная выставка в Сокольниках открылась 25 июля 1959 г. Из переписки по организационным вопросам между СССР и США известно, что специально к выставке планировалось подготовить 3,5 млн справочников-путеводителей⁶. Вся финансовая ответственность возлагалась на частные фирмы и корпорации, которые спонсировали выставку и демонстрировали свои товары. На 29 мая было

---

² Материалы переписки по поводу Американской национальной выставки в Сокольниках.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ После комплектации экспозиции живописи и скульптуры выяснилось, что из 67 художников 22 были бывшими коммунистами, а специальные службы насчитали у них 465 связей с коммунистической партией. У большинства авангардных художников было левое прошлое. Именно поэтому через три дня после отправки первого теплохода с живописью была скомплектована дополнительная партия из 31 экспоната, преимущественно реалистического искусства, чьи авторы обладали чистой биографией. Подробнее см. *Kushner Marilyn S. Exhibiting Art at the American National Exhibition in Moscow, 1959. Domestic Politics and Cultural Diplomacy // Journal of Cold War Studies. 2002. Vol. 4. N 1. P. 6–26.*

⁶ Материалы переписки по поводу Американской национальной выставки в Сокольниках.

зарегистрировано около 602 участников из 34 штатов. Список же всех фирм, принявших участие в АНВ, занимает более трех страниц.

Представленные на АНВ товары могли быть приобретены посетителями. По предварительным подсчетам, выставку должны были посетить более 3,5 млн советских граждан. Гарольд МакКлееллан в одном из пресс-релизов комментировал, что «хотя выставка не является торговой ярмаркой, экспозиционные товары могут быть распространены там, где пожелает их владелец и где стандартные требования удовлетворяются в соответствии с торговыми нормами США»⁷. Специально для выставки американская сторона построила 3 сооружения: алюминиевый геодезический купол площадью 30000 квадратных футов; главный павильон площадью 50000 квадратных футов; комплекс пластмассовых павильонов площадью 15000 квадратных футов⁸.

Согласно замыслу американской стороны, выставка в Сокольниках — «уголок Америки в сердце Москвы» — была призвана показать, как живут типичные американцы, их быт, досуг, культуру⁹. Именно поэтому в 1959 г. в Москве было представлено огромное количество предметов потребления, перечисление которых занимает 90 страниц. И если официально подобная демонстрация потребительского рая должна была способствовать лучшему взаимопониманию, то одной из главных скрытых стратегических задач подобной репрезентации культуры было нанести удар по советской морали, заставить граждан СССР критически относиться к своему государству, которое, образно говоря, производит только военную технику¹⁰. В долгосрочной перспективе именно эта демонстрация превосходства уровня жизни граждан США и должна была деморализовать советское общество.

Тем же летом 1959 г. в Нью-Йорке открылась ответная выставка советской стороны. Нужно заметить, что в то время в СССР доминировали оптимистичные настроения, вызванные не только оттепелью, но и достижениями науки. На прошедшей годом ранее международной выставке в Брюсселе делегация СССР была удостоена многочисленных гран-при, на фоне которых померкла секция США. Кроме того, успешный

---

⁷ Там же.

⁸ СССР принял решение купить геодезический купол и пластиковые павильоны за \$ 375000 по окончании выставки.

⁹ Американская выставка в Москве, Сокольники, лето 1959: [буклет]. — Манхаттан паблишинг компании, 1959. С. 2.

¹⁰ Reid S. E. Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. Vol. 9. N 4. P. 855.

запуск советского спутника в 1957 г. позволил оттеснить Америку на второе место в космической гонке.

Если в попытке избежать политического и военного содержания американская сторона представила срез культуры потребления, то советская сторона решила всячески подчеркнуть мирное начало во всех своих технологиях. Так, были представлены макет атомной станции, макет атомного ледокола, модель космического спутника в натуральную величину — все эти экспонаты были представлены как примеры применения военных технологий в гражданских целях.

И американская, и советская стороны не столько вы-ставляли и представляли свои достижения, сколько противо-поставляли. Нужно заметить, что именно «холодная война», будучи глобальным геополитическим противостоянием, актуализировала мышление бинарными оппозициями, главной из которых, безусловно, являлась оппозиция *капитализм-коммунизм (социализм)*. Уже на самых ранних стадиях антитеза *капитализма-социализма* воплощается в способе организации выставок: если США привлекали частные фирмы и средства, то СССР вкладывал государственный капитал. Экспонаты, представленные на выставках американской и советской сторонами, свидетельствуют не только о достижениях (в случае СССР достижениях не только фактических, но и потенциальных) сторон в культуре, науке и технике, но и о ключевых ценностях капиталистического и социалистического обществ, многие из которых, как известно, в период «холодной войны» были диаметрально противоположными.

Материальные достижения капиталистического общества составляют большую часть экспозиции США. Мир повседневности и вещей предстает перед советским зрителем как конкретная реальность. Реальная модель дома и кухни за \$ 15 000, на которой разгорелись знаменитые кухонные дебаты, оснащена реальной техникой и укомплектована продуктами питания, посудой и прочими предметами. США показывают то, чего они уже добились к настоящему моменту, — то, как живут типичные американцы, хотя фактически им удастся продемонстрировать, как живут не типичные, но типовые граждане, поскольку очевидно, что в 1959 г. далеко не каждая семья существовала в заявленных условиях. Кроме модели дома, кухни, разнообразных бытовых приборов и предметов гигиены, одежды и музыкальных инструментов, автомобилей и медицинского оборудования экспозиция США знакомит с серией снимков, на которых изображены американцы в бытовых условиях. Этот «портрет нации», по замыслу организаторов, иллюстрирует определенный случайный срез американского общества: ««Семейство людей» —

это пятьсот снимков, сделанных фотографами 68 стран, включая 9 работ советских мастеров фотоискусства. Снимки подобраны американским фотографом Эдуардом Стайхеном, просмотревшим свыше двух миллионов фотографий. Они отражают борьбу и надежду, счастье и горе, — все эти обычные переживания для людей всего мира»¹¹.

На этом портрете нации президент находится на одном уровне с фермером, а иерархия вертикали отсутствует. При этом реальность выборки подчеркивается случайностью запечатленных объектов. Таким образом, США демонстрируют ценности равенства, демократии, единства во множественности и разнообразии. Фотовыставка может рассматриваться как визуальная репрезентация уже не столько метафоры «плавильного котла», сколько пришедшей ей на смену метафоры «салатницы»¹². При этом множественные американские «Я» хоть и образуют в своем единстве «Мы», но не перестают быть уникальными и неповторимыми. На этой выставке зритель слышит голоса различных «Я», которые в сумме своей и представляют нацию.

Выставка СССР демонстрирует иные отношения между «Я» и «Мы». Если американская нация разговаривает с советским зрителем миллионами голосов так, что каждый индивид может обладать ярко выраженной точкой зрения, то советский народ не допускает индивидуализма — советский народ есть одно коллективное «Мы», некое общее волеизъявление. Экспозиция советского искусства подтверждает наше предположение: отборная соцреалистическая живопись и скульптура демонстрируют идеализированного художником по идеологическим причинам советского человека, рядового, равного остальным и тем выдающегося. Каноны соцреализма требуют от художника изображения мира таким, каким он должен быть, и ограничивают свободу самовыражения мастера.

Демократичные США поощряют индивидуальность и ее право на самовыражение, представляя среди прочих предметов живописи и скульптуры полотна американских абстрактных экспрессионистов, которые являются беспрецедентными по степени выражения «Я» художника. Тот факт, что западная идеология признает право на индивидуальность, а, следовательно, плюрализм мнений, подчеркивается и на уровне грамматических форм лексики: в каталогах и документах США используется существительное множественного числа «американцы». Напро-

---

¹¹ Американская выставка в Москве... С. 4.

¹² Метафора «Салатница» (англ. salad bowl) возникла в 1970-х и отражает мультикультурный аспект общества США и не предполагает ассимиляции, отказа от идентичности, в отличие от «плавильного котла».

тив, в документах и каталогах советской стороны употребляется словосочетание «Советский народ».

Как уже было замечено выше, США представили на выставке реальную картину жизни капиталистического общества, мир уже созданного и воплощенного. СССР по объективным причинам представляет по большей части не реальные предметы, но модели и планы. Таким образом формируется еще одна значимая для этих двух выставок оппозиция: *реальность — утопия*. Это противопоставление обуславливает и различное отношение двух народов ко времени: очевидно, что США показывают жизнь в настоящем, в то время как СССР, по большей части, — жизнь в будущем. Уже самим подбором экспонатов советское общество демонстрирует свою футуроцентричность. В Нью-Йорке представлены многочисленные проекты: макеты спутников в натуральную величину, макет биоманипулятора, управляемого от биотоков, макеты строящихся атомных станций, макеты металлургических комбинатов с печами, генеральный план реконструкции Москвы и макет нового города науки в Новосибирске. Футуроцентричность подчеркивается и официальным лозунгом того времени, который в 1957 г. озвучил Хрущев: «догнать и перегнать Америку». Грамматическая категория совершенного вида является одним из способов выражения будущего времени. Более того, официальная позиция СССР предполагала, что представленные достижения США для коммунистического общества — дело ближайшего будущего: «Мы можем кое-чему научиться. Мы воспринимаем Американскую выставку как выставку наших собственных достижений в ближайшем будущем»¹³.

Именно в будущее устремлен спутник, изображенный на обложке каталога СССР¹⁴. Размытый фон свидетельствует о том, что спутник движется на большой скорости. Спутник изображен четко. Следовательно, автор (читай: советский народ) находится на той же скорости и движется в том же направлении. СССР ориентирован на поиск, на постоянное движение вперед, на расширение, на постижение новых макрокосмических пространств. Один из главных экспонатов США — кухня — демонстрирует принципиально иное мироощущение: ориентацию на микрокосм, на личное, интимное.

---

¹³ Мы перегоним Америку! Речь Председателя Совета министров СССР Н.С. Хрущева при открытии выставки Соединенных Штатов Америки в Москве // Труд. 1959. 25 Июля.

¹⁴ USSR Exhibition: New York 1959: [booklet]. Издано в Советском Союзе. 1959.

Из приведенного выше краткого обзора следует, что две выставки 1959 г., являясь, согласно официальной точке зрения, реализацией *курса на сближение*, рассматривались сторонами как этап противостояния, как одно из сражений «холодной войны». Именно поэтому не следует оценивать эти события *только* как мирный диалог культур или *только* как войну идеологий. Американская сторона видела в АНВ возможность репрезентации западной культуры в Москве как инструмента деморализации советского общества. Хрущев же прекрасно понимал, что впускает Троянского коня, однако, помимо всего прочего, он рассчитывал на то, что этот опыт действительно плодотворно отразится на техническом прогрессе СССР. Тем сильнее было разочарование многих посетителей, отмечавших с сожалением, что на выставке показаны продукты, но не средства производства, а именно они и представляли наибольший интерес.

Западные исследователи склонны рассматривать события 1959 г. в качестве начала последующего распада СССР, вызванного победой капиталистической культуры потребления¹⁵. Вопрос о том, насколько эффективными оказались стратегии США и СССР, следует анализировать, исходя, в том числе, и из рецепции выставок современниками, а также из последующих культурных и научных сдвигов, вызванных этим беспрецедентным контактом капитализма и социализма, состоявшимся в уникальную историческую эпоху «холодной войны», в эпоху, когда мир достигался ядерным паритетом, а культура использовалась как оружие.

---

¹⁵ Слабые стороны америкоцентричного подхода к «холодной войне» и анализа событий с точки зрения победителей подробно разбирает Сьюзан Рид. Подробнее см. *Reid S. E. Who Will Beat Whom?* P. 857.

Шехтер Брэндон

Университет Калифорнии-Беркли (США)
аспирант, 4-й курс.
bmschechter@berkeleyu.edu

«ЛИЧНОЕ ЗНАМЯ»: ГИМНАСТЕРКА КАК БИОГРАФИЯ СОЛДАТА И РЕЖИМА, 1941–1945 ГГ.

Гимнастерка солдата РККА, сшитая из хлопчатобумажной ткани, выцветавшая на плечах, просоленная потом, становилась его второй кожей. И именно в этом своем проявлении она становится ценным источником исторического знания.

Образ красноармейца должен был соответствовать заданным правилам и отражать закладываемые государством смыслы. В этой связи форма была полна символами и становилась текстом, в частности для внутренней идентификации (звание и род войск), как это принято во всех регулярных армиях. Однако существовала у формы военных РККА и своя специфика. Во-первых, форма не имела отличительных знаков частей, но при этом солдаты постоянно носили свои награды. Во-вторых, в ходе войны форма Красной армии изменилась кардинальным образом, что было связано с более глубокими общественными трансформациями. Эти особенности позволяют нам рассматривать солдатскую гимнастерку и как личное знамя, раскрывающее личный опыт солдата, историю его ранений и географию боевых перемещений, и как знамя государства¹, имеющего свою национальную историю.

Служба в воинских частях, принимающих участие в боевых действиях, стала переломным моментом в биографиях многих людей. Как объяснял призывникам комбат Баурджан Момыш-улы: «Вчера вы были людьми разных профессий, разного достатка — вчера среди вас были и рядовые колхозники, и директора. С сегодняшнего дня вы бойцы и младшие командиры Рабоче-Крестьянской Красной Армии»². Классовые, конфессиональные, поколенческие, гендерные и национальные различия должны были быть стерты, как только человек становился красноар-

---

¹ Субботин В. Солдатская душа // Красная звезда, 19 февраля 1943. Как точно заметил Субботин: «У тебя, парень, на груди цельная история твоей фронтовой жизни».

² Бек А. Волоколамское шоссе. М., 1988. С. 58.

мейцем. Форма воплощала эту новообретенную идентичность и отграничивала военную жизнь от довоенной. Значение приобретали звания и награды, а упоминание, например, классового происхождения становилось неуместным. Как отмечает в своей статье один военный корреспондент, значение имеет звание, но не былая собственность семьи командира: «А для чего все это молодому бойцу? Лошадь и овцы командировых родичей его вовсе не интересуют. Ему важно знать, что за воин этот командир, которому вверяются его судьба и жизнь, где и как этот командир бил немцев, каков у него характер... за что командир награжден орденом»³. Солдат отдавал честь не личности, а мундиру⁴. Прежние достижения и промахи оставались с гражданской одеждой, хотя и могли вспомниться в ходе службы человека в форме.

В гимнастерке солдат становился частью огромной военной машины с четкой иерархией и дисциплиной, его статус определялся званием и родом войск. Человек превращался в заменяемую деталь, он мог быть брошен на выполнение новой задачи в новых условиях в любой момент. Это подчеркивалось тем, что советская униформа не отражала привязанности к той или иной части войск, как это было в других армиях, где эта прикрепленность создавала чувство сплоченности и особости в огромной армейской организации. В ходе войны идея введения обособленного обмундирования для разных частей обсуждалась, но так и не воплотилась в жизнь, поскольку возникали другие приоритеты, например общее снабжение войск⁵.

Осмысление солдатами роли военной формы стало особенно актуальным в начале войны, когда они, выбираясь из окружения, должны были сделать выбор: остаться в форме или избавиться от нее. Бросить форму означало дезертировать, однако многие красноармейцы шли на это — переодевались или срывали свои знаки различия⁶.

---

³ Литвинов А. Ввод в бой нового пополнения // Красная звезда. 1943. 20 апреля.

⁴ Joseph N. Uniforms and Nonuniforms: Communication Through Clothing. New York, 1986. С. 3, 66–7; Кривицкий А. О военном мундире и погонах // Красная звезда. 1943. 7 января.

⁵ Цыпелков К.В. Униформа российского военного воздушного флота. В 2 т. Т. 2. Ч. 1 М., 2007, 218–220; «Это то, что наболело, что просится наружу»: Письма И.В. Сталину. 1941–1942 гг. // Исторический архив. 2005. № 2. С. 4–40, 28.

⁶ Об этом пишут многие ветераны, см., например: Якунов Х. Фронтные зарисовки: записки художника. Казань, 1981. С. 19–20, 26; См. также: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 208. Оп. 14703. Д. 1. Л. 141–143. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 25 (14). М., 1998. С. 90 и,

Именно в эти кризисные годы советское государство создавало много символических элементов формы, например ордена. Был облегчен процесс присвоения наград и конкретизировано, за что боец должен быть награжден⁷. Предполагалось, что награды⁸ выполняли стимулирующую функцию: «Наградить отважного бойца... это не все. Надо учить остальных на примерах героев, надо чаще рассказывать бойцам о лучших людях, самоотверженно сражающихся за Родину, и доводить эти рассказы до сердец красноармейцев»⁹. Армия, популяризируя подвиги, призывала к дерзости на поле боя, переводя ударничество и стахановское движение в военную сферу. Списки награжденных и очерки о подвигах стали обязательными компонентами военной прессы. Таким образом, награды, представленные на груди солдат, выполняли и педагогическую функцию.

Самой скромной внешне наградой была нашивка за ранение. Ее вели весной 1942 г. и выдавали всем раненым в ходе войны солдатам. Нашивки, во-первых, демонстрировали возможность активной жизни даже после ранения, а во-вторых, выделяли как героев тех, кто вернулся в строй¹⁰. У каждой раны была своя история, и каждый раненный солдат пользовался уважением как более опытный боец¹¹.

Зачастую после лечения в госпитале солдат РККА не имел возможности вернуться в свою прежнюю часть. Поэтому нашивки и другие награды служили инструментом представления солдата в новой среде¹².

Существовали специальные профессиональные награды в виде нагрудных знаков, например «Отличный Повар». Рассмотрим подробнее

конечно, приказ 227 (РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 98. Л. 617–622), Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 58–60.

⁷ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 71. Л. 386–389; Приказы народного комиссара обороны... Т. 13 (2–2). С. 269–270; Награда в бою // Красная звезда. 1943. 6 марта.

⁸ Существовала иерархия наград: от нагрудных знаков и нашивок до орденов. Выдавались награды как индивидуально, так целым частям.

⁹ «Награда в бою»; см. также: *Рубинштейн М.* О воинском воспитании // Красная звезда. 1942. 18 октября.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 32. Оп. 920265. Д. 5. Л. 539; Главные политические органы вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная, Т. 17–6 (1–2). М., 1996. С. 151–152.

¹¹ *Субботин.* Солдатская душа.

¹² См., например: *Прядехин А.Б.* «Фронтовые дороги» // Ветеран. Л., 1977. С. 16–32.

самый распространенный нагрудный знак — «Гвардия». С 18 сентября 1941 г. отличившиеся в боях части РККА могли получить звание «гвардейских». Это звание отсылает к дореволюционному опыту гвардейских частей царской армии. Гвардейцы получали двойной оклад, лучше снабжались¹³. Еще одной привилегией гвардейцев было то, что после госпиталя они должны были возвращаться именно в свою часть¹⁴.

Весь личный состав части мог также быть награжден медалями за участие в боевых действиях, например «За Оборону Ленинграда». Эти награды выдавались в массовом порядке, некоторые такие медали были вручены больше миллиона раз¹⁵.

Получение награды за подвиги иногда рассматривалось как обязательная часть службы. Приведу пример из воспоминаний одного ветерана: «Тут психология солдатская простая: войне уже два года, а после Сталинграда как-то особенно стыдно не иметь на груди хотя бы медаль. Что же ты делал там, спрашивается, если не заслужил ни одной награды?!»¹⁶. Отсутствие орденов и наград могло вызвать сомнение и недоверие¹⁷.

Награды стали частью самоидентификации: в частности, наличие медалей и орденов всегда упоминалось в переписке с инстанциями. Статус орденосца мог служить основанием или аргументом в прошении или требовании¹⁸.

Каждая награда имела свою историю, и солдат мог рассказать свою фронтовую биографию через медали¹⁹. Награды павших солдат отправ-

---

¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 110–112, Приказы народного комиссара обороны... Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 85–86; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 389–391; *Temkin G.* My Just War: The Memoir of a Jewish Red Army Soldier. Novato, CA, 1998. С. 138–139.

¹⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 126. Д. 99. Л. 341–342, Приказы народного комиссара обороны... Т. 13 (2–2). С. 128–129.

¹⁵ *Кузнецов А.* Энциклопедия русских наград. М., 2001. С. 370–373, 287; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 111. Л. 365–368, Приказы народного комиссара обороны... Т. 13 (2–3). С. 371–372.

¹⁶ *Абдулин М.Г.* 160 страниц из солдатского дневника. М., 1985. С. 77.

¹⁷ См., например, записи с 28 апреля 1944 г.: *Гельфанд В.* Дневник 1941–1946. (<http://www.gelfand.de>) и *Жукова Ю.* *Девушка со снайперской винтовкой: воспоминания выпускницы Центральной Женской Школы Снайперской подготовки 1944–1945.* М., 2006. С. 118.

¹⁸ *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization. Berkeley, 1995. С. 198–238.

¹⁹ *Субботин.* Солдатская душа.

лялись их родным, становясь таким образом реликвией²⁰. Боевой путь, страдание и достижения солдата оказывались у всех на виду на гимнастерке. Анонимная одежда-униформа становилась личной.

Облик солдата менялся в ходе войны не только в результате его личных достижений. В 1941 г. обмундирование Красной армии напоминало форму времен Гражданской войны, но с середины войны оно уже вызывало ассоциации с более ранней историей. В 1943 г. были введены погоны — ненавистный до этого для советской власти атрибут царской армии. Это фундаментальное изменение того, каким себя теперь представляло советское государство, наиболее очевидно проявилось в форме военнослужащих и на знаменах советских военных частей. Еще до возвращения погонов изменилась надпись на знаменах: вместо «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» появилось «За нашу Советскую Родину!»²¹.

Советский солдат перестал быть интернационалистом, он стал продолжателем дела великих полководцев прошлого, успешно защищавших родину. Изменение формы сопровождалось и введением новых орденов в честь героев прошлого: Александра Невского, Александра Суворова и других. Великая Отечественная война воспринималась не только как угроза существованию Советского Союза, но как эпическое событие в истории великого русского народа и его братьев. Главное политуправление Красной армии объясняло произошедшее следующим образом: «После Октябрьской революции, когда реакционное офицерство выступило против советской власти с оружием в руках, молодая Красная Армия отказалась от формы, которую носили ее враги. С тех пор много воды утекло. Красная Армия выросла и окрепла. В ее рядах сформировались замечательные командирские кадры, и ныне страна дает своим сынам знаки воинского достоинства, украшавшие мундиры российской армии времен 1912 г., героев Севастопольской обороны и битв с немцами в годы первой мировой войны».²²

Новая форма вызывала восхищение белогвардейцев и недоумение граждан на освобожденных территориях, многие из которых не узнава-

---

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2963. Д. 98. Л. 21; Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 25 (14). М., 1998. С. 645–646; Собирайте памятники и реликвии Отечественной войны // Красная звезда. 1943. 7 апреля.

²¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 106-а. Л. 566–568, Приказы народного комиссара обороны... Т. 13 (2–2). М., 1997. С. 383–384.

²² *Кривицкий*. О военном мундире и погонах.

ли своих солдат²³. Сами солдаты относились к погонам по-разному. Некоторые считали, что они предшествуют возвращению старого строя, другие насмехались над «ново-старой формой»²⁴. Были и те, кто бурно приветствовал их из идеологических или эстетических соображений²⁵. Несмотря на различия в восприятии, погоны стали частью формы, а соответственно и частью солдатской биографии. Как отмечал один политработник: «Надев погоны, советские солдаты и офицеры пронесут их сквозь огонь сражений как свои маленькие, личные боевые знамена, торжественно врученные им родиной»²⁶.

От отступления 1941 г. до водружения красного знамени над Рейхстагом понятие «советский» претерпело значительные изменения. Заново осмыслив образ красноармейца, советское государство вписало себя в предыдущую историю. СССР стал наследником великих побед российского прошлого, с которым он еще недавно боролся. Облачившись в форму, участники войны обрели новую идентичность.

---

²³ *Litvin N.* (translated and edited by Stuart Britton). *800 Days on the Eastern Front*. Lawrence, 2007, 29. См. также: *Лесин А.* Была война: книга-дневник. Симферополь, 1990. С. 185, *Генатулин А.* Вот кончиться война. М., 1988. С. 250; *Слуцкий Б.* О других и о себе. М., 2005. С. 132.

²⁴ *Дунаевская И.* От Ленинграда до Кенигсберга: дневник военной переводчицы (1942–1945). М., 2010. С. 170; *Путьшев Н.В.* В памяти и в сердце. М., 1986, 110; Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 151–153; Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 388–391.

²⁵ *Фролов Н.С.* Все они хотели жить: Фронтовые письма погибших солдат, воспоминания ветеранов войны. Казань. 2003. С. 59; *Слезкин Л.Ю.* До войны и после войны. М., 2009. С. 456–457.

²⁶ *Моран Р.* «О вручении погонов» // Красная звезда 28 января 1943. Лесин ссылался на эту статью в своем дневнике. *Лесин.* Была война. С. 130.

**КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?
ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ,
ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ,
НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ**

**материалы научной конференции
студентов и аспирантов**

20–21 апреля 2012 года, Санкт-Петербург

Корректор — Е. А. Левичкина

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург
ул. Гагаринская, 3
тел.: +7 812 386 7627
факс: +7 812 275 5139
e-mail: books@eu.spb.ru
Интернет-магазин Издательства:
WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 13.04.12
Формат 60x88 1/16. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Политехника-Сервис»
191023, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 6